

СКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ДМИТРИЙ ГОРДОН

ВИКТОР СУВОРОВ: ИСПОВЕДЬ ПЕРЕБЕЖЧИКА

СКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМАТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ

**ДМИТРИЙ
ГОРДОН**

**ВИКТОР
СУВОРОВ:**

ИСПОВЕДЬ ПЕРЕБЕЖЧИКА

МОСКВА
алгоритм
2014

УДК 355/359
ББК 63.3
Г 68

Оформление *Б. Протопопова*

Гордон Д.

Г 68 Виктор Суворов: исповедь перебежчика / Дмитрий Гордон. - М. : Алгоритм, 2014. - 224 с. - (Политический компромат).

ISBN 978-5-4438-0590-0

Виктор Суворов. Он самый популярный автор «нон-фикшн» в России и одновременно самый известный перебежчик из ГРУ на Запад. Смертный приговор ему до сих пор не отменен. Ему нечего скрывать, прямо и откровенно он рассказывает Дмитрию Гордону о том, как работает наша разведка на Западе. «... Вербовка не наука, а искусство - как рыбная ловля где-нибудь на Днепре: сидишь, удочку с червячком закинул... Подсек, а он такой большой, толстый карась: вытаскиваешь его и - раз! - на сковородку!»

**УДК 355/359
ББК 63.3**

ISBN 978-5-4438-0590-0

© Гордон Д., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

За свою шестидесятитрехлетнюю жизнь я овладел самыми разными литературными жанрами: от разведдонесений до романов, а вот предисловие пишу впервые. Даже растерялся немножко: с чего же начать? Поразмыслив, любителей парадоксов решил не разочаровывать: пусть это будет попытка эссе о... вреде книг... Да-да, об их колоссальном вреде для тоталитаризма, имперского сознания и мозгов, промытых воинствующей пропагандой.

Любое событие, я уверен, чем-то предопределено, и что мы в своих детей вкладываем, то в конце концов и получаем. Ну кто, вот скажите, мог вырасти из мальчишки, чье гарнизонное детство прошло среди пушек и танков, если до школы к тому же он не видел гражданских людей, с пеленок слышал вокруг разговоры только об армии, а по радио — сообщения о том, сколько сбито над Кореей американских самолетов (с пятидесятого по пятьдесят третий год там шла, как известно, война)? Потом с одиннадцати лет суворовское училище, высшее военное...

Книги не просто изменили и расширили мои представления об окружающем мире — если бы не библиотека отца, который увлеченно собирал военные мемуары (прочитанные мною от корки до корки), может, и не было бы такого писателя, как Виктор Суворов. Кстати, эта библиотека перешла мне в наследство: все вывезти я

не мог (что-то у старшего брата осталось), но большинство томов со штампом «Из книг Богдана Васильевича Резуна» хранятся теперь у меня.

Я и сейчас работаю среди книг. Представьте: все четыре стены моего двадцатисемиметрового кабинета до самого верха заняты полками, которые заставлены в два ряда, — остался только просвет для окна! — а внизу (англичане живут в двухэтажных домах) расположена еще и домашняя библиотека. Кроме того, книги стоят в гостиной, и все время жена обижается — считает, что они занимают место каких-то украшений и безделушек. На это я отвечаю Татьяне: книги — лучшие украшения, правда, когда их совсем уж девать некуда, те, что в ближайшее время, на мой взгляд, не понадобятся, складываю в пластиковые, чтобы туда не попала влага, коробки и отправляю в гараж (рассчитан он на две машины, но иногда туда с трудом удается воткнуть одну).

Парадокс, но такое книжное изобилие отнюдь не снижает мое желание писать, и лет десять уже я не знаю, что такое отпуск. Вот и минувшим летом не бездельничал — работал над новой книгой «Змеед»: так исстари называли тех, что пожирают себе подобных змей, и такую кличку носил товарищ Сталин (у него было довольно много прозвищ, в том числе и более распространенных — коллеги-революционеры, к примеру, поскольку люди кавказской национальности сидели обычно в Москве на углах и чистили прохожим обувь, некогда окрестили его Гуталином). Сейчас книга «Змеед» сдана в издательство, и в данный момент я пишу уже следующую под названием «Кузькина мать»...

Мало того, что я автор добрых двух десятков литературных произведений, так еще и обо мне постоянно пишут и что-нибудь издают. Недавно составленный мною список (а в нем сорок одно (!) наименование) пополнился очередным сочинением — «Новейшим анти-Суворовым». В основном эти творения отрицательные, хотя из-

редка попадают и положительные: среди историков, например, полку моих единомышленников прибывает. Книги, замечу, я еще как-то пытаюсь подсчитывать, а вот статьи никакому учету не поддаются. Вы, уважаемые читатели, сами свидетели: как только 22 июня или 9 мая подходит, какой-то бумажный вал надвигается, вернее, катится на четырех колесах телега...

Автор этого сборника Дмитрий Гордон — журналист высокопрофессиональный и объективный, поэтому я убежден: его труд ляжет увесистой гирей на мою чашу весов. Мы с женой с удовольствием с Димой общались, когда он приезжал в Англию: во-первых, поговорить с хорошим человеком всегда приятно, а во-вторых, это была вроде как встреча с Родиной, и мы, можно сказать, окунулись в атмосферу украинского радушия и гостеприимства.

Почему мне так важно, чтобы меня услышали в Украине? Да потому, что какая-то странная получается ситуация. Я — первый украинец, который вышел из состава СССР, этот путь проложил. Много лет я доказывал, что надо бросать Союз к чертовой матери, твердил, что украинцы могут жить сами. Да, проблемы какие-то есть, но вызваны они в основном тем, что семьдесят лет Украина была в рабстве: кто-то из метрополии творил там голодомор и другие страшные преступления. Она постоянно была вовлечена в какие-то дикие эксперименты, растила хлеб и производила оружие для того, чтобы поддерживать всякие Анголы и Мозамбики, Алжиры и Египты, а если бы это была свободная страна, ей не пришлось бы кормить и вооружать половину Азии и Латинской Америки.

Девятнадцать лет назад Украина, которая была советской социалистической республикой, пошла за мной, стала наконец независимой, но, обретя свободу, признавать меня не желает. В чем же я, спрашиваю, виноват перед тобой, мать моя, почему ты сегодня считаешь меня блудным сыном? Ну ладно, я не в претензии, к тому же

один земляк написал мне: «Не обижайся, наступит время, когда Украина и Россия будут спорить из-за того, русским тебя считать или украинцем. Жаль только, что это случится уже после тебя ...».

Когда в свое время я передал украинским издателям рукопись «Ледокола», никакого корыстного интереса с моей стороны не было — я не пытался что-то урвать, выгадать, вплоть до того, что отказался от гонорара. Точно так же произошло и в России. Первый российский издатель предложил поделиться по-братски: ему деньги от трехсотдвадцатитысячного, а потом еще и миллионного тиража, а мне слава. Я согласился. Главное для меня было — донести правду до своего народа: и до русских, и до украинцев, поэтому не прогадал.

Меня упрекают: «Фальсификатор!», бросают всякие нелюбезные эпитеты в лицо, а я недоумеваю: «Гражданин, о чем идет речь?». Я доказываю, что мы не гитлеровские прихвостни, что Советский Союз готовил нападение на Гитлера — что тут плохого? Этим гордиться надо, а тот, кто утверждает, будто ничего подобного мы делать не собирались, потому что 28 сентября 1939 года между СССР и Германией был подписан Договор о дружбе и границе, и есть самый настоящий враг народа. Вдумайтесь: о дружбе с кем? С Гитлером! Да, было такое, но это же аморально — этого нужно стесняться, а не того, что мы хотели связи с нацистской Германией разорвать.

Меня эта логика удивляет — как, впрочем, и ярлыки, которые уже столько лет пытаются мне навесить. Выходит серия книг «Правда Виктора Суворова», и сразу же появляется «Неправда Виктора Суворова». «Хорошо, — киваю, — ребята, пишите, но если с вами и вашими доводами согласиться, мы были союзниками Третьего рейха, верными гитлеровцами. Позор на ваши увесистые тома!»...

Кто-то скажет: «Сколько можно мусолить тему — об этом столько уже говорено-переговорено?», но если в

украинском городе Запорожье к шестидесятипятилетию Победы коммунисты устанавливают памятник Сталину, все точки над «і», видимо, еще не расставлены. Такого в стране, которая понесла жуткие потери от сталинизма, быть не должно, к тому же Сталин был выдающимся преступником, каких не рождала наша планета, — спрашивайте стариков: они вам много чего расскажут... Да, при гитлеровской оккупации украинцам жилось жутко, но все-таки голодомора и людоедства не было, а при Сталине все это было, и тот, кто ставит монумент верховному людоеду, является врагом Украины.

Приходится слышать, что памятник Сталину был вызовом западным областям, которые сооружают монументы Шухевичу и Бандере. Обсуждать эту тему я не рискну, — она неподъемна! — но несмотря ни на что, все-таки эти люди воевали за Украину, и у них были свои зоны. Жители Западной Украины встречали гитлеровцев с цветами, но произошло это не потому, что Гитлер хороший или люди такие плохие, — просто после того, как неполных два года, с сентября тридцать девятого по июнь сорок первого, у них похозяйствовали чекисты и комиссары, они рады были любому, кто от советской власти избавит. Какой же бесчеловечной она была, если народ пошел кричать «Ура!» Гитлеру?

Время лечит: боль рано или поздно утихнет, и общество выздоровеет, справится с этим нарывом, просто обе стороны должны постараться друг друга понять. Когда я служил в 66-й гвардейской мотострелковой Полтавской Краснознаменной дивизии, мне приходилось общаться с пожилыми людьми и в Черновцах, и во Львове. Они признавались, с какой огромной надеждой ждали: «Вот придут скоро русские!» (под которыми, естественно, подразумевалась Красная Армия), потому что помнили их по Первой мировой. Тем горше было разочарование, когда оказалось, что пришедшие совсем не похожи на освободителей: и солдаты, и командиры были запу-

ганными, избегали контактов — над ними довлел тридцать седьмой год.

Мне кажется, с Дмитрием Гордоном нас объединяет не только трепетное отношение к книге, но и вера в то, что она способна изменить мир, и началось это не с «Манифеста Коммунистической партии», как нам внушали в школе, а со времен Иисуса Христа и Библии — может, даже и раньше. В силе напечатанного слова я убедился и на собственном опыте, и хотя, наверное, нескромно ставить себя в пример, но у меня оказался самый правдивый и мощный материал о войне. После выхода «Ледокола» я получил семнадцать кубометров писем, которые сейчас находятся в канадском исследовательском институте — я их туда отправил, потому что во всем этом разобратся ни сил не имел, ни времени.

Сейчас тоже письма идут, но объемы, разумеется, несравнимые — тогда был какой-то взрыв, и практически в каждом послании люди свидетельствовали, что их историческое сознание полностью изменилось. До этого ведь война воспринималась как что-то нудное, официальное: подошло 9 Мая — фронтовики выпили, закусили... Никто ни о чем не спорил, всем все было понятно, и даже если миллионы людей со мной не согласны, ничего страшного в этом нет. Главное, что они стали задавать вопросы, думать, и даже если, допустим, во всем я не прав, заслуга моя заключается в том, что я вызвал дискуссию, которая продолжается четверть века — с восемьдесят пятого, когда появилась первая публикация, и по сей день. Даже если моя теория чепуха, это был фитиль: из искры возгорелось пламя, которое бушует и не утихает. Надеюсь, теперь понятно, почему мне смешны скептики, которые пророчат бумажным книгам скорую кончину.

Любуюсь своими внучатами, когда в очередной раз они у нас с Татьяной гостят. В недавний приезд — Лева и Скарлетт буквально на днях отбыли! — мальчишка за-

брался в мой кабинет, где, кроме книг, хранится еще и оружие: автомат Калашникова, действующая винтовка Мосина (российская трехлинейка, с которой отвоевали и Первую мировую войну, и Вторую)... Здесь же пробитая немецкая каска (два входных отверстия маленькие, будто толстой иглой прошиты, а выходные — разорванные, страшные), немецкий штык... Его-то дочка и обнаружила в детской постели, когда утром пошла поднимать ребяташек. Пацан утащил штык, да так и уснул с ним в обнимку — заодно слевой и мне на орехи досталось.

К чему я веду? К тому, что и внук, и внучка у меня умнички, читают, как ни странно, по-русски (нас же, русскоязычных, так мало — мы с женой да еще дочь, а против нас и улица, и школа, и телевидение). Они, конечно же, англичане, но русско-украинско-английско-уэльские, и этим гордятся, а я в свою очередь не просто радуюсь их успехам, но и анализирую постоянно, что у них от страны, где родились, а что от славянских корней.

Я обречен на то, чтобы сравнивать то и дело традиции, привычки, подходы — за годы, проведенные в Великобритании, у меня взяли бесконечное количество интервью. Когда приезжаю, например, на недельку в Польшу, мне сразу вручают план, где буквально все по минутам расписано. Выступать по телевидению приходится по три раза в день, так что иной раз и взмолишься: панове, я ж не машина, человеку свойственно уставать! Они в ответ только руками разводят: ничего не поделаешь, люди требуют...

Каких только вопросов мне за это время не задавали: в том числе — отличается ли западная школа журналистики от постсоветской? Сразу договоримся: зависит все не от национальности, а от интеллектуальных способностей. Умные ребята и в России есть, и в Украине, и в Британии, и в Америке, но есть и пустые, недообразованные, примитивные — вот по этому признаку их и делю.

Впрочем, и национальные особенности сбрасывать со счетов нельзя — те же янки везде все стараются переделать на привычный манер. Скажем, когда американские войска находились в Германии, они создавали вокруг мини-Америку: с «Макдональдсом», со всеми штатовскими атрибутами, а вот британские солдаты ходили в немецкие гасштетты (трактиры), пили там пиво... Я, конечно, утрирую, но, в принципе, американец считает, что есть только его мнение и неправильное, и если вы поступаете не так, как это принято в США, то лишь потому, что заблуждаетесь, а вот англичанин, когда оказывается на Цейлоне, в Индии или на каких-нибудь островах в Атлантическом океане и видит что-либо непривычное, говорит себе: «Эй, стоп!». Он спрашивает, пытается разобраться, вникнуть в чужую логику, поэтому Британия и имела такую империю — самую мощную в истории человечества.

Дмитрий Гордон, на мой взгляд, похож в профессиональном плане на англичанина: он сразу располагает к себе, причем не только улыбкой, но и тем, что пытается проникнуть во внутренний мир собеседника. Народная мудрость гласит: если хочешь иметь друга, стань другом сам — у Димы готовность к такой самоотдаче присутствует на органическом, геномном уровне, и хотя я окончил военно-дипломатическую академию, не сочтите эти слова дипломатией — они искренни.

Заданный вопрос несет уже в себе зачастую ответ, и если интервьюер подготовился плохо, на дурацкие вопросы такие же дурацкие получит ответы, а вот во время общения с Дмитрием мне временами казалось, что он знает мои книги едва ли не лучше меня. Мы говорили часов пять, и он ни разу меня не перебил, в его глазах светился неподдельный интерес. Не секрет, что собака всегда знает, кто ее гладит: друг или враг, так вот, беседуя с Димой Гордоном, я чувствовал себя счастливой собакой, потому что ощущал с его стороны человеческое отношение.

На журналистов всех мастей, независимо от их национальной принадлежности, влияет политическая ситуация — так, например, когда рухнул Советский Союз, многим казалось, что люди, которые боролись против коммунистического режима, будут теперь наверху, станут новой властью или, по крайней мере, ее советниками. Помню, тогда сюда, в Лондон, ринулись толпы корреспондентов из Москвы. Разыскивали диссидента Буковского: «Владимир Константинович, расскажите, как вам сиделось», «Ой, как в Союзе было ужасно!», «Ах, проклятые, они же вас засадили!», но как только эти флюгеры поняли, что не за власть диссиденты боролись, а за нашу — не свою личную! — свободу, их будто ветром сдуло. Пошло разочарование: «А-а-ах, власть не здесь — в Кремле», и все уже к вечно пьяному Ельцину побежали, стали путешествовать с ним на теплоходе по Енисею... Мне очень понравилось, что Дмитрий в своей работе руководствуется не конъюнктурными соображениями, а исходит из того, интересен ли собеседник лично ему.

Тем для обсуждения у нас еще много, поэтому с вами, уважаемые читатели этой книги, я не прощаюсь, а говорю: «До свидания». Желаю родной Украине счастья и процветания — я убежден, что это великий народ с великим будущим. Да, в стране существуют сейчас большие противоречия, но, как свидетельствует многовековая история, украинцы всегда умели найти правильный путь через пороги, и я верю: опыт и интуиция их и на этот раз не подведут.

Виктор Суворов, 2009 г.

ВИКТОР СУВОРОВ. ИСПОВЕДЬ ПЕРЕБЕЖЧИКА

«Вербовка не наука, а искусство — как рыбная ловля где-нибудь на Днепре: сидишь, удочку с червячком закинул... Подсек, а он такой большой, толстый карась: вытаскиваешь его и — раз! — на сковородку!»

Этот профессорского вида шестидесятидвухлетний мужчина живет затворником в провинциальном английском Бристоле неподалеку от местной военной академии, где преподает военную тактику и историю. Большую часть суток мой собеседник проводит за письменным столом, а соседи, добропорядочные британские граждане, похоже, и не подозревают, что он — бывший советский шпион, еще в семьдесят восьмом приговоренный (вместе с женой, тоже разведчицей) Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни.

Более трех десятилетий назад Владимир Богданович Резун, в тот момент работавший в Женевской резидентуре ГРУ (Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных сил СССР), понял, что корабль под названием «Советский Союз» рано или поздно разделит судьбу «Титаника», и прыгнул с его изрядно накренившегося борта, чтобы вскоре высадиться (не без помощи английской разведки) на берегу непотопляемой

Великобритании. Ушел по-английски, не попрощавшись, даже документы оставил, однако жену и дочь с сыном забрал.

Такой пощечины ГРУ не получало пятнадцать лет — после предательства Олега Пеньковского. Поначалу оно

даже озвучило версию, что Резуна выкрали, и дважды — беспрецедентный факт! — привозило его отца в Лондон для переговоров, но встретиться с ним беглец отказался.

Тридцатиоднолетний Владимир был не первым и не последним невозвращенцем, но кто сегодня вспоминает птицу куда более важную — советского дипломата номер два, заместителя Генерального секретаря ООН Аркадия Шевченко, который стал перебежчиком в том же приснопамятном семьдесят восьмом? Оно и понятно: чтобы забыть унижительные эпизоды времен «холодной войны», в которых английская СИС (Сикрет Интеллидженс Сервис) и американское ЦРУ вчистую обыграли советские спецслужбы, минул достаточный срок, однако Резуна забвение не поглотило. Почему? Да потому, что, когда ГРУ лишилось своего добывающего офицера, мир обрел писателя Виктора Суворова.

Для одних он изменник, предатель, для других — умница, наделенный безразмерной памятью, недюжинными аналитическими способностями и железной логикой, но, как бы там ни было, Суворов-Резун сумел взглянуть на известные исторические факты по-новому. Шаг за шагом, аргумент за аргументом он отстаивал свою (по мнению многих, оскорбительную) версию начала Второй мировой войны и доказывал, что Сталин не жертва, а агрессор, который планировал напасть на Германию 6 июля сорок первого: Гитлер его лишь опередил...

Сегодня на счету Суворова шестнадцать книг, одна скандальнее другой, но главным делом своей жизни писатель считает «Ледокол», заверченный в восемьдесят первом. Сейчас, когда этот бестселлер — самый читаемый и проклинаемый! — издан многомиллионными тиражами на десятках языков, трудно поверить, что он мог к читателям и не пробиться. Что интересно, не только к советским — на Западе книгу приняли тоже в штывки. Свое документальное исследование автор предлагал повсюду, но прежде чем «Ледокол» все-таки проломил со-

противление и вышел в Германии (на это понадобилось восемь лет), отказ получил в шестидесяти восьми издательствах девяти стран. «Самое страшное, — признавался потом Суворов, — орать в пустыне: у тебя идея, а тебя не слышат».

Виктор не первый разведчик, который занялся литературным трудом, — до него такой же выбор сделали Бомарше, Свифт, Тургенев, Дефо и Сименон, — но в отличие от именитых коллег Суворов не «застрял» на беллетристике, отдав предпочтение истории. По сей день он задает «неудобные» вопросы, которые волновали его всю жизнь: зачем в августе тридцать девятого года в СССР была введена всеобщая воинская повинность, поставившая под ружье шесть миллионов человек? Что делали четыре миллиона из них на границе с Германией в июне сорок первого? Почему советские войска беспорядочно отступали аж до Москвы?

С предложенными им ответами можно соглашаться или спорить, но сам писатель на критиков не в обиде и довольно потирает руки, если в аудитории, разделившейся на его сторонников и противников, начинают летать табуретки (и такое бывало!). С женой Татьяной, с которой прожил уже около сорока лет, он всякий раз откупоривает шампанское, когда оппоненты выпускают очередной антисуворовский опус или защищают кандидатскую, а то и докторскую диссертацию, посвященную его «фальсификациям». Главное — он таки расшевелил тех, кто ранее принимал все на веру, не рассуждая, заставил многих своих бывших соотечественников снять идеологические шоры и думать. Впрочем, судя по тому, что первый российский издатель Суворова вскоре после выхода «Ледокола» был убит (по официальной версии, из-за связей с криминальным миром), дело это небезопасное.

Когда-то Суворов утверждал: он «ушел», чтобы не стать козлом отпущения за провал операции ГРУ, вы-

званный непрофессионализмом нового резидента — брата советника Брежнева, потом говорил, что хотел написать «Ледокол», замысел которого созрел в нем еще в шестьдесят восьмом и настоятельно требовал выхода... Возможно, мы так и не узнаем, как же все было на самом деле, и вряд ли это интервью, за которым мне пришлось лететь в Лондон (Верховная Рада в 2005 году не поддержала предложение депутата Степана Хмары предоставить писателю украинское гражданство), расставит все точки над «і». Я, правда, надеюсь, что оно поможет людям решить для себя, кто же он, Виктор Суворов-Резун: предатель Родины, который порочит великую Победу, или герой, чьи книги разрушают последний бастион сталинизма.

«Вы любите запах танка? Я тоже люблю»

— Виктор, наша сегодняшняя встреча здесь, в весьма скромном отеле на окраине Лондона, окружена неким налетом таинственности и обставлена мерами предосторожности почти как в шпионских сериалах или боевиках, но я к ней давно шел, потому что все, тобою написанное и изданное, было мною с огромным интересом прочитано. Мне очень хотелось воочию увидеть человека с такой непростой, сложной судьбой, и я рад, что препятствия позади и у нас есть возможность нормально, обстоятельно, откровенно поговорить.

Читателям я напомню, что ты в свое время окончил Киевское высшее общевойсковое командное училище, Военно-дипломатическую академию и участвовал даже в операции по вводу войск государств — участников Варшавского договора на территорию Чехословакии. Итак, шестьдесят восьмой год, Пражская весна, и как писал Евгений Александрович Евтушенко: «Танки идут по Праге в закатной крови рассвета. Танки идут

по правде, которая не газета»... Что ощущал молодой человек двадцати одного года от роду, придя на чужую землю исполнять приказ Родины?

— Прежде всего страшно интересно было, но давай по порядку. В армии я, наверное, со дня рождения — угрозило на Дальнем Востоке родиться. Представь: гарнизон, стоят самоходки СУ-76 и СУ-100 (самоходные артиллерийские установки. — Д. Г.), «катюши» — все то, что будоражит мальчишеское воображение, и в одиннадцать лет я уже надеваю на себя алые погоны...

— ...суворовские...

— Да. Семь лет в Суворовском училище оттрубил, все по накатанной идет колее, но я-то в армии не для того, чтобы кровати равнять и сапоги чистить: армия — тот же танк, красивый такой, мощный... Как там у меня в «Аквариуме»: «Вы любите запах танка? Я тоже люблю». Мне кажется, этот крепкий машинный дух не может не нравиться, и вот идет бронированный зверь с хорошей такой скоростью, и весит он тридцать шесть тонн, и пушка калибром сто миллиметров, и движок в сотни лошадиных сил работает, а я смотрю на эту границу... Чехи при этом не понимают, что такое свобода, которую я им несусь: «Ребята, вы там камнями потише, а то развернусь сейчас!». На светофорах то красный свет загорается, то зеленый, а я ноль внимания — освободитель!

Сразу же анекдот, помню, пошел: старый чех поймал золотую рыбку, вытаскивает, а она взмолилась человеческим голосом: «Ой, отпусти — исполню твоих три желания». Рыбак согласился: «Ну, давай. Желание первое: чтобы китайцы нас на денек оккупировали». Ну, ладно, чего там: китайцы утром в Чехословакию пришли, а вечером — восвояси. Рыбка спрашивает: «Какое второе желание?». Он опять: «Я бы хотел, чтобы китайцы опять оккупировали нас на денек». Ну, пожалуйста. Третье желание? Чех подумал: «Пуускай китайцы оккупируют Чехословакию еще на один день». Золотая рыбка удивилась:

«Что ж ты дурной такой — нет чтобы загадать сразу на три дня?», а старик хмыкнул: «Ничего ты не понимаешь — чтобы трижды в Чехословакии побывать, китайцы шесть раз через Россию прошли».

Ребята наши, короче, сразу почувствовали: тут что-то не так, но реагировали по-разному. Был у меня друг Вася Красников — я его встретил попозже, когда уже в разведке Приволжского военного округа состоял, а он из Германии прибыл. Вася служил в 6-й гвардейской дивизии (это 20-я гвардейская армия) в Бернау, и если мы входили в Чехословакию из Прикарпатского округа, то 20-я гвардейская резала ее прямо из Германии, чтобы с севера на юг овладеть.

Красников, в общем, оказался непосредственно в Праге. Умный парень, Московское общевойсковое командное училище окончил, тоже разведчик, но считал, что Чехословакия — это коридор к нашей границе: мол, если его не перекроем, враги к самому кордону подлезут и нападут. «Вася, — увещевал я его, — ты ж золотой медалист: с чего взял, что они нападут?». Каждый, одним словом, по своему разумению все это воспринимал.

...Моя дивизия была в несколько худшем положении, чем другие, потому что в тех, кто двигался по большим дорогам и брал под контроль города, бросали камни, а раз так, сразу реакция возникала защитная: «Ах ты, гад! Ты чего там?». Наши ждали: если чехи начнут стрелять, тогда уж «повеселимся», но мы, 24-я Самаро-Ульяновская Железная мотострелковая дивизия, стояли в глуши: вокруг деревни, леса, и никто на нас не покушался.

Помню, подходят к нам старики (молодежь в стороне держалась), достают сразу сливовицу: «Иван, хочешь выпить?». Ну а кто же не хочет? Ну, выпили, закусить свой сухпай выставили, а они потом говорят: «Иван, а ведь мы тебя сюда вроде не звали»...

Это было хуже всего! Если бы стреляли — нормально, камнями забрасывали — пожалуйста, а когда подхо-

дили — только старики! — и не нахрапом: «Чего это ты?», а по-человечески: «Давай выпьем»... Тоже ребята по-всякому реагировали, но лично мне до сих пор стыдно.

— После Чехословакии, насколько я понимаю, твоя офицерская судьба круто переменялась...

— Не только офицерская — вообще судьба...

Из книги Виктора Суворова «Аквариум».

«Сдав дела совсем молоденькому старшему лейтенанту, я предстал перед своим, теперь уже бывшим, командиром:

— Товарищ генерал, капитан Суворов, представляюсь по случаю перевода в 10-е Главное управление Генерального штаба.

— Садись.

Сел.

Он долго смотрит мне в лицо. Я выдерживаю его взгляд. Он подтянут и строг, и он мне не улыбается.

— Ты, Виктор, идешь на серьезное дело. Тебя забирают в «десятку», но, думаю, это только прикрытие. Мне кажется, что тебя заберут куда-то выше. Может быть, даже в ГРУ. В Аквариум. Просто они не имеют права об этом говорить, но вспомнишь мои слова: приедешь в Десятое Главное, а заберут в другое место. Наверное, так оно и будет. Если мой анализ происходящего правильный, тебя ждут очень серьезные экзамены. Если ты хочешь их пройти, будь самим собой всегда. В тебе есть что-то преступное, что-то порочное, но не пытайся это скрывать.

— Я не буду это скрывать.

— И будь добрым. Всегда будь добрым. Всю жизнь. Ты обещаешь мне?

— Обещаю.

— Если тебе придется убивать человека, будь добрым! Улыбайся ему перед тем, как его убить.

— Я постараюсь.

— Но если тебя будут убивать — не скули и не плачь. Этого не простят. Улыбайся, когда тебя будут убивать. Улыбайся палачу. Этим ты обессмертишь себя. Все равно каждый из нас когда-нибудь подохнет. Подыхай человеком, Витя. Гордо подыхай. Обещаешь?».

«Страх животный в глазах людских видел? А я видел. Это когда на сверхмалой высоте с принудительным раскрытием бросают. Всех нас перед полетом взвесили вместе со всем, что на нас навешано, и сидим мы в самолете в соответствии с нашим весом. Самый тяжелый должен выходить самым первым, а за ним чуть менее тяжелый — и так до самого легкого. Так делается для того, чтобы более тяжелые не влетели в купола более легких и не погасили бы их парашюты.

Первым пойдет скуластый радист. Фамилии его я не знаю. В группе у него кличка Лысый Тарзан. Это большой угрюмый человечиче. В группе есть и потяжелее, но его взвешивали вместе с радиостанцией, и оттого он самым тяжелым получился, а потому и самым первым. Вслед за ним пойдет еще один радист по кличке Брат Евлампий. Третьим по весу числится Чингисхан — шифровальщик группы.

У этих первых троих очень сложный прыжок. Каждый имеет с собой контейнер на длинном, метров в пятнадцать, леере. Каждый из них прыгает, прижимая тяжеленный контейнер к груди, и после раскрытия парашюта бросает его вниз. Контейнер летит вместе с парашютистом, но на пятнадцать метров ниже его. Контейнер ударяется о землю первым, и после этого парашютист становится как бы легче, и в последние доли секунды падения его скорость несколько снижается. Приземляется он прямо рядом с контейнером. От скорости и от ветра парашютист немного сносится в сторону, почти никогда не падая на свой контейнер. От этого, однако, не легче, и прыжок с контейнером очень рискованное занятие, особенно на сверхмалой высоте.

Четвертым идет заместитель командира группы старший сержант Дроздов. В группе он самый большой. Кличка у него Кисть. Я смотрю на титаническую руку и понимаю, что лучшей клички придумать нельзя. Велик человек. Огромен. Уродит же природа такое чудо! Вслед за Кистью пойдет командир группы лейтенант Елисе-ев. Тоже огромный, хотя и не так, как его заместитель. Лейтенанта по номеру группы называют: 43-1. Конечно, и у него кличка какая-то есть, но разве в присутствии офицера кто-нибудь осмелится назвать кличку другого офицера?

А вслед за командиром сидят богатырского вида, широкие, как шкафы, рядовые диверсанты: Плетка, Вампир, Утюг, Николай Третий, Негатив, Шопен, Карл де ля Дюшес. Меня они, конечно, тоже как-то между собой за глаза называют, но официально у меня клички нет, только номер 43-К. Контроль, значит.

В 43-й диверсионной группе я самый маленький и самый легкий. Поэтому мне покидать самолет последним, но это не значит, что я самым последним сажу. Наоборот, я у десантного люка. Тот, кто выходит последним, — выпускающий. Выпускающий, стоя у самого люка, в самый последний момент проверяет правильность выхода и в случае необходимости имеет право в любой момент десантирование прекратить.

Тяжелая работа у выпускающего. Хотя бы потому, что сидит он в самом хвосте и лица всех к нему обращены. Получается, что выпускающий, как на сцене: куда я ни гляну, всюду глаза диверсантов на меня в упор смотрят. Шальные глаза у всех. Нет, пожалуй, командир группы — исключение. Дремлет спокойно. Расслаблен совсем, но у всех остальных глаза с легким блеском помешательства. Хорошо с трех тысяч прыгать! Красота! А тут только сто. Много всяких хитростей придумано, чтобы страх заглушить, но куда же от него уйдешь? Тут он — страх. С нами в обнимку сидит.

Уши заломило, самолет резко пошел вниз. Верхушки деревьев рядом мелькают. Роль у меня плохая: у всех вытяжные тросики пристегнуты к центральному лееру, и лишь у меня он на груди покоится. Пропустив всех мимо себя, я в последний момент должен свой тросик защелкнуть над своей головой. А если промахнусь? А если сгоряча выйду, не успев его застегнуть? Открыть парашют руками будет уже невозможно: земля совсем рядом несется. Я вдруг представил себе, что валюсь вниз без парашюта, как кот, расставив лапы. Вот крику-то будет! Я представляю свой предсмертный вой, и мне смешно. Диверсанты на меня понимающе смотрят: истерика у проверяющего. А у меня не истерика. Мне просто смешно.

Синяя лампа над грузовым люком нервно замигала.

— Встать! Наклонись.

Первый диверсант, Лысый Тарзан, наклонился, выставив для устойчивости правую ногу вперед. Брат Евлампий своей тушей навалился на него. Третий навалился на спину второго, и так вся группа, слившись воедино, ждет сигнала. По сигналу задние напрут на передних, и вся группа почти одновременно вылетит в широкий люк. Хорошо им. А меня не будет толкать никто.

Гигантские створки люка, чуть шурша, разошлись в стороны. Морозом в лицо. Ночь безлунная, но снег яркий, слепящий. Все, как днем, видно. Земля — вот она. Кусты и пролески взбесились, диким галопом мимо несутся. ПОШЛИ!

Братцы! ПОШЛИ!!!

Хуже этого человечество ничего не придумало. Глаза сумасшедшие мимо меня все сразу. Сирена вопит, как зверь умирающий. Рев ее уши рвет. Это чтоб страх вглубь загнать. А лица перекошены. Каждый кричит страшное слово: «ПОШЛИ!». Увернуться некуда. Напор сзади неотвратимый. Передние посыпались в морозную мглу. Ветра поток каждого вверх ногами бросает. ПОШЛИ!!!

А задние, увлекаемые стадным инстинктом, тут же в черный снежный вихрь вылетают. Я руку вверх бросил. Щелчок — и вылетаю в морозный мрак, где порядочные люди не летают. Тут черти да ведьмы на помеле, да Витя Суворов с парашютом.

Все на сверхмалой высоте одновременно происходит: голова вниз, жаркий мороз плетью-семихвосткой по роже, ноги вверх, жуткий рывок за шиворот, ноги вниз, ветер за пазуху, под меховой жилет, удар по ногам, жесткими парашютными стропами опять же по морде, а в перчатках и в рукавах по локоть снег горячий и сразу таять начинает. Противно...».

«Контакта ГРУ с КГБ ЦК очень боялся: если мы снюхаемся — загрызем!»

— Ты был офицером ГРУ — знаменитого Главного разведывательного управления Генштаба Советской Армии, а это правда, что ГРУ и КГБ (Комитет государственной безопасности СССР) между собой враждовали?

— Правдивее не бывает. Дело в том, что это как два медведя в одной берлоге, но на ножах они были еще и потому, что Центральному Комитету КПСС этого очень хотелось. Я расскажу, почему...

В тридцать восьмом году чекисты «почистили» многих, а ГРУ, как старых врагов, особенно усердно. Кстати, ГРУ оно стало называться с сорок второго года, а до того — Пятое управление, Разведуправление Генштаба Красной Армии, по-всякому. Оттого, что чекисты изрядно ГРУ пощипали, туда нужен был новый начальник, и товарищ Ежов (на тот момент нарком внутренних дел СССР и генеральный комиссар госбезопасности. — Д.Г.) выдвинул... себя. Целых два дня он возглавлял Разведуправление РККА (вспоминать об этом не любят, но так было), ну а теперь вообрази на минутку: сидит в своем кабинете товарищ Сталин — усы расправил, трубочку табаком набил, и в этот момент на стол ему бумагу кладут...

При мне было так, что и Главное разведывательное управление, и КГБ каждое утро наверх всего лишь по од-

ному листку направляли, ну а если всяких событий случилось много? Все равно один лист, отпечатанный крупным шрифтом. Как тут в отведенный объем уложиться? Да очень просто. Ты же знаешь, что программа новостей, допустим, идет полчаса: независимо от того, много чего или совсем ничего не произошло, тебе все равно тридцать минут что-то вещать нужно — правда? Точно так же и тут — всего лишь один листик, а Сталин все время стравливал эти организации, потому что...

— ... *исповедовал принцип: разделяй и властвуй!.*

— Верно, а кроме того, существует еще конкуренция. Главного чекиста он, например, вызывает: «Товарищ Ежов, вы что тут такое докладываете? Чепуха какая-то. Вот военные разведчики сообщают...», — но что именно, не говорит. Потом главу разведки на ковер вызывает: «Вы что это тут написали?..»

— «... *Вот товарищ Ежов!*»...

— Да, а они же друг друга не знают, к тому же враги... В общем, в июле тридцать восьмого года товарищ Сталин садится (при этом я не присутствовал, но, в принципе, все это можно представить) и донесения НКВД читает. Смотрит подпись: Ежов, а военная разведка докладывает что-то другое, но подпись та же: Ежов. Трудно сказать, что в ту минуту с Иосифом Виссарионовичем приключилось, но я бы на его месте дрогнул. Кто основные решения принимает? Он, вождь всех времен и народов, но на основании донесений, и как же ему теперь с этим монстром справиться? Вернее, с двумя монстрами. Доселе он держал этих ребятков на поводке, а тут...

С этого падение Ежова и началось — потихоньку, потихоньку... Думаю, товарищ Сталин почувал неладное, выдохнул (*Засовывает кулак в рот.*): «А-а-ах!» — и разделил две спецслужбы немедленно.

У меня на сей счет личный есть опыт: мы с женой Таней в Женеве работаем, а поскольку у чекистов была установка с нами все-таки контактировать, один парень хороший насчет выпить-закусить как-то ко мне под-

ходит. Я к своему резиденту мгновенно: «Такие дела, предложение поступило...». Тот сразу туда (*Показывает пальцем вверх.*) пишет, что так, мол, и так, бумага тут же из ГРУ в Центральный идет Комитет, а оттуда как рыкнули! Резидент ГБ моментально к нашему прибежал: «Иван Петрович, да мы же с тобой мужики, да ничего же тут не было...». ЦК нашего контакта очень боялся: если мы снюхаемся...

— ...ему может прийти конец...

— Загрызем!

Из книги Виктора Суворова «Аквариум».

«Если вам захотелось работать в КГБ, езжайте в любой областной центр. На центральной площади непременно статуя Ленина стоит, а позади обязательно огромное здание с колоннами — это обком партии. Где-то тут рядом и областное управление КГБ. Тут же на площади любого спросите, и любой вам покажет: да вон то здание, серое, мрачное, да-да, именно на него Ленин своей железобетонной рукой указывает. Но можно в областное управление и не обращаться, можно в особый отдел по месту работы. Тут вам тоже каждый поможет: прямо по коридору и направо, дверь черной кожей обита. Стать сотрудником КГБ можно и проще — надо к особисту обратиться.

Особист на каждой захудалой железнодорожной станции есть, на каждом заводе, а бывает, что и в каждом цеху. Особист есть в каждом полку, в каждом институте, в каждой тюрьме, в каждом партийном комитете, в конструкторском бюро, а уж в комсомоле, в профсоюзах, в общественных организациях и добровольных обществах их множество. Подходи и говори: хочу в КГБ! Другой вопрос — примут или нет (ну, конечно, не примут!), но дорога в КГБ открыта для всех, и искать эту дорогу совсем не надо.

А вот в ГРУ попасть не так легко. К кому обратиться? У кого совета спросить? В какую дверь стучать? Мо-

жет, в милиции поинтересоваться? В милиции плечами пожмут: нет такой организации.

В Грузии милиция даже номерные знаки выдает с буквами «ГРУ», не подозревая, что буквы эти могут иметь некий таинственный смысл. Едет такая машина по стране — никто не удивится, никто вслед не посмотрит. Для нормального человека, как и для всей советской милиции, ничего эти буквы не говорят и никаких ассоциаций не вызывают. Не слышали честные граждане о таком, и милиция никогда не слышала.

В КГБ миллионы добровольцев, а в ГРУ их нет. В этом и состоит главное отличие: ГРУ — организация секретная. О ней никто не знает и оттого не идет в нее по своей инициативе. Но, допустим, нашелся некий доброволец, каким-то образом нашел он ту дверь, в которую стучать надо: примите, говорит. Примут? Нет, не примут. Добровольцы не нужны. Добровольца немедленно арестуют, и ждет его тяжелое мучительное следствие. Много будет вопросов. Где ты эти три буквы услышал? Как нас найти сумел? Но главное, кто помог тебе? Кто? Кто? Кто? Отвечай, сука!

Правильные ответы ГРУ вырывать умеет. Ответ из любого вырвет. Это я вам гарантирую. ГРУ обязательно найдет того, кто добровольцу помог, и снова следствие начнется: а тебе, падло, кто эти буквы назвал? Долго ли, коротко ли, но найдут и первоисточник. Им окажется тот, кому тайна доверена, но у кого язык превышает установленные стандарты. О, ГРУ умеет такие языки вырывать. ГРУ такие языки вместе с головами отрывает, и каждый попавший в ГРУ знает об этом. Каждый попавший в ГРУ бережет свою голову, а сберечь ее можно, только сберегая язык.

О ГРУ можно говорить только внутри ГРУ. Говорить так, чтобы голос твой не услышали за прозрачными стенами величественного здания на Ходынке. Каждый попавший в ГРУ свято чтит закон Аквариума: “Все, о чем

мы говорим внутри, пусть внутри и останется. Пусть ни одно наше слово не выйдет за прозрачные стены” И оттого, что такой порядок существует, мало кто за стеклянными стенами знает о том, что происходит внутри. А тот, кто знает, молчит».

— *Кто был сильнее: КГБ или ГРУ?*

— Вопрос, уж прости, неправильный. Смотри: председатель КГБ СССР товарищ Андропов был членом Политбюро, а начальник ГРУ?

— *Однако...*

— А между тем свой человек у нас в Политбюро сидел. Кто? Министр обороны Гречко.

Сравнивать КГБ и ГРУ неверно, это разные уровни. Надо говорить...

Вместе:

— *...армия...*

— ...и КГБ, или Первое главное управление КГБ и Главное разведывательное управление Генерального штаба.

Повторяю: уровни, да и организации это разные, и если взять, например, посольства, примерно процентов сорок там было чистых товарищей (мы так их и называли: «чистые товарищи»), а шестьдесят — «варяги», но для «чистых» мы все «варяги»: между собой они нас не разделяли.

— *«Чистые» — это профессиональные дипломаты?*

— Как правило, дети высокопоставленных отцов, и когда мы находились в Женеве, знали: такие-то люди — товарища Громыко, а вот те — товарища Брежнева.

— *Ни на КГБ, ни на ГРУ они не работали?*

— Нет, это Министерства иностранных дел креатуры, но они ничего и не делали. Ну вот, к примеру, ЦК какое-то решение принимает и направляет его в МИД. Там этот циркуляр на свой бланк переписывают: мол, Министерство иностранных дел считает так-то, а «чистые» при этом только присутствуют — в этом едва ли не вся их работа и заключалась.

«Чистых» много... У нас вот была такая Зоя Васильевна Миронова — если официально, постоянный представитель Союза ССР при отделении ООН в Женеве в ранге «Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР». Предположим, проводит она совещание дипломатов, и ей докладывают, что кто-то где-то набедокурил. Ну, выпил лишнего, закусил, а в результате машина в озеро Женевское завалилась — бывает же, и вот эта бедная женщина говорит сокрушенно: «Но ведь он чей-то сын...». Понимаешь, какой нюанс? Наказать можно, но надо же пожалеть папу, проявить человечность...

«Микрофоны везде, но нужно же как-то устроиться: пацану двадцать с хвостиком, жена-красавица... “Привет, ребята! Подглядываете? Ну, если кому нравится, на здоровье!”»

— *В двадцать два года ты угодил в номенклатуру ЦК КПСС...*

— (Кивает).

— *...куда до тебя в столь раннем возрасте никто никогда не попадал...*

— Это правда.

— *Четыре года ты проработал в Женевской резидентуре ГРУ...*

— ...да...

— *...но контрразведка любой страны уже на первом году службы опознает любого, кто действует под легальным прикрытием...*

— Правильно.

— *Почему же тогда не берет?*

— А это, как в случае с мафиози: все в курсе, кто он такой, а вот арестовать не могут.

— *Почему?*

— А потому, что нужно его на чем-то поймать. Вот он идет в золотых цепях, весь из себя крутой, а за что брать-то? За пушистый хвост, пока на чем-то его не за-сек, не возьмешь — как и разведчика, работающего под легальным прикрытием. Вычисляется он мгновенно, а дальше? Вот, например, я прибываю на место службы и с кем-то контакту. С чекистами же не могу...

— ...а слежка идет, да?

— Идет железно, и я это знаю.

— *Знаешь и чувствуешь?*

— Ну, конечно.

— *Хвосты, прослушивание телефонов?*

— Не только.

— *Видеонаблюдение?*

— Разумеется! Понятно, что в нашей чудесной квартире с видом на Женевское озеро везде микрофоны, но нужно же как-то устраиваться: пацану двадцать с хвостиком, жена-красавица...

— *Хочется как-то, да?..*

— ...и расслабиться. «Ну, ничего, — думаю, — что же я буду жизнь свою молодую ломать? Привет, ребята! Подглядываете? Ну, если кому нравится, на здоровье!» (Смеется).

— *Эти люди, выходит, пикантные сюжеты порой смаковали...*

— По-моему, как участники порносъемак, они уже к этому как-то привыкли — все-таки каждый день следили...

Да, я знал: не выпускают из виду — и что? Настоящие контакты должен был скрыть, а для этого нужно иметь много друзей. Постоянно к тому же «пасти» невозможно. Допустим, иду я по улице. Чтобы за мной следовать, нужна бригада наружного наблюдения — пять-шесть человек, две-три машины, а это же деньги надо платить. Я один, а за мной двое — это если просто присматривают, а если плотно берут? Выставляют две-три бригады,

но если ребята по восемь часов отработают, им отдыхать нужно — значит, приходится еще одну ставить бригаду..

Я между тем встаю, предположим, утречком раненько, тапочки надеваю и побежал по лесочку, и побежал... Кто-то за мной должен бегать, правда? Само собой! Понимая, что за всеми-то им следить слишком накладно, начинаешь прикидывать: здесь «ведут», а там нет, тут видеокамеры спрятаны, а дальше еще что-то — в таких местах обычно все техникой нашпиговано. Город-то шпионский — столица всего, и маленький такой — чудо! Ты же в Женеве бывал?

— Конечно. И Ленин бывал тоже...

— Ой, мы как раз в том же месте жили, где когда-то Владимир Ильич, но я сейчас не об этом. Итак, рестораны, официанты, весь обслуживающий персонал на прикорме, все прослушивается... Предположим, мне резидент говорит: «Нужен сигнал — быстренько обеспечить!». Обычно это очень простая вещь: воткнул куда-нибудь кнопочку, или еще мы часто помаду губную использовали. Идешь себе, где-то мазнул, — раз! — и готово, и если я точно описал это место, выполнить в результате задание не составляет труда.

Или посмотрел по карте: ага, вот оно — это место! Я его себе представляю и, чтобы лишний раз туда не ходить, описываю: дескать, телеграфный столб номер такой-то (там в то время еще деревянные столбы кое-где сохранились), вокруг какой-то старинный парк, и если на уровне груди воткнуть кнопочку, это будет кое-что означать.

В общем, идет нелегал через Женеву. Кто он, что, как, нам неизвестно, но из Центра поступает приказ: с восьми часов вечера завтрашнего дня проверять, и если сигнал появится, сообщить — все! Центр знает, что это означает, а мы нет, но это работа, и если сделать ее плохо, человека можно очень здорово завалить.

— *Шпионские страсти прямо!*

— Шпионские страсти (*Кивает.*), но перед тем как кнопочку эту воткнуть, я все-таки должен проехать

туда — так положено! — и осмотреть столб. Глянул, а кнопочками там все усеяно — наверное, лет тридцать уже втыкали: и ржавые, и всякие-всякие.

Доходило порой до смешного: сидишь, например, в ресторации и глазом косишь: «Ой, Господи!» — а там знакомый американец с каким-то китайцем работает.

— *Вербует?*

— Ну да, и мы, например, из Женевы такие вещи старались вынести. Там только две дороги, со всех сторон граница французская (ее нам пересекать нельзя), поэтому вербуемый объект выводили то в Цюрих, то в Базель.

— *Я сейчас вспомнил Высоцкого — у него песня есть «Пародия на плохой детектив». Помнишь? «Опасаясь контрразведки...*

— *(Вместе.) ...избегая жизни светской, под английским псевдонимом “мистер Джон Ланкастер Пек...”*».

Здесь недалеко станция метро находится — по-моему, следующая! — «Ланкастер Гейт», и над ней огромная гостиница «Ланкастер», так я, когда нужно какую-то встречу назначить, на Высоцкого обычно ссылаюсь.

Из книги Виктора Суворова «Аквариум».

«Провалившийся волк разведки включает системы защиты, отчего стены нашего спецсооружения плавно задрожали, и начинает:

— Вот так выглядит шпион.

Он показывает большой плакат с человеком в плаще, в черных очках, воротник поднят, руки в карманах.

— Так шпиона представляют авторы книг, кинорежиссеры, а за ними и вся просвещенная публика. Вы — не шпионы, вы — доблестные советские разведчики, и вам не пристало походить на шпионов. А посему вам категорически запрещается:

а) носить темные очки даже в жаркий день при ярком солнце;

б) надвигать шляпу на глаза;

в) держать руки в карманах;

г) поднимать воротник пальто или плаща.

Ваша походка, взгляд, дыхание будут подвергнуты долгим тренировкам, но с самого первого дня вы должны запомнить, что в них не должно быть напряжения. Вороватый взгляд, оглядка через плечо — враг разведчика, и за это в ходе тренировок мы будем вас серьезно наказывать — не менее, чем за принципиальные ошибки. Вы меньше всего должны напоминать шпионов, и не только внешним видом, но и методами работы. Писатели детективных романов изображают разведчика великолепным стрелком и мастером ломания рук противникам. Большинство из вас пришли из нижних этажей разведки и это видели, но тут, наверху, в стратегической агентурной разведке мы не будем вас обучать стрельбе и способам ломания рук. Наоборот, мы требуем от вас забыть навыки, полученные в спецназе.

Некоторые разведки мира обучают своих ребят стрельбе и прочим штучкам. Это идет от недостатка опыта. Помните: вы можете надеяться только на свою голову, но не на пистолет. Если вы сделаете одну ошибку, против каждого из вас контрразведка противника бросит пять вертолетов, десять собак, сто машин и триста профессиональных полицейских. Пистолетиком тогда вы уже себе не поможете и руки всем не переломаете. Пистолет — это ненужная иллюзия: он греет ваш бок и создает мираж безопасности, но вам не нужны иллюзии и миражи. Вы должны постоянно иметь чувство безопасности и превосходства над контрразведкой противника, но это чувство дает вам не пистолетик, а трезвый расчет без всяких иллюзий.

Это примерно как у монтажников-высотников. Одни из них, малоопытные, пользуются страховочным поясом. Другие никогда им не пользуются. Первые падают и разбиваются, вторые — никогда. Происходит это потому, что тот, кто пояс использует, создает себе иллюзию безопасности, однако забыл застегнуться — и вот уже

кости его собирают в ящик. Тот, кто поясом не пользуется, — иллюзий не имеет. Он постоянно контролирует каждый свой шаг и никогда на высоте не расслабляется.

Советская стратегическая разведка своим ребятам не дает страховочных поясов. Знайте, что у вас нет пистолета в кармане, забудьте удары ребром ладони по кирпичу. Надейтесь только на свою голову. Ваш спорт — благородный теннис ...».

«Советские разведчики орудовали не просто большими — гигантскими суммами»

— Ты где-то сказал, что львиная доля денег, которые СССР накручивал на нефти, шла на шпионаж...

— Совершенно верно.

— У меня возникает вопрос: советские разведчики орудовали большими суммами?

— Не просто большими — гигантскими.

— Как в таком случае можно было проконтролировать, что они тратят на резидентуру, что на карманные расходы, а что с целью личного обогащения от Центра утаивают?

— Угу-угу... Дело в том, что, как только я прибыл в Женеву, мне сразу же дали листочек, куда мог вписать (то есть взять под расписку) сколько угодно денег. Сколько угодно!

— Сто тысяч франков, к примеру, мог получить?

— Нет — в то время две тысячи швейцарских франков были приличной суммой. Семьдесят четвертый год, Господи! — наверное, целый век назад это было, в прошлом тысячелетии... Так вот, я могу взять необходимое мне количество денег, а по окончании месяца финансовый отчет составляю. Статья первая... Она была по агентуре: кого-то встретил, кому-то что-то там...

— Иными словами, оплата агентов...

— Ну да. Записал. Статья вторая — это по знакомым. Он еще не агент, но любая разработка требует расходов, и туда я все это включаю.

— *Чай, кофе, потанцуем?..*

— ...потом машина. Допустим, с кем-то увидеться собираюсь — ну вот представь, что я Джон Ланкастер...

— *...Лек...*

— ...и перед каждой встречей пишу план. Там же, в резидентуре, три уровня подчинения. Я, оттого что неопытный, молодой и зеленый, напрямую подчиняюсь заместителю резидента. Если кого-нибудь вербанул и пошел, пошел, перехожу уже в ведение резидента, то есть он лично мне говорит: «Стой там!», «Отойди, тут серьезные вещи!», а если чуть-чуть маху дал, командует: «Кыш туда, снова на низший уровень!»...

Если отлично себя зарекомендовал, становлюсь заместителем резидента и уже сам веду нескольких молодых салабончиков (прошу прощения за мой французский язык). Работаю нормально, но после каждой встречи (допустим, с каким-то китайцем я познакомился) отчитываюсь, что с таким-то мы, например, позавтракали. Не могу же я написать, что потратил на это тысячу франков...

— *Разумеется, но чуть-чуть приписать было реально?*

— Вполне.

— *Немного на одном китайце, капельку на втором,...*

— Это правда, но тогда их нужно много иметь. Короче, если успешно действуешь, внакладе никак не останешься — вот что я имею в виду.

— *Хорошо, а разве за счет оплаты резидентуры поправить свое финансовое положение было нельзя? Заплатил, к примеру, агенту тысячу франков, а в отчете указал — две: кто проверит?*

— Это легко проверялось, и, если схватили бы за руку, очень, очень и очень нехорошо бы пришлось.

— *Ну что — убили бы?*

— Не пощадили бы точно. Пойми: для офицеров зарубежная командировка длилась три года (за исключением резидентов, которые там могли находиться бессрочно). Отбыв положенное время, я свою агентуру передаю следующему товарищу, который у меня принимает дела, и он может покалякать с моим мужиком по душам: «Слушай, а тебе тут пять тысяч платили ...». Тот удивится: «Что-то не припоминаю такого ...».

— *Понятно...*

— На этом можно было крепко попасться, поэтому лично я не мелочился. Не случайно же после того, как отбыл командировку, мне четвертый добавили год, а потом — в качестве особого исключения! — на пятый оставили, и что бы там ни говорили: мол, плохо работал, такой-сякой, — это только слова. Чтобы командировку продлили, нужно было иметь много друзей, ведь если у тебя один, два или три друга, за тобой легко уследить, а когда их десятки, контрразведка в растерянности. Она, разумеется, понимает, что один из них транслятор, но кто?

— *«Все крупные шпионские скандалы, — сказал ты в одном из интервью, — связаны с банальной продажей агентуры»..*

— Подтверждаю.

— *А как вообще вербуют людей? Что это за наука?*

— Это не наука — искусство (*Смеется.*).

— *Ты сам-то многих завербовал?*

— Этот вопрос мы, с твоего позволения, без ответа оставим, потому что меня сразу же обвинят: сдает, мол, налево-направо... Да, вопрос поступил, но пропущен он мимо ушей — я это не обсуждаю, потому что никого не предал и никто меня в этом уличить не может. Если кто-либо утверждает: «Он сдал агентуру», отвечаю: «Ребята, Особого совещания здесь нет, тут нельзя ухватить человека и на “Дальстрой” отправить. Если бы я кого-нибудь сдал, вспыхнул бы шпионский скандал: кого-то бы точно судили, а если бы никого не вербовал и с агентурой сво-

ей не работал, три года продержаться в Женеве не смог бы — тем более четыре, и даже пять...».

— Ну, хорошо: вербовка — это не наука, а искусство. В нем же оно заключается?

— В том, чтобы кого-то привлечь на свою сторону. Что для этого нужно? Для начала вникнуть в его мир, найти какую-то слабинку... Это как рыбная ловля где-нибудь на Днепре: сидишь, удочку с червячком закинул...

— ...и рыбку поймал?

— Точно. Подсек, а он такой большой, толстый карась... Вытаскиваешь его (*Якобы наматывает на катушку спиннинга леску.*) и — раз! — на сковородку!

«Вербовка — это как отношения мужчины и женщины, только ее цель — не интимная близость, а привлечение на свою сторону»

— Ты можешь, посмотрев на человека, сразу определить, завербуешь его или нет?

— Да, разумеется. Вот, Дима, самая первая лекция в академии — выходит матерый зубр и говорит: «Ребята, начнем с того, что разведка — это добывание сведений о противнике. Их можно получить только через агентуру, потому что если, допустим, летит спутник, он видит лишь то, что происходит сейчас, а нам нужно то, что будет происходить завтра, и через год, и через десять лет. Со спутника это не разглядишь, хоть расшибись, значит, нужно вербовать агентуру. Поднимите-ка руку, кто хоть когда-нибудь людей вербовал?».

Все глазами его едят: ты что, мол, начальник? Он соглашается: «Ладно, давайте с другой стороны зайдем. Вот приглянулась мужчине женщина, и, чтобы как-то войти с ней в контакт, он должен ей что-то приятное сказать, что-нибудь подарить. Ну как-то так, но это та же вербовка. Теперь поднимите руку, кто не вербовал никогда?».

Все переглядываются: «Да вроде женатые здесь сидим — как минимум, по одной поймали и...»

— «...вербанули»...

— Да. «Так вот, — продолжает лектор, — вербовка — это как отношения мужчины и женщины, только ее цель — не интимная близость, а привлечение на свою сторону».

— *Хотя близость тоже наверняка практикуется...*

— Ну, не знаю — в моей практике этого не было, но я отвечаю на твой вопрос. Ты посмотрел на женщину и думаешь: «Вот эту могу вербануть, а ту нет» — есть у тебя такое?

— *Конечно...*

— Ну и я так же.

— *Меня вербануть смог бы?*

— Запросто.

— *При желании, получается, к сотрудничеству можно склонить любого?*

— Нет, и дело тут вот в чем. Когда я смотрю на тебя, вижу (прости мою дипломатию — я ж дипломат!) в твоих глазах интеллект, так вот, человека умного я бы завербовал, а глупого — нет: вот и все.

— *Слабые стороны тех, кого присматривали для вербовки, ты и коллеги твои изучали? На этих людей давили, их ставили в ситуации, когда проще согласиться, чем отказать?*

— В моей практике — нет: это только в шпионских романах так поступают. Допустим, вызывает меня босс, и я говорю: «Здесь можно пустить в ход шантаж», а он: «Шантаж (прошу прощения за параллели такие. — В. С.), как изнасилование женщины, а зачем это тебе, если есть добровольцы?». Подойти можно более тонко, а вербовать шантажом...

— *Ну, хорошо: например, некто X попался на гомосексуальной связи и боится теперь разглашения — почему бы на этом его не подцепить?*

— Ну, не знаю... У нас, насколько я помню, никто из ребят дел с этим не имел. Представь себе ситуацию: прибывает какой-то наш парень, успешно сходил на встречу, вернулся и работает уже не с замрезидента, а с самим резидентом. Приходит к нему так вальяжно и докладывает: «Сэр!»... То есть: «Товарищ генерал, а он, вообще-то, левой ориентации, голубой дядя...». Резидент спрашивает: «А откуда ты знаешь?». И правда, откуда?

— *Хороший вопрос...*

— Вот-вот, поэтому никто из наших в этом не отличился, а резидентура была мощная, и каждый из нас не сидел, сложа руки. Я самым молодым был, а кого-то и по второму разу командировали, и по третьему, и в Голландии парни работали, и в Америке...

Резидент мой Валерий Петрович Калинин, которого я очень уважаю и прошу у него прощения за то, что поломал ему жизнь (из-за меня он не получил контр-адмирала), и первый мой босс Иван Петрович — зубрами были, но я никогда не слышал, чтобы подобными вещами они занимались.

— *Виктор, а чья разведка лучшая в мире?*

— Ну, советская, разумеется... Была.

— *Лучше английской, израильской и американской?*

— Дело в том, что ни в израильской, ни в американской я не служил и про английскую, хотя мне пытались ее приписать, знаю только по фильмам про Джеймса Бонда, но если подытожить все, что советская разведка за годы своего существования урвала, это кажется просто невероятным. Правда, нам было гораздо легче работать: одно дело — советский разведчик в свободной стране, и другое — американец в Союз приезжает, а тут кругом КГБ и люди запуганные от иностранца шарахаются.

— *Попробуй-ка кого-нибудь завербуй...*

— Ну, естественно. Вот мы с Таней, женой моей, были в Израиле, и там подходит пацанчик: «Вы знаете, а я из «Моссада».

— Ты в ответ: «Конечно же, знаю»...

— (Смеется). Он киевский сам, уехал туда с родителями, и вот мы раскланиваемся: «Очень приятно...»

— «...коллега»...

— ...а он между тем продолжает: «У нас тут учебник есть интересный — нам его к изучению рекомендуют». — «Какой же?» — «“Аквариум” называется, поэтому я хочу подарить вам значочек моссадовский». — «Спасибо», — растрогался я (этот значок теперь у меня на стеночке дома висит), а парень заулыбался: «Мы вообще-то в детали вникаем, но очень приятно, что в этой книге изменены и фамилии, и место действия». Впрочем, это естественно — я не хотел никого подставить и постоянно работал на понижение: и в «Аквариуме», и в «Освободителе» представляюсь колхозным шофером, хотя им никогда не был...

— ...что, в общем-то, видно...

— Все, там описанное, на моих происходило глазах, я этому был свидетелем (такое и не придумаешь), но выливать на всеобщее обозрение удобрения — это не мой стиль.

«Я спасаю честь своего народа, и плюньте мне в лицо те, кто с этим не согласен!»

— Скупые строки информационного донесения: «10 июня 1978 года вместе с семьей товарищ Резун исчез из своей женеvской квартиры». По версии самого Резу-На, то бишь твоей, ты пошел на контакт с британской разведкой из-за того, что тебя хотели сделать козлом отпущения за крупный провал женеvской резидентуры, а по другим версиям, ты был завербован британцами и впоследствии выкраден. В «Аквариуме» ты описываешь свое внутреннее перерождение, и все же каковы настоящие причины, по которым ушел к англичанам?

— Если сейчас начну сокрушаться: «Меня подставили...», читатели сразу скажут: «А-а-а, оправдывается»...

Обсуждать это я не хочу: вот ушел и все тут, а то, что я убежденный враг этой системы, можно по моим книгам увидеть, и добавить тут нечего. Я понимал, что она мой народ губит: украинцев, русских, евреев...

— ...и даже таджиков...

— Да всех! Во время Февральской революции 1917 года каждый седьмой житель нашей планеты обитал в Российской империи, а сейчас — каждый семьдесят четвертый: одно это свидетельствует о том, что большевики совершили...

— ...или о том что китайцы хорошо размножаются...

— (Смеется). Ну, если не размножаемся мы, на это тоже, наверное, какие-то есть причины: риса не хватает или еще чего-то, поэтому я говорил и говорю, что это преступный режим. С другой стороны, я люблю мою армию, мой народ и сижу сейчас здесь не потому, что ненавижу русских или украинцев, а оттого, что они мне дороги. Кстати, и книги свои, особенно «Ледокол», я писал, спасая честь своего народа, ведь посмотри: о 23 августа 1939 года, когда был подписан Пакт Молотова — Риббентропа, мы можем говорить нынче все, что угодно, но после этого, 28 сентября, с Гитлером был подписан Договор о дружбе и границе. Обрати внимание: о дружбе с Гитлером, а я утверждаю, что Советский Союз хотел на нацистскую Германию напасть, — ну что тут плохого?

— Абсолютно ничего!

— Вот и я о том. Это же...

— ...благородное дело — ударить агрессора по рукам...

— Я утверждаю: Гитлер — фашист, и атаковать его — дело святое, а вот подписать с ним Договор о дружбе — действительно позор. Как и поставлять ему ванадий, вольфрам, молибден, марганец, медь, олово, никель...

— ...нефть, газ...

— Насчет газа не в курсе, а нефть — точно, хлеб тоже — да все! Гитлер душит Европу, строит концлагеря...

ря, а мы его усердно снабжаем (это стыд!), так вот, я спасаю честь своего народа, и плюньте мне в лицо те, кто с этим не согласен!

Российская пропаганда твердит: «Мы освободили Европу от коричневой чумы!», и я не спорю, но тут же ее идеологи добавляют: «А на Гитлера-то мы нападать не хотели — у нас договор был, который блюли». — «Ребята, — отрезвляю их, — обождите. Что получается? Какие же вы тогда освободители?». Я спрашиваю: «Вы что же, хотели Европу каким-то своим методом освободить? Особым, без нападения на Гитлера?».

Повторяю: с этими мыслями, как ни крути, жить было невозможно и молчать не мог, а меня до сих пор подначивают: «Подумаешь, открытие — это на поверхности все лежало». С другой стороны, то и дело доносится: «Это британская разведка придумала», но давайте выберем что-то одно. Если все на поверхности, в чем же тогда заслуга и мудрость британской разведки? В том, что она русские книги смогла прочитать? Действительно, «Ледокол» открываешь — там на открытых источниках все построено, ничего из секретных архивов нет. Я просто цитирую: это товарищ Ленин сказал, это — товарищ Сталин, а вот это — товарищ Жуков. Вот слова Василевского, Рокоссовского — пожалуйста, изучайте...

— *Темы Великой Отечественной войны мы еще, безусловно, коснемся, а куда расставим точки над «i» в мотивах твоего ухода к англичанам...*

— С удовольствием, но можно тебя прерву? Мы с вопроса о деньгах соскочили, так вот, приходишь ты к замрезидента, который всем этим ведает, и говоришь: «Алексей Владимирович, мне нужно...»

— *«...пару копеек...»*

— «...пару штук». — «Ага. Ну, бери». В конце месяца я сажусь и пишу: «Вот это на Ивана, это на бензин, это на ремонт машины» — и все это подтверждается. Да, крохоборство возможно...

— *Но крохоборство...*

— Вот именно, а теперь, предположим, работаем мы с человеком (может, еще до меня завербованным), и он нам что-то передает...

— *Схемы оборонных заводов?*

— Нет.

— *Армейские новинки?*

— Не-а — то, что у нас называлось «цельнотянутой технологией» (оттуда она цельнотянутая!). Как правило, интересовала нас только какая-то мелкая штучка, а почему утверждаю, что едва ли не все нефtedоллары шли на разведку? Тебе вот, скажем, не терпится знать, сколько в Великобритании танков. Берешь справочник (это открытые данные) и читаешь: шестьсот «Чифтенов» у них было. Какой на этом танке двигатель? Дизель «роллс-ройс». Все написано: бери — не хочу, но если это в Москву пошлешь, там смеяться будут: «Вьюноша, нам это не надо».

Планы НАТО? Какие, к чертям, у них планы, если освободители мы, то есть, если атомную или, допустим, химическую войну затеваем, все только от нас зависит — мы нажимаем на кнопки, а если вторглись в Афганистан, они реагировать будут. Иными словами, их планы нас мало интересуют, потому что им неизвестны наши. Узнать численность вооруженных сил США — чепуха...

— *...все на поверхности...*

— ...а теперь представь наш военно-промышленный комплекс. В него входят, к примеру, Министерство авиационной промышленности, Министерство среднего машиностроения (уж так красиво назвали, а занималось оно ядерным оружием), и сидят там конструкторские бюро: Янгеля, Королева, Уткина...

— *... Челомея...*

— ...Миль с Камовым вертолеты свои совершенствуют. Все хорошо, все чудесно, однако... Разработчики ведут такую-то тему — например, сверхзвуковой стратегический бомбардировщик-ракетоносец Ту-160, на это им выделяют бюджет (и в рублях, и в валюте), и они прики-

дывают: «Ага, это мы сделаем, это тоже, а вот такой-то лак, чтобы что-то покрасить, пожалуй, нет»...

— *Секрет не ясен...*

— ...и никаких догадок и близко. Сразу заявочку составляют: нужен такой-то лак, и за него можем заплатить столько-то. Разработчики, таким образом, распределяют валютный бюджет — энное количество миллионов долларов — по-своему...

— *...разведка принимает заказ...*

— Как это происходит, я, по-моему, нигде не описывал, но тебе расскажу: процедура занятная. Поскольку Союза уже не существует и никому это больше не нужно, приоткрыть тайну можно. Министерство авиационной промышленности пишет: нам нужны такие, такие и такие-то вещи, такие, такие и такие-то цены можем за них заплатить. Изготовители танков свою подают заявку, артиллеристы — свою, все это верстается, и раз в год мы получаем увесистую «телефонную книгу», где много всего интересного.

Я прихожу к первому шифровальщику: «Боря, дай-ка мне эту книженцию» — и начинаю ее листать. Допустим, открываю раздел «Медицина» и читаю: методика переливания крови в арктических условиях. Хм, в арктических условиях никто из моих друзей этим не занимается, да и мне как-то не с руки... Дальше читаю: авиационная навигация...

***«Общаясь между собой, мы говорили:
“Нужно прикрыть нашу «жопу» в Вашингтоне” Или: “Наша «жопа» в Париже со своими обязанностями справляется”»***

— *Все это запросы на то, что нужно стране?*

— Да, и, как считаешь, совершенно жуткие миллионы под это идут — книжечка-то на семьсот страниц.

Ну что — начинаем работать, и вдруг приходит первому шифровальщику телеграмма. Он свой талмуд открывает на странице, предположим, двести пятьдесят седьмой и пункт четвертый вычеркивает: уже есть! Дальше: на странице такой-то требуют вписать то-то — дополнение вносит. К концу года книга полностью вся исчеркана — живого места на ней нет, — но действует до 31 декабря: накануне Нового года новая поступает. От старой она, в принципе, мало чем отличается, только рукописные правки в нее внесены, заново все сверстано, отпечатано, и снова идет работа. Мы не знаем, кто и где что-то добыл, но в книге оно отражается, а дальше уже дело техники. Разумеется, у меня какие-то есть контакты, и по этой книжечке я представляю примерно, что, собственно, нам нужно. Выхожу на этого Шурика и говорю...

— ...«Дорогой Шурик!»...

— Вообще-то, мы другим словом его называли. Сказать, каким?

— *Непрерменно...*

— Пусть прозвучит это как-то грубовато, но мы этих господ не уважали. Меня вот порой упрекают: «Филби в СССР убежал, а ты — сюда», а я отвечаю: «Стойте, ребята, давайте не путать. По-вашему, я предатель, изменник, но изменил я строю тоталитарному, рабовладельческому, а эти ребята — все-таки процветающему. Они, как ни крути, свободу и демократию предали, поэтому между нами маленькая разница существует, и прошу это иметь в виду». Да, какие-то недостатки здесь есть, но жить можно...

— ...и даже неплохо...

— ...тем не менее, находились желающие, которые этот строй предавали. Вернее, продавали, потому что таких, кто делал это на идеологической основе, я не встречал. Готовя из нас разведчиков, нам втемяшивали: «Мы вербуем людей потому, что они страшно любят нашу страну и ждут не дождутся приближения коммунизма, —

это главное, а материальная заинтересованность — дело второе», но на практике второе оказалось нашим всем.

— *Главным?*

— Точнее, единственным.

— *Как же вы этих людей именовали?*

— Мы называли их «жопа» — прошу прощения. Когда между собой общались, я, допустим, говорил: «Нужно прикрыть нашу “жопу” в Вашингтоне». Или: «Наша “жопа” в Париже со своими обязанностями справляется». Или: «Этот документ добыт через “жопу”» — то есть агентурным путем. Еще раз прости, но так было — мы их не очень жаловали.

— *Сколько такая «жопа» могла заработать в год?*

— Много.

— *Много — это миллион, два, три?*

— Конечно. Допустим, какая-то «жопа» нам сообщала: «Есть реактивный двигатель» (или нечто такое, что в Союзе нам позарез нужно). Ну, скажем, делаем мы «Буран» — многоразовый космический корабль, но полетит он, только если будет добыт необходимый клей. Дело в том, что снизу этот «Буран» жаропрочной обложен плиткой, а она приклеена, потому что никак иначе ее туда не приспособишь. Этот клей должен выдерживать температуру в две-три тысячи градусов: если вдруг эта плитка отвалится...

— *...конец «Бурану»...*

— ...и американскому «Шаттлу», заметь, тоже. В нем, если помнишь, кусок термоизоляционной обшивки отвалился, и все посыпалось — семь астронавтов погибли, и вот из-за этого клея у нас вся космическая программа стоит: дайте рецепт! (Указываются при этом вся его спецификация и сумма, в принципе, бездонная). Сразу заявляю: не я его раздобыл, но мне известно, кто по этому клею работал...

— *...и кто его нюхал...*

— Да-да (*Улыбается.*), и в результате чего «Буран» таки полетел.

— *Человек, который приносил долгожданный ре-
цепт, получал миллионы?*

— Естественно, а происходило это обычно так... По первой статье я записывал расходы на агентуру — то, на сколько мы с ним встретились, погуляли... Ну, может, если он приехал откуда-то, я его отель оплатил, что-то такое... Мелочевка...

— *Но была и зарплата?*

— Да, отчисления шли ежемесячно — мы платили исправно, а потом я забрасывал удочку: «Нужно достать такую-то штуку, и раскошелиться мы готовы на такую-то сумму. Ты это сможешь?» — «Смогу», и тогда мы несем деньги в банк. Женева — это же был центр всего. Не потому, что такие мы умные, а оттого, что какого-то ценного кадра где-нибудь в Южной Африке вербанули, с которой нет никакого контакта, и что дальше, куда денежки направлять? В «Union de Banques Suisses» или «Credit Suisse».

— *В швейцарские банки, да?*

— Только в швейцарские — то есть вербуем, например, в Аргентине, а бабки идут сюда. У нас миллион долларов назывался «кирпич». Сейчас, может, кто-то воскликнет: «Подумаешь, миллион»...

— *...а тогда это были огромные деньги...*

— Огромные, и вот вызывает меня замрезидента и говорит: «Ну-ка, возьми полкирпичика и снеси по назначению».

— *«Жопа» просит кирпичика!*

— (*Смеется и хлопает в ладоши.*) Браво! (Ну я же сразу просек: человек с интеллектом!) Вот и несешь... Обрати, кстати, внимание: мой приговор — без конфискации имущества, то есть претензий по крохоборству ко мне не было.

Из книги Виктора Суворова «Аквариум».

«Мы улыбаемся друг другу. Самое главное сейчас — успокоить его, открыть перед ним карты или сделать вид, что все карты раскрыты. Человек боится только неизвестности. Когда ситуация ясна, человек ничего не боится. А если не боится, то и глупостей не наделает.

— Я не собираюсь вас вовлекать ни в какие аферы.

В этой ситуации я говорю “я”, а не “мы”. Я говорю от своего имени, а не от имени организации. Не знаю почему, но это действует на завербованных агентов гораздо лучше. Видимо, “мы”, “организация” человека пугают. Ему хочется верить, что о его предательстве знают во всем мире он и еще только один человек. Только один. Этого не может быть. За моей спиной сверхмощная структура, но мне запрещено говорить “мы”. За это меня карали в Военно-дипломатической академии.

— Я готов платить за ваш прибор. Он нужен мне. Но я не настаиваю.

— Отчего вы решили, что я пришел работать на вас?

— Мне так кажется. Отчего же нет? Полная безопасность. Хорошие цены.

— Вы действительно готовы платить сто двадцать тысяч долларов?

— Да. Шестьдесят тысяч немедленно. За то, что вы меня не боитесь. Еще шестьдесят тысяч, как только я проверю, что прибор действительно действует.

— Когда вы сможете в этом убедиться?

— Через два дня.

— Где гарантия, что вы вернете и вторую половину денег?

— Вы очень ценный для меня человек. Я думаю получить от вас не только этот прибор. Зачем мне вас обманывать на первой же встрече?

Он смотрит на меня, слегка улыбаясь. Он понимает, что я прав. А я смотрю на него, на своего первого

агента, завербованного за рубежом. Безопасность своей прекрасной страны он продает за тридцать сребреников. Это мне совсем не нравится. Я работаю в добычании оттого, что нет у меня другого выхода. Такова судьба. Если не здесь, то в другом месте система нашла бы для меня жестокую работу, и, если я откажусь, меня система сожрет. Я подневольный, но ты, сука, добровольно рвешься нам помогать. Если бы ты встретился мне, когда я был в спецназе, я бы тебе, гад, зубы напильником спилил. Я вдруг вспоминаю, что агентам положено улыбаться. И я улыбаюсь ему.

— Вы не европеец?

— Нет.

— Я думаю, что нам не надо встречаться в вашей стране, но не нужно и в Швейцарии. Что вы думаете по поводу Австрии?

— Отличная идея.

— Через два дня я встречу вас в Австрии. Вот тут.

Я протягиваю ему карточку с адресом и рисунком отеля.

— Все ваши расходы я оплачу. В том числе и на ночной клуб.

Он улыбается, но в значении улыбки я не уверен: доволен, не доволен? Я знаю, как читать значение сотен всяких улыбок, но тут, в полумраке, я не уверен.

— Прибор с вами?

— Да, в багажнике машины.

— Вы поедете в рошу вслед за мной, и там я заберу ваш прибор.

— Не хотите ли вы меня убить?

— Будьте благоразумны. Мне прибор нужен. На хрена мне ваша жизнь?

“Ты мне живой нужен, — добавляю я уже про себя. — Я на первом приборе останавливаться не намерен. Зачем же тебя убивать? Я тебе готов платить миллион. Давай только товар”.

— Если вы готовы платить так много, значит, ваша военная промышленность на этом экономит. Так?

— Совершенно правильно.

— За первый прибор вы платите сто двадцать тысяч, а экономите себе миллионы.

— Правильно.

— В будущем вы мне заплатите миллион, а себе сэкономите сто миллионов. Двести. Триста.

— Именно так.

— Это эксплуатация! Так работать я не желаю. Я не продам свой прибор за сто двадцать тысяч.

— Тогда продайте его на Западе за пять пятьсот. Если у вас его купят. Если вы найдете покупателя, который заплатит вам больше, чем я, — дело ваше. Я не настаиваю. А я тем временем куплю почти такой же прибор в Бельгии или в США.

Это уже блеф. На крупную фирму не пролезешь. Ребра поломают. Нет у меня другого выхода к приемникам отраженного лазерного луча, но я спокойно улыбаюсь. Не хочешь — не надо, но ты не монополист. Я в другом месте куплю.

— Счет, пожалуйста!

Он смотрит мне в глаза. Долго смотрит. Потом улыбается. Сейчас свет падает на его лицо, и поэтому я уверен, что улыбка не таит ничего плохого. И я вновь улыбаюсь ему.

Он достает сверток из багажника и передает мне.

— Нет-нет, — машу я руками. — Мне лучше его не касаться. Несите в мою машину. (В случае чего можно будет сказать, что ты нечаянно забыл сверток в моей машине. Никакого шпионажа. Просто забывчивость.)

Он садится в мою машину (это, конечно, не моя, а взятая для меня напрокат теми, кто меня обеспечивает).

Двери изнутри запереть. Такова инструкция. Аппарат — под сиденье. Я расстегиваю жилет. Это специальный жилет. Для транспортировки денег. В его руки я вкладываю шесть тугих пачек.

— Проверяйте. Если через два дня вы привезете техническую документацию, я заплачу остающиеся шестьдесят тысяч и еще сто двадцать тысяч за документацию.

Он кивает головой.

Я жму ему руку.

Он идет к своей машине. Я, рванув с места, исчезаю в темноте».

«Что против меня еще не придумано? Могли бы венерических болезней подбросить (типа, у Суворова нос давно провалился), приписать скотоложство во время дипломатических приемов с козой английского резидента... С подставленной... Если я алкан и все остальное, давай спросим: “А кто же тогда тот дурак, который такого мерзавца держал на работе?”»

— Оппоненты пишут, что Владимир Резун, то есть ты, был плохим офицером, пьяницей, гомосексуалистом и вдобавок агентом британской разведки...

— Даже так?

— Да, хотя знающие тебя люди утверждают, что происходило как раз наоборот — почти по Высоцкому: «...был чекист...»

Вдвоем:

— «...майор разведки и отличный семьянин»...

Из книги Виктора Суворова «Аквариум».

«Валя Фомичева — женщина особая. На таких оборачиваются, таким вслед смотрят. Она небольшая совсем, стрижена, как мальчишка. Глаза огромные, чарующие. Улыбка чуть капризная. В уголках рта что-то блудливое витает, но это только если присмотреться внимательно. Что-то в ней дьявольское есть, несомненно, но не ска-

жешь что. Может быть, вся красота ее дьявольская. Зачем ты, Володя, себе такую жену выбрал? Красивая женщина — чужая жена. Кто на нее в посольстве только не смотрит! Все смотрят. И в городе тоже. Особенно южные мужчины, французы да итальянцы, высокие, плотные, с легкою сединой. Им эта стройная фигурка покоя не дает. Едем в машине, останавливаемся на перекрестке, взгляды упрекающе меня сверлят: зачем тебе, плюгавый, такая красивая женщина?

А она вовсе и не моя. Я ее домой везу, ибо муж ее уже на конвейере, уже показания дает. Из него еще тут, в Вене, вырвут нужные признания, а потом он в Аквариум попадет, в огромное стеклянное здание на Хорошевском шоссе.

Валя, его жена, об этом пока не догадывается. Ушел в ночь, в обеспечение. Ее это не волнует, привыкла. Она мне о новых блестящих плащах рассказывает, вся Вена такие сейчас носит. Плащи золотом отливают, и вправду красивые. Ей такой плащ очень пойдет. Как Снежная королева, будешь ломать наш покой своим холодным, надменным взглядом. Сколько власти в ее сжатых узких ладонях! Несомненно, она повелевает любим, кто встретится на ее пути. Если сжать ее, раздавишь, как хрустальную вазу. С такой женщиной можно провести только одну ночь, а после этого — бросать и уходить, пусть будет огорчена. В противном случае — закабалит, подчинит, согнет, поставит на колени: я знаю таких, в моей жизни была точно такая женщина. Также совсем маленькая и хрупкая. На нее тоже оборачивались. Я ушел от нее сам. Не ждал, когда прогонит, когда обманет, когда поставит на колени.

Глуп ты, капитан, что за такой пошел. Наверняка знаю, что она смеялась тебе в лицо, а ты, ревнивец, следил за ней из-за угла, а потом, повинуюсь мимолетному капризу, она согласилась стать твоей женой. Ты и сейчас, на конвейере, только о ней думаешь. Тебе один вопрос покоя не дает: кто ее нынче домой везет? Успокойся, ка-

питан, это я, Витя Суворов. Не нужна она мне, обхожу таких стороной. Да и не в Вене этими вещами заниматься. Слишком строго мы друг друга судим, слишком пристально друг за другом следим.

— Суворов, ты почему никогда мне не улыбаешься?

— Разве я один?

— Да. Мне все улыбаются. Боишься меня?

— Нет.

— Боишься, Суворов. Но я заставлю тебя улыбаться.

— Угрожаешь?

— Обещаю.

Остаток пути мы молчим. Я знаю, что это не провокация ГРУ. Такие женщины только так и говорят. Да и не может сейчас ГРУ следить за мной. Операции ГРУ отточены и изящны. Операции ГРУ отличаются от операций любых других разведок простотой.

ГРУ никогда не гоняется за двумя зайцами одновременно. И оттого ГРУ столь успешно.

— Надеюсь, Суворов, ты не бросишь меня возле дома. Я красивая женщина, меня на лестнице изнасиловать могут, отвечать ты будешь.

— В Вене этого не бывает.

— Все равно, я боюсь одна.

В этой жизни она ничего не боится, я знаю таких женщин: зверь в юбке.

В лифте мы одни, она смеется:

— Ты уверен, что Володя ночью не вернется?

— Он на задании.

— А ты не боишься меня одну оставлять? Меня украсть могут.

Лифт плавно остановился, я открываю перед ней дверь. Она квартирную ключом отпирает.

— Ты что сегодня ночью делаешь?

— Сплю.

— С кем же ты спишь, Суворов?

— Один.

— И я одна, — вздыхает она.

Она переступает порог и вдруг оборачивается ко мне. Глаза жгучие. Лицо чистенькой девочки-отличницы. Это самая коварная порода женщин. Ненавижу таких».

...Танечку свою я встретил в разведывательном отделе штаба Приволжского военного округа. Ей девятнадцать стукнуло — я ее захватил...

— *Она тоже разведчица?*

— Ну а как же? Татьяна сохранила верность не только мне, но и в каком-то роде системе, в которой она, совсем девчонка, работала. Ступила Танюшка на эту стезю юной, а в двадцать шесть лет оказалась со мной в Великобритании. Живем мы с тех пор душа в душу — у нас двое прекрасных детей, двое внуков. Враги мои могут говорить что угодно, но она прошла со мной через все (могла бы, естественно, не идти, но...). Я предложил ей бежать, и она согласилась, сказала: «Да!». Так было, а если я алкан и все остальное, что на меня навешивают, давай спросим: «А кто же тогда тот дурак...»

— *...который держал тебя на работе...*

— «...такого мерзавца?». Допустим, я и вор, и деньги присваивал, и пьянствовал... Меня когда спрашивают: «А что против тебя еще не придумано? Уже вроде все возможности очернения исчерпаны», — я отвечаю: «Ребята, это неисчерпаемо. Могли бы венерических болезней подбросить (типа, у Суворова давно нос провалился), приписать скотоложество во время дипломатических приемов»...

— *...с козой английского резидента...*

— Ага. С подставленной — вот это была бы уже полная чаша. Допустим, я и впрямь такой полудурок и прочее — кто же меня в академию-то забрал? Ну, хорошо: давай согласимся с ярлыками, которые мне навесили, — тогда получается, что у меня была «лапа».

Ой, недавно читал, полковник КГБ пишет: «Он в одиннадцать лет в Суворовское училище поступил» — и между строк: такой, дескать, молокосос, а уже пристроил-

ли — ну, прямо коррупция! Я говорю: «Отлично, но надо же было указать в той книженции: а остальные поступали во сколько? В пятнадцать-шестнадцать? И что же я между ними делал? Меня по особой программе учили или как? И когда они все курс обучения в восемнадцать лет завершили, меня что же — по второму разу оставили?».

Всезнающие оппоненты «свет проливают»: Воронежское суворовское военное училище расформировали, а меня папочка (так и написано: «папочка») в Калининское суворовское перевел. Я радуюсь: «Здорово! Мой папочка — отставной майор из Черкасс: ну конечно, он переместил меня прямо в Калинин...»

— ...по огромному благу...

— «...а чтобы не скучно было, отправил туда следом три роты воронежских кадетов да профессорско-преподавательский состав с семьями, причем всех обеспечил квартирами».

Из книги Виктора Суворова «Аквариум».

«Мне плохо.

Мне совсем плохо.

Подобного со мной никогда не случилось. Плохо себя чувствуют только слабые люди. Это они придумали себе тысячи болезней и предаются им, попусту теряя время.

Это слабые люди придумали для себя головную боль, приступы слабости, обмороки, угрызения совести. Ничего этого нет. Все эти беды — только в воображении слабых. Я себя к сильным не отношу. Я — нормальный. А нормальный человек не имеет ни головных болей, ни сердечных приступов, ни нервных расстройств.

Я никогда не болел, никогда не скулил и никогда не просил ничьей помощи. Но сегодня мне плохо. Тоска невыносимая. Смертная тоска. Человечка бы зарезать!

Я сижу в маленькой пивной. В углу. Как волк затравленный. Скатерть, на которой лежат мои локти, клетчатая, красная с белым. Чистая скатерть. Кружка пивная

большая. Точеная. Пиво по цвету коньяку сродни. Наверное, и вкуса несравненного, но не чувствую я вкуса. На граненом боку пивной кружки два льва на задних лапках стоят, передними щит держат. Красивый щит и львы красивые. Язычки розовые наружу. Я всяких кошек люблю: и леопардов, и пантер, и домашних котов, черных и сереньких, и тех львов, что на пивных кружках, тоже люблю. Красивый зверь кот. Даже домашний. Чистый. Сильный. От собаки кот независимостью отличается, а сколько в котах гибкости! Отчего люди котам не поклоняются?

Люди в зале веселые. Они, наверное, все друг друга знают. Все друг другу улыбаются. Напротив меня четверо здоровенных мужиков: шляпы с перышками, штаны кожаные по колено на ляпочках. Мужики зело здоровы. Бороды рыжие. Кружкам пустым на их столе уже и места нет. Смеются. Чего зубы скалите? Так бы кружкой и запустил в смеющиеся рыла. Хрен с ним, что четверо вас, что кулачищи у вас почти как у моего командира полка — как пивные кружки кулачищи.

Может, броситься на них? Да пусть они меня тут и убьют. Пусть проломают мне череп табуреткой дубовой или австрийской кружкой резной. Так ведь не убьют же. Выкинут из зала и полицию вызовут. А может, на полицейского броситься? Или Брежнев скоро в Вену приезжает с Картером наивным встречаться — может, на Брежнева броситься? Тут уж точно убьют.

Только разве интересно умирать от руки полицейского или от рук тайных брежневских охранников? Другое дело, когда тебя убивают хорошие и сильные люди, как эти напротив.

А они все смеются.

Никогда никому не завидовал, а тут вдруг зависть черная гадюкой подколотной в душу тихонько заползла. Ах, мне бы такие штаны по колено да шляпу с пером! А кружка с пивом у меня уже есть. Что еще человеку для полного счастья надо?

А они хохочут, закатываются. Один закашлялся, а хохот его так и душит. Другой встает, кружка полная в руке, пена через край. Тоже хохочет, а я ему в глаза смотрю. Что в моих глазах — не знаю, только, встретившись взглядом со мной, здоровенный австрияк, всей компании голова, смолк сразу, улыбку погасил. Мне тоже в глаза смотрит. Пристально и внимательно. Глаза у него ясные. Чистые глаза. Смотрит на меня. Губы сжал. Голову набок наклонил.

То ли от моего взгляда холодом смертельным веяло, то ли сообразил он, что я себя сейчас хороню. Что он про меня думал, не знаю, но, встретившись взглядом со мной, этот матерый мужичище потускнел как-то. Хохо-чут все вокруг него, хмель в счастливых головах играет, а он угрюмый сидит, в пол смотрит. Мне его даже жалко стало. Зачем я человеку своим взглядом весь вечер испортил?

Долго ли, коротко ли, встали они, к выходу идут. Тот, который самый большой, последним. У самой двери останавливается, исподлобья на меня смотрит, а потом вдруг всей тушей своей гигантской к моему столу двинулся. Грозный, как разгневанный танк. Челюсть моя так и заныла в предчувствии зубодробительного удара. Страх во мне никакого. Бей, австрияк, вечер я тебе крепко испортил. У нас за это неизменно по морде бьют. Традиция такая.

Подходит. Весь свет мне исполинским своим животом загородил. Бей, австрияк! Я сопротивляться не буду. Бей, не милуй! Рука его тяжелая, пудовая, на мое плечо левое легла и слегка сжала его. Сильная рука, но теплая, добрая, совсем не свинцовая. И по той руке вроде как человеческое участие потекло. Своей правой рукой стиснул я руку его. Сжал благодарно. В глаза ему не смотрю. Не знаю почему. Я голову над столом склонил, а он к выходу пошел, неуклюжий, не оборачиваясь. Чужой человек. Другой планеты существо. А ведь тоже человек. Добрый. Добрее меня. Стократ добрее».

**«Мама, если ты эту книгу читаешь,
привет!»**

— «За измену СССР, — сказал ты, — угрызений совести у меня нет: это была преступная сатанинская власть». Представляю, что творилось в Аквариуме, когда стало известно, что ты ушел к англичанам, а что пришлось пережить родным, которые за «железным занавесом» оставались? Я тебя вновь процитирую: «Если бы каждый из нас за родственников боялся, так бы мы и остались рабами. Я понимаю: нанес огромный ущерб, и никак перед своими родными... — Дальше пауза. — Я... Я прощения просил, хотя знаю, что это простить нельзя — нельзя, ну и все...». Говорят, узнав о предательстве внука, твой дед Василий покончил с собой, оставив записку: «Иуда. Проклинаю» — это очередной миф или правда?

— Чтобы разобраться, нужно поехать в город Черкассы, могилу деда найти и посмотреть на дату его смерти — так вот, Василий Андреевич до этого не дожил. Ну и еще: мой дед Василий Андреевич — у меня его фотография есть (*Достает и показывает.*), датированная октябрём 1917 года, — был призван в действующую армию в 1913 или 1914 году, воевал. Во время Брусиловского прорыва в июле 1916-го был ранен и попал в плен, а плен в то время был совершенно «жестокой» вещью. Все офицеры, солдаты в погонах, кто награды имел — с наградами. В увольнение отпускали редко, и, отправляясь туда, офицер должен был написать: «Я, такой-то, офицерской честью клянусь, что не убегу» (возвращаясь, он перечеркивал эту расписку и, в принципе, уже мог бежать). Солдата же в город просто так не пускали — он оставлял заложников, то есть служивый должен был быть в авторитете и иметь к тому же друзей, которые за него бы ручались: мол, Василий Андреевич Резунов (не Резун —

видишь, на фотографии так: это был русский человек) идет в увольнение, и, если сбежит, мы, три заложника, которые за него добровольно остались, понесем кару — по пять суток карцера должны будем отсидеть.

— *Виктору скажи, а когда ты ушел, сердце у тебя разрывалось? Ты думал, что будет с мамой, с братом — он тоже ведь офицер?*

— Не думал, а знал... (Пауза.). Впрочем, об этом мы еще потолкуем...

Вернувшись из плена и посмотрев, что здесь творится, осознав, что товарищ Ленин сдал Украину кайзеру... Сейчас вот, я слышал, памятники ему очень у вас «полюбили»...

— *...и потихоньку носы на них отбивают...*

— Ну, дай-то Бог! В общем, увидев, что там свирепствуют банды (Котовского, всяких других головорезов), он пошел добровольцем в Революционно-повстанческую армию Украины (РПАУ), которой командовал великий народный полководец Нестор Иванович Махно. Потом эту армию разгромили, но деда никто не сдал: все или разбрелись кто куда, или же затаились...

Когда с ним разбирались — он проходил фильтрацию, — Василий Андреевич признался, что был в плену и только-только вернулся. Для острастки его выпороли шомполами, но о том, что он в армии Махно воевал, никто не пронюхал (тогда, кстати, дед окончание фамилии и отрезал — стал Резуном, и первый сын у него Иван Резунов, а уж потом появился отец мой Богдан Резун). Словом, советскую власть дед знал по шомполам красным — это первое, а во-вторых, он страшный голодомор пережил, поэтому такую записку никак написать не мог.

...Есть восемнадцатисерийный фильм моего друга Володи Синельникова «Последний миф», и там свидетельство моего отца. Перед войной молодой Богдан Резун возвращается домой радостный: «Меня приняли в комсомол!», а Василий Андреевич (он был немногослов-

ным) ему сказал: «Богдан, тут, по низам, шпана, а там, по верху, бандюки» — вот так он описал эту власть в одном предложении. Протрубив в селе двадцать семь лет кузнецом, дед хорошо знал, что такое колхоз имени Шевченко в Солонянском районе Днепропетровской области (там был председатель — я его помню! — по фамилии Загубыгорилка: видишь, Бог шельму метит...).

Повторяю: Василий Андреевич знал эту «народную» власть снизу доверху...

— ...от шпаны до бандюков...

— ...и если нравится кому-то придумывать обо мне эту мерзость — пожалуйста, но очень уж это глупо.

Ты спрашиваешь: разрывалось ли у меня сердце? Еще и как! Мама, если ты эту книгу читаешь, привет! Матери моей сейчас девяносто один год, она жива... (*Зовет.*). Мам!..

У меня тогда был один выход — самоубийство, и поэтому... Первое время здесь выдалось жутким и страшным. У всех ребят из КГБ, которые сюда, в Великобританию, убежали, проблемы с женами (все развелись!) и с алкоголем (не говорю, что все злоупотребляют, но многие). Из ГРУ я один тут такой, исключительный...

— *Ни с женой, ни с алкоголем проблем нет?*

— Можешь написать, что есть, но все-таки в шестьдесят два года на алкана я не сильно похож.

Из книги Виктора Суворова «Аквариум»,

«Дом у английского дипломата большой, белый, с колоннами. Дорожки мелкими камешками усыпаны. Сад роскошный. Я небрит. Я в черной кожаной куртке. Я без машины. Я совсем не похож на дипломата. А вообще-то я уже и не дипломат. Я больше не представляю своей страны. Наоборот, моя страна сейчас ищет меня везде, где только возможно.

В доме английского дипломата все не так, как в обычных домах. У него звонка нет. Вместо звонка на двери —

блестящая бронзовая лисья мордочка. Этой мордочкой нужно об дверь стучать. Мне очень важно, чтобы появился хозяин, а не кто-то из его слуг. Мне везет. Сегодня суббота, он не на работе, и слуг его в доме тоже нет.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Я протягиваю свой дипломатический паспорт. Он полистал его и вернул мне.

— Заходите.

— У меня послание к правительству Ее Величества.

— В посольство, пожалуйста.

— Я не могу в посольство. Я передаю это письмо через вас.

— Я его не принимаю.

Он встал и открыл передо мной дверь.

— Я не шпион, и в эти шпионские трюки меня, пожалуйста, не ввязывайте.

— Это не шпионаж... больше. Это письмо правительству Ее Величества. Вы можете его принять или нет, но сейчас я буду звонить в британское посольство и скажу, что письмо правительству находится у вас... Я оставлю его тут, а вы делаете с ним что хотите.

Он смотрит взглядом, в котором нет ничего для меня хорошего.

— Давайте ваше письмо.

— Дайте мне конверт, пожалуйста.

— У вас даже нет конверта, — возмущается он.

— К сожалению...

Он кладет передо мной пачку бумаги, конверты, ручку. Бумагу я отодвигаю в сторону, из кармана достаю пачку карточек с названиями и адресами кафе и ресторанов. Каждый шпион всегда имеет в запасе десятка два таких карточек. Чтобы не объяснять новому другу место встречи, проще дать ему карточку: я приглашаю вас сюда.

Я быстро просматриваю все. Выбираю одну. И несколько секунд думаю над тем, что же мне написать. По-

том беру ручку и пишу три буквы: GRU. Карточку вкладываю в конверт. Конверт заклеиваю. Пишу адресат — “Правительству Ее Величества”. На конверте ставлю свою персональную печать “173-B-41”.

— Это все?

— Все. До свидания.

Я снова в лесу. Вот моя машина. Я гоню ее дальше и дальше. Теперь встреча с местной полицией тоже может быть опасной. Советское посольство могло сообщить в полицию, что один советский дипломат сошел с ума и носится по стране. Могут сообщить в Интерпол, что я украл миллион и убежал. Могут заявить протест правительству и сказать, что власти Австрии меня захватили силой и что меня нужно немедленно вернуть, иначе... Они умеют делать громкие заявления.

Теперь мне нужна телефонная связь с британским посольством. Я должен объяснить ситуацию, пока какой-нибудь деревенский полицейский пост не остановил меня и не вызвал советского консула. Тогда будет поздно что-нибудь объяснять. Тогда после первой встречи с консулом у меня вдруг пойдет обильная слюна, я начну смеяться или плакать, и за мной пришлют специальный самолет. Пока слюна еще не пошла, я буду пытаться... Укрытые телефоны у меня на примете есть.

— Алло, британское посольство, я направил послание... Я знаю, что меня не соединят с послом, но мне нужен кто-то ответственный... Мне не надо его имя, вы там сами решайте... Я направил послание...

Наконец они кого-то нашли.

— Слушаю... кто говорит?

— Я направил послание. Тот, с кем я его направил, знает мое имя...

— Правда?

— Да. Спросите его.

Трубка некоторое время молчит. Потом оживает.

— Вы представляете свою страну?

— Нет. Я представляю только себя.

Трубка снова молчит.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу, чтобы вы сейчас вскрыли пакет и послание передали британскому правительству.

Трубка молчит. В трубке какое-то сопение.

— Я не могу вскрыть конверт, так как он адресован не мне, а правительству...

— Пожалуйста, вскрыйте пакет. Это я его подписывал. Я так подписал, чтобы его содержание не стало известно многим. Но вам я даю право его вскрыть...

Далеко в телефонных глубинах какое-то шептание.

— Это очень странное послание. Тут какой-то ресторан...

— Да не это... Посмотрите на обороте...

— Но и тут странное послание. Тут только какие-то буквы.

— Вот их и передайте...

— Вы с ума сошли. Послание из трех букв не может быть важным.

— Это будет решать правительство Ее Величества: важное послание или нет...

Трубка молчит. Какое-то то ли потрескивание, то ли шипение... Потом она оживает:

— Я нашел компромисс. Я не буду посылать радиосообщение, я перешлю ваше сообщение дипломатической почтой! — В его голосе радость школьника, который решил трудную задачу.

— Черт побери вас с вашими британскими компромиссами! Сообщение может быть важное или нет, не мне решать, но оно срочное. Через час, а может, и раньше будет уже слишком поздно, но знайте, что я настойчивый и, если начал дело, его не брошу. Я буду звонить вам еще. Через пятнадцать минут. Пожалуйста, покажите послу мое послание.

— Посла сегодня нет.

— Тогда покажите кому угодно. Своей секретарше, к примеру. Может, она газеты читает. Может, она подскажет вам решение...

Я бросаю трубку.

Я меняю место. Я обхожу деревню. Я обхожу людей. Во мне звучит жутким ритмом страшная песня “Охота на волков”. Совсем недавно я чувствовал себя затравленным зверем, но силы вернулись ко мне. Мертвой хваткой я вцепился в рулевое колесо, как летчик-смертник в штурвал своего самолета. Живым они меня не возьмут. Ах, расшибу любого, кто поперек пути встанет! А на крайний случай у меня отвертка огромная в запасе. Эх, кому-то я ее в горло всажу по самую рукоятку. Жизнь продаю! Подходи, налетай! Но дорого уступлю!

Звоню в британское посольство. Попытка вторая и последняя. Я редко кого дважды просил, а трижды никогда. И никогда впредь. Впрочем, немного мне осталось...

Я обещал позвонить через пятнадцать минут, но вышло только через сорок три: у намеченного мной телефона было людно.

— Британское посольство?

— Да.

Но изменилось решительно все. Короткий ответ звучит резко и четко, как военная команда. Все тот же мужской голос:

— У вас все хорошо? Мы волновались. Вы так долго не звонили...

— Мое послание...

— Мы передали ваше послание в Лондон. Это очень важное сообщение. Мы уже получили ответ. Вас ждут. Вы готовы?

— Да.

— Адрес на карточке — это место, где вас надо встретить?

— Да.

— На карточке не указано время. Это означает, что вас надо встретить как можно быстрее?

— Да.

— Мы так и думали. Наши официальные представители уже там.

— Спасибо.

Это слово я почему-то произнес по-русски. Не знаю, понял ли он меня».

«“Жопа” просит кирпича!»

— Я прочитал, конечно, «Аквариум» (и не раз), но все же спрошу: когда ты только начинал в ГРУ работать, как вас пугали, какие за возможную измену Родине кары сулили? Говорили, что, предположим, убьют, четвертуют, колесуют?

— Мне очень часто приходится слышать: «“Аквариум” начинается с того, что человека сжигают, — это правда или ты все придумал?». Этот вопрос задают железно, всегда, но давай подойдем по-другому. Вот представь: ты восседаешь в шестом подъезде Центрального Комитета Коммунистической партии СССР на Старой площади (там был отдел административных органов, который контролировал КГБ, ГРУ, тюрьмы, суды, прокуратуру). Ты большущий начальник, под пиджаком у тебя три звезды, на брюках лампасы, еще где-то знаки отличия спрятаны — ну, такой весь цивильный, и последняя вдобавок инстанция — всех из КГБ и из ГРУ за рубеж выпускаешь. Иногда эти ребята носят там по долгу службы «кирпич»...

— ...а то и два...

— Бывает. «“Жопа” просит кирпича!» (Смеется.) И вот ты значительный весь такой, преисполненный важности: этот пускай едет, а тот пока нет, но как только кто-нибудь погорит, тебе где-то палочку сразу рисуют и, когда их наберется достаточно, могут выгнать, потому что врагов у тебя немерено... Там же вокруг кобры — иной раз и кусались.

— *Все же на это место хотели попасть...*

— Вот, а тебе нужно как-то держать все в руках. Вызываешь, к примеру, меня и спрашиваешь: «Владимир Богданович, а вы в коммунизм верите?». Я киваю: «Ага!» (*Смеется.*), ведь ты понимаешь, что если верю, то я идиот и меня выпускать нельзя. Ну, не может человек в коммунизм верить, когда, как нам обещают, каждый будет работать по способностям, а получать по потребностям. Ребята, вы знаете, сколько Танюшке моей бриллиантов по потребностям надо? А туфель?

— *Никаких способностей не хватит!*

— Ну то есть чепуха какая-то получается, и когда мне обещают, что скоро придет коммунизм и что каждому — по потребностям, в голове моей мысль проносится: «Господи, люди, которые это говорят, или идиоты...»

— *...или циники...*

— «...или урки», — поэтому любой коммунистический лидер под одну из этих статей попадает: он или идиот, или урка.

— *Класс!*

— Правда, да? Держись, я тебе не то еще расскажу... Есть промежуточные подвиды: идиотский урка или уркаганистый идиот, и любого бери — он с примесями или в ту, или в иную сторону. Не только наши родные...

— *...но наши родные все, получается, урки?*

— Ну, товарищ Хрущев более уркаганистского был типа, рядом с пристукнутыми такими — крепкий мужик. Ему бы председателем колхоза на место Загубыгорилки — тянул бы за всех воз, перевыполнял планы, давал бы...

— *...стране зерна...*

— Это действительно уголовники были, но как же можно свою страну так терзать? Взять уже упоминавшийся колхоз имени Шевченко Солонянского района Днепропетровской области... Если бы рубль был не деревянный, если бы платили этим колхозникам золотом, они все планы бы обеспечили, но золото гнали американскому фермеру, а нашим трудодни да копейки с бар-

ского плеча бросали. Почему? Только лишь, чтобы спокойно сидеть там, наверху.

— *Ну, хорошо: вот я в шестом подъезде на Старой площади, под пиджаком три звезды...*

— ...и штаны полосатые. Тебе все нравится, но ты же не один такой — значит нужно как-то мужиков этих (то есть нас) стимулировать. Понятно, никто в коммунизм не верит...

— *...но в этом не признается...*

— Естественно, я тебе отвечаю: «Ага!» — и глаза такие честные-честные... Ты же и сам не веришь, но привык к даче, детей куда-то в МГИМО нужно пристроить. Кстати, МГИМО (Московский государственный институт международных отношений. — Д. Г.) мы расшифровывали так: много гонора и мало образования. Сначала он, если помнишь, МИМО назывался — МИМО, МИМО! (*Сударением на первом слоге.*). Ребята там учились номенклатурные — вот и тебе туда детей своих протолкнуть хочется. Ну, не уверен ты, что когда-то дадут тебе по потребности, а нас нужно как-то держать — как на цепи, на поводке каком-то.

— *Пугать...*

— Ну да. Купить они меня не могут: максимум, на что способны расщедриться, — это квартира в Чертанове и автомобиль типа «Запорожец»...

— *...но с достатком таким на Западе перекупят точно...*

— В два счета, тем более нас-то много, а сманить одного надо. Ну а если купить меня свои не могли и идеология не работает, остается, как в мафии, страх, поэтому, когда вспоминают про ту, первую, страницу «Аквариума», я говорю: «Ребята, поставьте себя на место начальника, а дальше можете верить, можете не верить».

— *Виктор, но это было?*

— Можешь верить, а можешь не верить.

— *От ответа, значит, уходишь...*

— Я объясняю: каждого в индивидуальном порядке пугали и так, чтобы проняло.

Из книги Виктора Суворова «Аквариум».

«Кира все знают. Кир — большой человек. Кир Лемзенко в Риме сидел, но работал, конечно, не только в Италии. У Кира везде успехи были. Особенно во Франции. Римский дипломатический резидент ГРУ генерал-майор Кир Гаврилович Лемзенко власть имел непомерную. За то его Папой Римским величали. Теперь он генерал-полковник. Теперь он в административном отделе Центрального Комитета партии. Теперь он от имени партии контролирует и ГРУ, и КГБ.

Полтора года назад, когда я прошел выездную комиссию ГРУ, вызвал меня Кир. Пять минут беседа. Он всех принимает: и ГРУ, и КГБ офицеров. Всех, кто в добывание уходит. Кир всех утверждает. Или не утверждает. Кир велик. Судьба любого офицера в ГРУ и в КГБ в его руках.

Старая площадь. Памятник гренадерам. Кругом милиция. Люди в штатском. Группами. Серые плащи. Тяжелые взгляды. Подъезд № 6. “Предъявите партийный билет!” — “Суворов”, — читает прапорщик в синей форме. “Виктор Андреевич?” — отзывается второй, найдя мою фамилию в коротком списке. “Да, — отзывается первый. — Проходите”. Третий прапорщик провожает меня по коридору. Сюда, пожалуйста, Виктор Андреевич.

Ему, охраннику, не дано знать, кто такой Виктор Андреевич Суворов, — он только знает, что этот Суворов приглашен в Центральный Комитет на беседу. С ним будут говорить на седьмом этаже. В комнате 788. Охранник вежлив. “Пожалуйста, сюда”.

Вот они, коридоры власти. Сводчатые потолки, под которыми ходили Сталин, Хрущев. Под которыми ходит Брежнев. Центральный Комитет — это город. Центральный Комитет — это государство в центре Москвы. Как Ватикан в центре Рима.

Центральный Комитет строится всегда. Десятки зданий соединены между собой, и все свободные дворики,

переходы застраиваются все новыми белыми стеклянными небоскребами. Странно, но со Старой площади этих белоснежных зданий почти не видно. Вернее, они видны, но не бросаются в глаза. На Старую площадь смотрят огромные окна серых дореволюционных зданий, соединенных в одну непрерывную цепь. Внутри же квартал Центрального Комитета не так суров и мрачен. Тут смешались все архитектурные стили.

“Пожалуйста, сюда” Чистота ослепительная. Ковры красные. Ручки дверей — полированная бронза. За такую и взяться страшно, не испачкать бы. Лифты бесшумные.

“Подождите тут” Передо мной огромное окно. Там, за окном, узкие переулки Замоскворечья, там белый корпус гостиницы “Россия”, золотые маковки церквей, разрушенных и вновь воссозданных для иностранных туристов. Там, за окном, громада Военно-инженерной академии. Там, за окном, яркое солнце и голуби на карнизах, а меня ждет Кир.

— Заходите, пожалуйста.

Кабинет его широк. Одна стена — стекло. Смотрит на скопление зеленых железных крыш квартала ЦК. Остальные стены светло-серые.

Пол ковровый — серая мягкая шерсть. Стол большой, без всяких бумаг. Большой сейф. Больше ничего.

— Доброе утро, Виктор Андреевич. — Ласков.

— Доброе утро, Кир Гаврилович.

Не любит он, чтобы генералом его называли. А может быть, любит, но не показывает этого. Во всяком случае, приказано отвечать “Кир Гаврилович”, а не “товарищ генерал”. Что за имя? По фамилии — украинец, а по имени — ассирийский завоеватель. Как с таким именем человека в Центральном Комитете держать можно? А может, имя его и не антисоветское, а, наоборот, советское? После революции правоверные марксисты каких только имен своим детям не придумывали: Владлен — Владимир Ленин, Сталина, Искра, Ким — Коммунистиче-

ский интернационал молодежи. Ах, черт — и Кир в том же ряду. Кир — Коммунистический Интернационал.

— Садитесь, Виктор Андреевич. Как поживаете?

— Спасибо, Кир Гаврилович. Хорошо.

Он совсем небольшого роста. Седина чуть-чуть только проступает. В лице решительно ничего выдающегося. Встретишь на улице — не обернешься, даже дыхание не сорвется, даже сердце не застучит. Костюм на нем самый обыкновенный, серый в полосочку. Сшит, конечно, с душой, но это и все. Очень похож на обычного человека, но это же Кир!

Я жду от него напыщенных фраз: “Руководство ГРУ и Центральный Комитет оказали вам огромное доверие...”, но нет таких фраз о передовых рубежах борьбы с капитализмом, о долге советского разведчика, о всепобеждающих идеях. Он просто рассматривает мое лицо. Словно доктор, молча и внимательно.

— Вы знаете, Виктор Андреевич, в ГРУ и в КГБ очень редко находятся люди, бегущие на Запад.

Я киваю.

— Все они несчастны. Это не пропаганда. Шестидесят пять процентов невозвращенцев из ГРУ и КГБ возвращаются с повинной. Мы их расстреливаем. Они знают это — и все равно возвращаются. Те, которые не возвращаются в Советский Союз по собственной воле, кончают жизнь самоубийством, спиваются, опускаются на дно. Почему?

— Они предали свою социалистическую Родину. Их мучает совесть. Они потеряли своих друзей, родных, свой язык...

— Это не главное, Виктор Андреевич. Есть более серьезные причины. Тут, в Советском Союзе, каждый из нас — член высшего сословия. Каждый, даже самый незначительный офицер ГРУ — сверхчеловек по отношению ко всем остальным. Пока вы в нашей системе, вы обладаете колоссальными привилегиями в сравнении с ос-

тальным населением страны. Когда имеешь молодость, здоровье, власть, привилегии, об этом забываешь, но вспоминаешь потом, когда вернуть уже ничего нельзя.

Некоторые из нас бегут на Запад в надежде иметь великолепную машину, особняк с бассейном, деньги, и Запад платит им действительно много, но, получив “Мерседес” и собственный бассейн, предатель вдруг замечает, что все вокруг него имеют хорошие машины и бассейны. Он вдруг ощущает себя муравьем в толпе столь же богатых муравьев. Он теряет чувство превосходства над окружающими. Он становится обычным, таким, как все. Даже если вражеская разведка возьмет этого предателя на службу, все равно он не находит утраченного чувства превосходства над окружающими, ибо на Западе служить в разведке не считается высшей честью и почетом. Правительственный чиновник, козявка, и ничего более.

— Я никогда об этом не думал...

— Думай об этом. Всегда думай. Богатство относительно. Если ты по Москве едешь на “Ладе”, на тебя смотрят очень красивые девочки. Если ты по Парижу едешь на длинном “Ситроене”, никто на тебя не смотрит. Все относительно. Лейтенант на Дальнем Востоке — царь и Бог, повелитель жизней, властелин. Полковник в Москве — пешка, потому что тысячи других полковников рядом.

Предашь — потеряешь все и вспомнишь, что когда-то принадлежал к могущественной организации, был совершенно необычным человеком, поднятым над миллионами других. Предашь — почувствуешь себя серым, незаметным ничтожеством, таким, как и все окружающие. Капитализм дает деньги, но не дает власти и почестей. Среди нас находятся особо хитрые, которые не уходят на Запад, а остаются, тайно продавая наши секреты. Они имеют деньги капитализма и пользуются положением сверхчеловека, которое дает социализм, но мы таких быстро находим и уничтожаем...

— Я знаю. Пеньковский...

— Не только. Пеньковский всемирно известен. Многие неизвестны. Владимир Константинов, например. Он вернулся в Москву в отпуск, а попал прямо на следствие. Улики неопровержимы. Смертный приговор.

— Его сожгли?

— Нет, он просил его не убивать.

— И его не убили?

— Нет, не убили, но однажды он сладко уснул в своей камере, а проснулся в гробу. Глубоко под землей. Он просил не убивать, и его не убили, но гроб закопать обязаны — такова инструкция. Иди, Виктор Андреевич. Успехов тебе, и помни, что в ГРУ уровень предательства гораздо ниже, чем в КГБ. Храни эту добрую традицию».

«Когда в СССР меня заочно приговорили к расстрелу, хорошо стало: душа поет, жаворонки в небе звенят...»

— Как же пугали тебя?

— Ну, для начала мне показали сожжение. Меня иногда спрашивают: «Кого? Пеньковского?». Я пожимаю плечами: «В книге Пеньковский нигде не назван».

— Человека — хочу уточнить — сжигали фактически на твоих глазах?

— А может, это был манекен? Не знаю, но мне продемонстрировали фильм, который исключительно достоверно смотрелся. В кино, согласись, можно изобразить все, но воспринял я это очень даже серьезно.

Из книги Виктора Суворова «Аквариум».

«— Закон у нас простой: вход — рубль, выход — два. Это означает, что вступить в организацию трудно, но выйти из нее — труднее. Теоретически для всех членов организации предусмотрен только один выход из нее — через трубу. Для одних этот выход бывает почетным, для других — позорным, но для всех нас есть толь-

ко одна труба. Только через нее мы выходим из организации. Вот она, эта труба... — Седой указывает мне на огромное, во всю стену, окно. — Полнуйся на нее.

С высоты девятого этажа передо мной открывается панорама огромного, бескрайнего пустынного аэродрома, который тянется до горизонта, а если смотреть вниз, прямо под ногами лабиринт песчаных дорожек между упругими стенами кустов. Зеленъ сада и выгоревшая трава аэродрома разделены несокрушимой бетонной стеной с густой паутиной колючей проволоки на белых роликах.

— Вот она... — Седой указывает на невысокую, метров в десять, толстую квадратную трубу над плоской смоленной крышей. Черная крыша плывет по зеленым волнам сирени, как плот в океане или как старинный броненосец — низкобортный, с неуклюжей трубой. Над трубой вьется легкий прозрачный дымок.

— Это кто-то покидает организацию?

— Нет, — смеется Седой, — труба — это не только наш выход, труба — источник нашей энергии, труба — хранильница наших секретов. Это просто сейчас жгут секретные документы. Знаешь, лучше сжечь, чем хранить. Спокойнее. Когда кто-то из организации уходит, дым не такой — дым тогда густой, жирный. Если ты вступишь в организацию, то и ты в один прекрасный день вылетишь в небо через эту трубу. Но это не сейчас. Сейчас организация дает тебе последнюю возможность отказаться, последнюю возможность подумать о своем выборе, а чтобы у тебя было над чем подумать, я тебе фильм покажу. Садись.

Седой нажимает кнопку на пульте и усаживается в кресло рядом со мной. Тяжелые коричневые шторы с легким скрипом закрывают необъятные окна, и тут же на экране без всяких титров и вступлений появляется изображение. Фильм черно-белый, старый и порядочно изношенный. Звука нет, и оттого отчетливее слышно стрекотание киноаппарата.

На экране высокая мрачная комната без окон. Среднее между цехом и котельной. Крупным планом — топка с заслонками, похожими на ворота маленькой крепости, и направляющие желоба, которые уходят в топку, как рельсы в тоннель. Возле топки люди в серых халатах. Кочегары. Вот подают гроб. Так вот оно что! Крематорий. Тот самый, наверное, который я только что видел через окно. Люди в халатах поднимают гроб и устанавливают его на направляющие желоба. Заслонки плавно разошлись в стороны, гроб слегка подтолкнули, и он понес своего неведомого обитателя в ревущее пламя.

А вот крупным планом камера показывает лицо живого человека. Лицо совершенно потное. Жарко у топки. Лицо показывают со всех сторон бесконечно долго. Наконец камера отходит в сторону, показывая человека полностью. Он не в халате. На нем дорогой черный костюм, правда, совершенно измятый. Галстук на шее скручен веревкой. Человек туго прикручен стальной проволокой к медицинским носилкам, а носилки поставлены к стене на задние ручки так, чтобы человек мог видеть топку.

Все кочегары вдруг повернулись к привязанному. Это внимание привязанному, видимо, совсем не понравилось. Он кричит. Он страшно кричит. Звука нет, но я знаю, что от такого крика дребезжат окна. Четыре кочегара осторожно опускают носилки на пол, затем дружно поднимают их. Привязанный делает невероятное усилие, чтобы воспрепятствовать этому. Титаническое напряжение лица. Вена на лбу вздута так, что готова лопнуть, но попытка укусить руку кочегара не удалась. Зубы привязанного впиваются в его собственную губу, и вот уже черная струйка крови побежала по подбородку. Острые у человека зубы, ничего не скажешь.

Его тело скручено крепко, но оно извивается, как тело пойманной ящерицы. Его голова, подчиняясь звериному инстинкту, мощными ритмичными ударами бьет о деревянную ручку, помогая телу. Привязанный бьется не

за свою жизнь, а за легкую смерть. Его расчет понятен: раскачать носилки и упасть вместе с ними с направляющих желобов на цементный пол. Это будет или легкая смерть, или потеря сознания, а без сознания можно и в печь — не страшно... Но кочегары знают свое дело. Они просто придерживают ручки носилок, не давая им раскачиваться, а дотянуться зубами до их рук привязанный не сможет, даже если бы и лопнула его шея.

Говорят, что в самый последний момент своей жизни человек может творить чудеса. Подчиняясь инстинкту самосохранения, все его мышцы, все его сознание и воля, все стремление жить вдруг концентрируются в одном коротком рывке... И он рванулся! Рванулся всем телом. Он рванулся так, как рвется лиса из капкана, кусая и обрывая собственную окровавленную лапу. Рванулся так, что металлические направляющие желоба задрожали. Он рванулся, ломая собственные кости, разрывая жилы и мышцы. Он рванулся...

Но проволока была прочной, и вот носилки плавно пошли вперед. Дверки топки разошлись в стороны, озарив белым светом подошвы лакированных, давно не чистенных ботинок. Вот подошвы приближаются к огню. Человек старается согнуть ноги в коленях, чтобы увеличить расстояние между подошвами и ревущим огнем, но и это ему не удается. Оператор крупным планом показывает пальцы. Проволока туго впилась в них, но кончики пальцев человека свободны, и вот ими он пытается тормозить свое движение. Кончики пальцев растопырены и напряжены. Если бы хоть что-то попало на их пути, человек, несомненно, удержался бы, и вдруг носилки останавливаются у самой топки. Новый персонаж на экране, одетый в халат, как и все кочегары, делает им знак рукой, и, повинувшись его жесту, они снимают носилки с направляющих желобов и вновь устанавливают у стенки на задние ручки.

В чем дело? Почему задержка? Ах, вот в чем дело. В зал крематория на низкой тележке вкатывается еще один гроб. Он уже заколочен. Он великолепен. Он эле-

гантен. Он украшен бахромой и каемочками. Это почетный гроб. Дорогу почетному гробу! Кочегары устанавливают его на направляющие желоба, и вот он пошел в свой последний путь. Теперь неизмеримо долго нужно ждать, когда он сгорит. Нужно ждать и ждать. Нужно быть терпеливым...

А вот теперь, наконец, и очередь привязанного. Носилки вновь на направляющих желобах, и я снова слышу этот беззвучный вопль, который, наверное, способен срывать двери с петель. Я с надеждой вглядываюсь в лицо привязанного. Я стараюсь найти признаки безумия на этом лице. Сумасшедшим легко в этом мире, но нет этих признаков на красивом мужественном лице, не испорчено его лицо печатью безумия. Просто человеку не хочется в печку, и он это старается как-то выразить, а как выразишь, кроме крика? Вот он и кричит. К счастью, крик этот не увековечен. Вот лаковые ботинки в огонь пошли. Пошли, черт побери. Бушует огонь. Наверное, кислород вдувают. Два первых кочегара отскакивают в сторону, два последних с силой толкают носилки в глубину. Дверки топки закрываются, и треск аппарата стихает.

— Он... кто? — Я и сам не знаю, зачем такой вопрос задаю.

— Он? Полковник. Бывший полковник. Он был в нашей организации. На высоких постах. Он организацию обманывал. За это его из организации исключили. Вот он и ушел. Такой у нас закон. Силой мы никого в организацию не вовлекаем. Не хочешь — откажись, но если вступил, принадлежишь организации полностью. Вместе с ботинками и галстуком. Итак... я даю последнюю возможность отказаться. На размышление одна минута.

— Мне не нужна минута на размышление.

— Таков порядок. Если тебе и не нужна эта минута, организация обязана ее дать. Посиди и помолчи.

Седой щелкнул переключателем, и длинная худая стрелка, четко выбивая шаг, двинулась по сияю-

щему циферблату, а я вновь увидел перед собой лицо полковника в самый последний момент, когда его ноги уже были в огне, а голова еще жила: еще пульсировала кровь, и еще в глазах светился ум, смертная тоска, жестокая мука и непобедимое желание жить. Если меня примут в эту организацию, я буду служить ей верой и правдой. Это серьезная и мощная организация. Мне нравится такой порядок, но, черт побери, я почему-то наперед знаю, что если мне предстоит вылететь в короткую квадратную трубу, то никак не в гробу с бахромой и каемочками. Не та у меня натура. Не из тех я, которые с бахромой... Не из тех.

— Время истекло. Тебе нужно еще время на размышление?

— Нет.

— Еще одна минута?

— Нет.

— Что ж, капитан, тогда мне выпала честь первым поздравить тебя со вступлением в наше тайное братство, которое именуется Главное разведывательное управление Генерального штаба, или сокращенно ГРУ. Тебе предстоит встреча с заместителем начальника ГРУ генерал-полковником Мещеряковым и визит в Центральный Комитет к генерал-полковнику Лемзенко. Думаю, ты им понравишься. Только не вздумай хитрить. В данном случае лучше задать вопрос, чем промолчать. Иногда, в ходе наших экзаменов и психологических тестов, такое покажут, что вопрос сам подступает к горлу. Не мучь себя. Задай вопрос. Веди себя так, как сегодня вел тут, и тогда все будет хорошо. Успехов тебе, капитан».

— *Тебе объяснили, что будет, если изменишь Родине?*

— Да, статья 64-я, высшая мера. Они еще так сказали: «Любим мы тебя или не любим — это не имеет никакого значения».

— *«Из-под земли все равно достанем»...*

— Дело в том, что до тех пор, пока я, изменив, существую, олицетворяю возможность бежать, поэтому то,

как они ко мне относятся, роли никакой не играет. Рано или поздно меня нужно поймать и придушить, чтобы остальным nepовaдно было, и что по сортирам людей мочат, так это правда.

Сижy я три года назад дома, и вдруг телефонный звонок. Поднимаю трубку — Саша Литвиненко: «Слушай, меня траванули». Я: «Саша, да брось ты!», а он: «Нет, это не просто так — я в госпитале». Ну, ладно. Мы с Таней его жене звоним: «Марина, дня через три он выйдет? Мы к вам чайку приедем попить». — «Да нет, — вздыхает, — наверное, дня через четыре».

— *А вы были знакомы?*

— Господи, ну а как же иначе! Мы были очень даже знакомы, и когда просят: «Опиши его в двух словах», я говорю: это был д'Артаньян — человек с открытой душой, высокий, красивый, симпатяга, спортсмен. Каждое утро десять километров бегал, не курил, не пил — даже чая, и если чаем его отравили, так это китайский какой-то был, травяной.

Набираем опять номер Марины: «А он еще в госпитале...». — «Ну, тогда мы туда подъедем». — «Нет, сейчас не надо». Звоню Саше и слышу, как он угасает, угасает... Я был первым, кому он из госпиталя о своей беде сообщил. «Меня, — сказал, — траванули, но я же хитрый. Полведра марганцовки развел и вот пью: все из меня вышло, самая малость осталась. Хотя, вообще-то, вышло...». Так что это достаточно все серьезно. Уже потом мы увидели фотографию: лысый д'Артаньян — человек таял, как свечка...

— *В СССР тебя заочно приговорили к расстрелу...*

— Угу!

— *Какие ощущения ты испытал, когда об этом узнал?*

— Чудесные! Так хорошо стало: душа поет, жаворонки в небе звенят... (*Перестав улыбаться*). Докладываю. Допустим, жена тебя ставит в известность: «Мне нужны новые туфли». Ты киваешь: «Ну ладно». Потом: «Мне

нужна шуба». Ты начинаешь уже напрягаться, что-то подсчитывать, а у меня проблем нет — я же списанный: «Танечка, да пожалуйста!».

— *Щедрость наступила невиданная...*

— Не только щедрость. Предположим, где-то у тебя заболело. Ты: «Ой-ой-ой, занемог что-то...», а мне все нипочем — я-то уже несуществующий, поэтому мелочевой какой-то меня не примешь. Ну, сердце мне сделали — кардиостимулятор поставили...

«Я расскажу тебе, как убивают...»

— *Зная не понаслышке о всемогуществе этой системы, ты испытывал страх, что тебя таки достанут...*

— ...нет!..

— *...что кто-то уколёт в толпе зонтиком, что-то подсыплет или просто выстрелит из-за угла?*

— Слушай, кольни меня! Ну? Чего ты?

— *Не было страха? Не понимаю...*

— А что понимать? Человек я, вообще-то, пугливый: могу чего угодно бояться и ощущать всевозможные фобии, а вот этого не боюсь, и все, причем объяснить: как, почему? — не могу. Особенно после того, как «Ледокол» вышел, о страхе забыл, а еще... Стой, обожди — дело вот как было. Мы убежали 10 июня семьдесят восьмого, а 7 сентября того же года здесь, в Лондоне (*Сударением на втором слогe.*), был убит болгарский диссидент Георгий Марков...

Вместе:

— *...зонтиком...*

— Слушай, я расскажу тебе, как убивают... Диапазон средств очень широкий, но спецслужбам нужно одно из двух: или убрать тихо, чтобы никто не усек, что это смерть неестественная (сердце, например, прихватило — и все, отошел), или уж так громко, из автоматов, чтобы

все сразу заговорили: «О-о-о, прямо у здания МВД расстреляли, в собственном “Мерседесе”!»,..

— ...и чтобы все потенциальные предатели зарубили себе на носу, чем эти скверные игры заканчиваются, да?

— Да-да-да, так вот, Георгия Маркова убивали так, чтобы никто ничего не заподозрил, однако не приняли в расчет то, что это все-таки страна Шерлока Холмса, Агаты Кристи и Джеймса Бонда. В любой другой не докопались бы, а тут — пожалуйста! Внимательно осмотрели труп, нашли маленькое красное пятнышко, разрезали, а там дробинка какая-то. Ага, давай ее сюда! В металлической капсуле обнаружили крохотные дырочки, проделанные, чтобы отравляющее вещество...

—...рицин...

— ...постепенно поступало в кровь, и тогда по негласным каналам британцы сообщили советским товарищам, что этого здесь, в Англии, не позволят! Не знаю, как бы к подобным акциям отнеслись где-то еще, но англичане недвусмысленно заявили: такие вещи у нас не проходят!

Это был уже вызов профессиональной их гордости и достоинству — называй, как угодно, поэтому они во что бы то ни стало стремились новые покушения предотвратить, и оттого наша жизнь: моя, Тани и детей — была еще сложной в том плане, что нас очень плотно тогда охраняли. Я отмахивался: «Мне-то не надо...», а они настаивали: «Черт с тобой, но пусть видят, что с нами тут шутки плохи. Мы не тебя, в конце концов, охраняем, а нашу британскую гордость — это на первом месте!».

Георгия Маркова я считаю своим братом, который меня собой заслони́л (если бы я был первый на очереди, тогда — все!). Мне — я предельно, как видишь, с тобой откровенен — чувство страха знакомо (если бык на меня бежит, страшно!), но тогда его не было — вот как это объяснить? И еще: с тех пор как написал «Ледокол», езжу уже куда угодно. Могу даже с тобой встретиться...

— ...без охраны...

— Уверен? Не торопись: тут два батальона сзади стоят. (Оглядывается.)

— Что-то не вижу...

— Они просто шапки-невидимки надели... (Смеется.)

После выхода «Ледокола» я не прячусь: «Ребята, если нужен, — пожалуйста! — но это будет доказательством того, что я прав. Мочите меня в каком-нибудь сортире, но тем самым признаете, что других аргументов у вас нет».

В Москве, Дима, все-таки не последние идиоты сидят — они понимают, какой поднимется шум. «Ледокольник» известен? Да! Он прозвучал? Не то слово! Ты-то еще молодой, не помнишь, а я как раз в академии с Таней учился, когда начали Солженицына прессовать: дескать, выгнать его за «ГУЛАГ» из Союза!

— *Семьдесят первый, наверное, год?*

— Точно, и вроде все тихо, но я в метро взглядом своим разведывательным секу: люди со старыми затрепанными журнальчиками «Новый мир», где Солжа печатали, едут себе и читают...

— *Бессовестные какие!*

— Короче, это реклама. Я понимаю: любая акция против меня для них контрпродуктивна, и, надеюсь, мозги у бывших коллег работают — им невыгодно меня устранять. Тот же Саша Литвиненко издал книгу «ФСБ взрывает Россию»: никто на нее внимания не обращал, но когда с ним расправились, заговорили о ней все.

*«Человек может быть свободным только тогда, когда собственные деньги имеет, и когда говорят, что деньги не радуют...
Значит, они не твои»*

— Цитирую Виктора Суворова. «Получив смертный приговор, я вдруг ясно осознал, что человеку отпу-

щено совсем немного времени. Каждый прожитый день расцениваю как подарок судьбы, как сказочный лотерейный выигрыш — за этот день надо успеть сделать самое главное в жизни, ибо завтрашнего может не быть. Вот я и пишу книжки: этим занят утром, днем, вечером и ночью». Читателям нашим напомним, что ты — автор бестселлеров «Ледокол» и «Аквариум», многочисленных книг по истории Великой Отечественной войны и в мире известен прежде всего этим. Настоящая твоя фамилия Резун — почему же ты стал Суворовым?

— Докладываю: прежде всего это была шутка — может, и неудачная. Вначале я написал книгу, самую первую, то есть, как прибежал в Лондон, сразу за «Ледокол» засел, но у меня ни литературы здесь не было, ни источников...

Идея, представь, есть, но необходимо найти мемуары Жукова, да на русском, естественно, языке — ну где их тут взять? Так же, как и воспоминания Рокоссовского, подшивки газет «Правда» и «Красная звезда» за тридцать девятый-сорок первый годы, а ведь нам нужно на что-то жить, как-то существовать. «О'кей, — думаю, — я это обязательно осуществляю, а сейчас быстренько какую-то книжку издам, чтобы хоть что-нибудь заработать». Финансовая независимость была мне нужна — наверное, ты понимаешь, что это? *(Пожимает руку.)*

Человек может быть свободным только тогда, когда собственные деньги имеет, и когда говорят, что деньги не радуют... Значит, они не твои *(Смеется.)*. Лично я люблю, чтобы они меня радовали, поэтому и написал книгу «Рассказы освободителя». Там разные байки собраны: я в военном училище, я в Чехословакии, я на даче генерала армии (а впоследствии маршала) Ивана Игнатьевича Якубовского чищу сортиры...

— *Это же был главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора...*

— Да, но в ту пору командовал Киевским военным округом, и я приводил его клозеты в порядок.

Я, в общем, быстренько эту книжечку подготовил, отнес издателю, тот долго носом крутил... «Если, — сказал, — ты поставишь свою фамилию, это будет бестселлер. Не оттого, что там содержание бесподобное, а потому что из ГРУ ты такой один». Как-то меня некий дядя подначил: «Пишешь под псевдонимом ты или нет — деньги тебе платят одни и те же». Как бы не так, и если, допустим, свой труд издает первый зам руководителя Администрации президента России Сурков... Если каким-то псевдонимом воспользовался (но многие-то все равно в курсе, что автор Сурков) — это одно, а если подписывает просто Иван Петров, точно такая же книга, может, и не пойдет, поэтому я, как Бонапарт, — все наперед просчитываю.

Книжка моя получилась веселой: шутки, какие-то байки армейские... Издатель советовать стал: «Мне нужно, чтобы фамилия автора русской была...». Я предложил: «А может быть, украинской?» — «А украинцев тут кто знает?». И правда: армяне, грузины, евреи — все мы там русские, то есть поставили мне условие: псевдоним, если под своим именем издаваться не хочешь, должен быть русским. Я таки не хотел — не оттого, что КГБ или ГРУ боялся дразнить, а потому что соседи родителей клевать стали бы: «А это ж сыночек ваш». Зачем? — я не собирался никого подставлять...

— *Почему в таком случае ты Суворов?*

— Все тот же издатель попросил: в фамилии должно быть что-то военное — мол, слышали, но точно не припомним откуда, и еще хорошо бы три слога — ра-ра-ра! Короче, сидели мы с ним, чуточку выпили...

— *...закусили...*

— ...и у меня сорвалось: «Калашников!». Он головой покачал: «Нет, этого знаем». Второе, что взбрело сразу на ум, — Суворовское училище, где детство мое оставлено. Мог бы и Жуковым назваться, но тут не прошло бы.

— *Два слога...*

— ...а надо три, и я произнес: Суворов. Он спросил: «А кто этот Суворов такой?». Я объяснил, а Виктором стал по новым моим документам. Переименовали, чтобы Владимиром не был: Виктор — интернациональное имя, а Владимир — чисто русское (поэтому Таня уже тридцать один год меня так называет).

...Я, если честно, прикидывал: выйдет одна книжечка, а потом придумаю уже что-то серьезное, но когда вторая была на подходе, издатель предостерег: «Нет уж, браточек, за это держись...». Так и присохло — будто на себя чужую шкуру надел.

«Гитлер для меня — мерзавец, преступник, палач, но если он людоед, из этого не следует, что Сталин был вегетарианцем»

— *«В России, — говоришь ты, — раздаются иногда голоса, что мои книги пишет британская разведка, а тут считают, что за моей спиной ГРУ, КГБ (или как оно там сейчас?) и группа самых лучших российских историков». И впрямь за твоей спиной кто-то стоит?*

— *Стоит, Господи! Вот стоит!*

Давай-ка с тобой пойдем от противного...

— *Прошу прощения, что перебиваю, но буквально вчера очень высокопоставленный в Украине человек меня убеждал: «Ну, вряд ли он сам мог написать такой “Ледокол” — наверное, это версия британской разведки, озвученная от его имени»...*

— *Чудесно! Пожалуйста! Эту точку зрения принимаем, и я тебе предлагаю сейчас пройтись по Лондону и найти хоть одну книгу Виктора Суворова — хотя бы одну!*

— *Нет?*

— *Ни одной! Почему? Британии это не выгодно. Можешь посмотреть в интернете: там за «Ледокол» на англ-*

лийском предлагают иногда триста долларов, четыреста, пятьсот, девятьсот девяносто девять — могу прислать тебе ссылку.

— *Класс!*

— То есть вышла она, и сразу же задушили. Почему? Да просто открываешь ее, и там, в самом начале, я вопрос задаю: а отчего Британия во Вторую мировую войну вступила? Ради свободы Польши, да? И что, получила Польша свободу? Ребята, так что ж вы рассказываете?! Понимаешь, это же сразу идет прямое оскорбление Великобритании.

Существуют, чтобы ты знал, два объяснения того, что с Советским Союзом в начале войны случилось: первая версия наша официальная, что Сталин — доверчивый дурак и мы олухи такие пушистые...

— *...необученные...*

— Ну, конечно! Танки у нас якобы устаревшие, самолеты — гробы, летчики летать не умели, бойцы...

— *...колхозники неграмотные, от сохи...*

— Командиры вдобавок по одному году должности свои занимали, водители по три-пять часов имели вождения...

— *...и винтовок почти не было — только кони...*

— ...да, а все танки изношенные. Я говорю: «Обождите — когда это они истрепались?» Давайте уж выберем: или изношенные — тогда по сто пятьдесят часов вождения получается, или, если по три часа у танкиста, то новые, а то у нас так повелось: танки ремонта требуют, а водители их даже не заводили. Я просто утверждаю, что это был преступный режим, который всегда думал о мировой революции и готовился к ней — всегда!

— *Как там: «Мы на горе...»*

Вместе:

— «...всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови — Господи, благослови!». Блок, «Двенадцать»... Англичанам — повторяю — очень вы-

годно не замечать очевидных вещей, а я обращаю внимание: «Смотрите! У Гитлера красный флаг, и у Сталина красный, Германия строила социализм, и СССР строил, у рейха четырехлетние планы, у нас — пятилетние, у них гестапо, у нас НКВД, там концлагеря и тут тоже, у Шикльгрубера одна партия у власти, остальные в тюрьме, и у Джугашвили тот же вариант». Начинаешь так сравнивать, сравнивать...

— *Как похоже!*

— Близнецы-братья...

— *«Кто более матери-истории ценен?»...*

— Верно, но это еще далеко не все, Гитлер ходил в полувоенной форме, и Сталин в полувоенной, фюрер без эполет, и вождь наш без знаков различия. «Ну, потом-то Иосиф Виссарионович, — уточняют, — генералиссимусом стал и прочее...». Я в ответ...

— *...Гитлер просто рано скончался...*

— ...фюрер до этого не дожил. Сталин стал маршалом в сорок третьем году после Сталинграда и впервые — ему было шестьдесят три — надел маршальскую форму для встречи с Рузвельтом и Черчиллем в Тегеране, так вот, Адольф Алоизович не дотянул ни до таких лет, ни до таких побед, ни до таких встреч с лидерами США и Великобритании, а в остальном все совпадает. Смотри: у Сталина с Надеждой Аллилуевой разница в возрасте была двадцать два года, а у Гитлера...

— *...с Гели Раубаль...*

— ...девятнадцать, та самоубийством покончила и эта...

— *...поразительно!..*

— ...та застрелилась из пистолета...

— *...подаренного супругом...*

— ...и эта: только Аллилуева из сталинского, а Раубаль — из гитлеровского. Существует, правда, версия, что это все-таки не самоубийство: якобы жизни ее Сталин лишил, но и в Германии в свое время судачили, что Гитлер сам прикончил подругу. Короче, когда начинаешь анализировать... У одного диктатора нет бороды и у дру-

гого нет, у Сталина усы и у Гитлера усы... Я спрашиваю: «Разница-то в чем?», а она в форме усов: у нашего горца они так, а у немца эдак. Западу, как это ни прискорбно, выгодно было не замечать наши концлагеря, голодоморы и трупоедство: это, мол, просто досадные недоразумения, а вот Гитлер — тот да, людоед!

Предвижу вопрос: «Ты, наверное, фюрера защищаешь, раз это озвучиваешь?» — «Нет, — отвечаю, — он для меня мерзавец, преступник, палач», но если Гитлер людоед, из этого не следует, что Сталин был вегетарианцем. Запад, считаю я, поступил цинично, когда их разделил: этому людоеду помогаем, а тому нет, и книга моя всю западную историографию расшибает, а им это, как серпом по ушам, — очень-очень не нравится.

«Ледокол» вышел здесь, в Англии, в девяностом году, и тираж сразу же размели: его нет не только в магазинах — даже в библиотеках. Сейчас буду переиздавать, но на свои собственные средства и в той же Америке выпустил под названием «Главный виновник», однако на Западе живу уже тридцать один год...

«Нас всегда дураками описывали, которые были к войне не готовы, а я доказываю, что мы далеко не идиоты, и говорю англичанам: “Вас товарищ Сталин, как мальчиков..!”»

— *Итак, британская разведка за Виктором Суворовым не стоит?*

— Дима, версия, которую я изложил в «Ледоколе», для них хуже еще, чем для наших, потому что... Ну, давай даже не так...

— *Мы сейчас перепутаем просто, где наши и где не наши...*

— Наши для меня — это мой народ: русский, украинский... — я его не предавал и еще такое о нем расскажу...

Мне говорят: дескать, мы — верные гитлеровцы (был же договор с Гитлером о дружбе), а я возражаю: все это, ребята, ерунда. Сталин же подпись в пятьдесят восемь сантиметров поставил (ты не представляешь, что это такое — больше полуметра. Смотри, я на рулетке эту отметку сейчас покажу, чтобы тебя не обманывать)...

— *Подпись под договором о дружбе?*

— Нет, на карте раздела Польши. Они провели границу, и там — я пришлю тебе фотографию этой карты! — Иосиф Виссарионович начинает писать: «И. Ст...» — потом остановился и на пятьдесят восемь сантиметров махнул.

— *Урка!*

— Спрашивается: «Что же это он в такой эйфории-то, а?», а я объясняю (британская разведка что-то не додумалась до такого): весел он оттого, что подпись эта нелегитимная. Ну, сам посудите: Риббентропа автограф стоит — он имперский министр иностранных дел, а кто такой Сталин? Не глава государства, не глава правительства...

— *Всего лишь Генеральный секретарь ЦК...*

— *...какой-то партии...*

— *...ВКП(б)...*

— Это первое, что доставляет ему определенную радость, а второе — Польшу же поделили: половину мне, половину тебе. До этого был пакт Молотова — Риббентропа, и вот 1 сентября Гитлер нападает на Польшу, а Сталин выжидает: «А я пока не готов». Великобритания и Франция объявляют войну...

— *...Германии...*

— ...да, а сейчас выйди на улицу и спроси любого мальчика или девочку: «Кто Вторую мировую войну развязал?». Они скажут: «Гитлер», а я уточняю: подписали-то пакт и секретный протокол о разграничении сфер влияния в Москве, где Гитлера не было, — присутствовали Риббентроп, Молотов и Сталин. Разделив Польшу,

Гитлер воюет уже против Великобритании, Франции и потенциально против Соединенных Штатов Америки, и 3 сентября, когда эти страны объявили ему войну, стало началом его конца.

Коба мог предложить: «Смотри, пол-Польши мне, пол-Польши тебе, но нападаем не 1 сентября, то есть не через неделю, а на следующий месяц — мне еще время нужно для подготовки». Это как если бы мы с тобой договорились: «Давай умочим в сортире кого-нибудь». — «Давай!» — «Раз, два, три!»... Ты — ба-бах! (*Якобы стреляет из пистолета.*) — а я только руки потираю: «А у меня нет патронов». Ну и кто из нас плохой человек, а кто невинная жертва? Все так просто, но англичане этого не поняли: вляпались в войну и должны были воевать. Господи, когда я на пальцах все объясняю, их хваленая британская мудрость сразу же меркнет. Я говорю: «Вас товарищ Сталин, как мальчиков...».

— *Так он красавец был, Иосиф Виссарионович?*

— Вот я и утверждаю, что британской разведке такое писать не с руки. Я даже больше скажу: если «Ледокол» британская разведка придумала, почему бы тогда в Киеве и в Москве Джеймсу Бонду памятники не поставить? Нас же всегда дураками описывали, которые были к войне не готовы: Сталин, дескать, глупец и прочее, а Джеймс Бонд, получается, сообразил, что мы совсем не такие, и, водя по бумаге моей рукой, восстановил справедливость. Я ведь доказываю, что мы далеко не идиоты...

— *Ты подверг коренному пересмотру причины Второй мировой войны и написал: «Я замахнулся на самое святое, что у нашего народа есть, на единственную святыню, которая у него осталась, — на память о так называемой “великой отечественной войне”. Это понятие я беру в кавычки и пишу с маленькой буквы — простите меня! Коммунисты сочинили легенду о том, что на нас напали, и с того самого момента началась великая отечественная война — эту легенду я вышибаю из-под ног, как палач...»*

— *(Вместе.)* «...вышибает табуретку»...

— *Итак, по твоему мнению, в июне сорок первого года Красная Армия готовилась к удару по Германии, который должна была нанести в июле...*

— Точно.

— *Почему же в таком случае Гитлер нас опередил?*

— Об этом нужно, конечно, спрашивать не у меня, а у него, но, поскольку здесь его нет, — нет? *(Оглядывается.)* — остается только высказывать предположения. Впрочем, мы можем не только строить догадки, но и опереться на документ — «Обращение Гитлера к немецкому народу в связи с началом войны против Советского Союза» от 22 июня 1941 года. Я специально его не цитировал, и меня теперь обвиняют: «Так ты же у Гитлера все переписал!». Ребята, но если он так сказал, это разве не может быть правдой?

Гитлер примерно так выразился: мы нападаем на Советский Союз только лишь для того, чтобы предотвратить его могучий удар, мы бьем первыми, и это наш единственный шанс выжить. Ну, во-первых, воспользоваться этим шансом ему так и не удалось — он покончил с собой, а во-вторых, живя в Советском Союзе, о существовании подобного обращения я знать не мог. Вопрос, правда, в другом: почему же мы никогда этого не опровергали? Любая наша пропаганда, любые мемуары, любые учебники — все, что угодно, должны были начинаться с этого гитлеровского заявления: 22 июня 1941 года, мол, фюрер обратился к нации и произнес такие-то вещи. Он, в частности, утверждал, что столько-то советских дивизий было сосредоточено на границе, но Гитлер врал — этого не было! Он заявил, что наши аэродромы были к границе придвинуты, — ложь! Он объявил, что... — ну и так далее.

— *Кто же на кого 22 июня напал?*

— Ну, ясно кто — Германия на Советский Союз.

— *То есть все-таки не наоборот...*

— Знаешь, есть историк такой — Марк Солонин: он мой хороший друг и живет в Самаре — в городе, где я встретил свою ненаглядную Татьяночку. Я часто ему звоню — мы в полном контакте, так он пошел дальше и написал книгу «23 июня 1941 года». Марк считает (при этом опирается на документы), что советское нападение готовилось на 23 июня.

— *Гитлер, таким образом, Сталина опередил всего лишь на день?*

— С Солониным я не во всем согласен, но он приводит документальные доказательства и факты, которые свидетельствуют, что наше вторжение планировалось осуществить не 6 июля, а даже ближе — 23 июня. Я же нигде ничего не доказываю — даю только аргументы без особых каких-то подтверждений (как говорится: «Чую, что литр, а доказать не могу»)...

— *Сенсационные документы до сих пор где-то в архивах хранятся или они уничтожены?*

— Дело в том, что я не историк, а все-таки какой-никакой разведчик. Мне сразу же объяснили: все, что от нас прячут, тебе никогда не покажут — и не старайся, туда не лезь. У тебя своя голова на плечах: попытайся это или выкрасть, или, если не можешь умыкнуть, вычислить.

— *Оно, значит, есть?*

— Конечно — ведь как было с пактом Молотова — Риббентропа? Твердили же: «Нету! Нету! Нету!» — а потом вдруг нашли. Или давай так: мы не имеем бумаг, но я тебе покажу документ. Вот смотри: иду я как-то по городу Нью-Йорку и вижу — продается краткий русско-немецкий разговорник для бойца и младшего командира. Вот он (*Показывает.*) — подписан к печати 29 мая сорок первого года. Москва. Фабрика Скворцова-Степанова...

— *Тираж не указан?*

— Нет, но я находил свидетельства, что шесть миллионов шархнули, к тому же экземпляр это майский, а потом, 6 июня, дополнительно эти книжечки стали пе-

чатать в Киеве, Минске, Риге, Одессе. Фразы — ну просто загляденье: пишут, как по-немецки сказать «Стой!», «Сдавайся!», «Шагом марш!», «Скорее!», «Ваша фамилия?», «Какой роты?»... Ну вот хотя бы это: «Немедленно доставить оружие на площадь», «Немедленно собрать жителей для исправления дороги (моста)»...

— *Явно не оборонительная тактика, правда?*

— «Где кузнец?», «Собрать и доставить сюда столько-то голов лошадей. Будет заплачено». Рублями, видимо...

— *Ну и ну...*

— «Где бензин?», «Где гараж?», «Сколько машин?», «Где бургомистр?» — вот, читай!

— *В СССР бургомистров-то не было..*

— Откуда все это, если у нас великая отечественная война, зачем нам знать, «Где ратуша?», но самый класс, конечно, две верхние фразы — можешь их зачитать.

— *«Вам нечего бояться! Скоро придет Красная Армия!»...*

— Ну вот и все!

«Мы на восток еле ноги уносим, а Тимошенко впереди?»

— *И снова цитирую Виктора Суворова: «Ледокол» появился потому, что я изначально не верил в нашу глупость — с ранней юности не верил, — и если выразить все мои книги о войне одной фразой, то вот она: «Мы не дураки!». Я это знал и потому ответы на загадки сорок первого года искал где угодно, только не на навозном поле глупости.*

Моя теория — это неудобная правда, которая мешает жить. Вся идеологическая система российского государства, какой бы рыхлой она ни была, в основе своей имеет советские легенды, и из всех этих легенд выжила только одна — о великой справедливой войне». У меня возникает резонный вопрос...

— ...резунный!..

— *Если Красная Армия была тогда так хорошо готова к вторжению на немецкую территорию, почему, сверкая пятками, драпала аж до Москвы?*

— Ответу тебе без проблем, а для начала напомним песню такую... Чуть-чуть отклоняясь от темы — позволяешь же иногда шаг в сторону, конвоир? Итак:

По-над Збручем, по-над Збручем
Войско красное идет.
Мы любых врагов проучим —
Тимошенко нас ведет.
Вспомнил маршал путь геройский,
Вспомнил он двадцатый год.
Как орел, взглянул на войско
И скомандовал: «Вперед!».
И пошли мы грозной тучей,
Как умеем мы ходить,
Чтобы лавою могучей
Мразь фашистскую разбить.
Мы идем вперед с боями,
И куда ни погляди,
Тимошенко вместе с нами,
Тимошенко впереди.

— *Не путать только с Юлией Владимировной — сразу оговорюсь! — имеется в виду Семен Константинович. Многие такого уже не знают...*

— Хорошо, Тимошенко впереди! — так и передай куда надо, но тут упомянут маршал, который это звание получил 7 мая 1940 года...

— *...то есть после Финской войны...*

— До этого такой песни сложить не могли: нельзя называть человека маршалом, если он генерал (по головке за это бы не погладили), а после 22 июня никто ее уже не вспоминал. Вдумайся в эти слова: «Мы идем вперед с

боями, и куда ни погляди, Тимошенко вместе с нами, Тимошенко впереди». Мы на восток еле ноги уносим, а Тимошенко впереди? Или как это понимать?

— *А действительно, как?*

— Песня просто заранее заготовленная. В течение года на смену прежнему культу Ворошилова постепенно пришел культ Тимошенко, который должен был повести армию к победам (едва враг и вправду напал, полководца почему-то воспевать перестали). Такая же история с песней «Великий день настал» Шостаковича — допустим, пишет ее гражданин Шостакович, а тут: тук-тук-тук! «22 июня — это для вас великий день настал, сэр?». Пвязали бы, как пить дать, но это же было утверждено. Нашел я и кусочек плаката «Родина-мать зовет!» — к печати подписан 15 марта 1941 года, а почему мы бежали? Да потому, что подготовка к наступлению прямо противоположна подготовке к обороне.

— *Понятно — концепции разные...*

— В корне. Вот смотри: предположим, я куда-то пришел, спустил штаны и к чему-то готов — например, к инъекциям в задницу, а в другой ситуации спущенные штаны означают как раз неготовность убежать. В следующей книге (давно написанной и, надеюсь, она скоро издана будет) есть у меня фотография: французская танковая дивизия, сорок четвертый год. Один из батальонов готовится к наступлению, и танки впритык, впритык — колонной по три-четыре стоят, а правее автомашины крытые. Сразу же догадаться можно — в них топливо и боеприпасы, потому что танки вот-вот — и рванут вперед, и я говорю: «Сюда бы один пикирующий бомбардировщик. Они тут так в кучу, в кулак собраны, что промахнуться нельзя: одна бомба упадет — и разразится жуткая катастрофа».

Ну а рядом у меня следующая картинка: сорок первый год, немцы какие-то на лошадях едут, и поля сгоревшей советской техники. Такие кулаки создаются для нанесения удара, а если мы обороняться планируем, танки

рассредоточим: один здесь, другой там... В один попасть очень сложно, а попадешь, ну и Бог с ним...

— ...а в скопление...

— ...запросто, и вот как громыхнули гитлеровцы по всем нашим скоплениям...

— *Красная Армия, выходит, готовилась к наступлению, а пришлось отступить, и из-за этого...*

— ...случился обвал.

Впрочем, не только по этой причине — тут ситуация падающего домино постоянная. Допустим, все наши аэродромы к границе придвинуты, а немцы, поскольку никакой обороны у нас нет, быстро их заняли. Там между тем бомбы остались, запчасти для танков: мы отходить начинаем, а ремонтировать технику нечем, в баки заливать тоже нечего. Если бы склады, где сложены сапоги, сухари, сало, за Днестром были — это одно, а мы бежим и танки бросаем, потому что у нас нет бензина.

Ну и еще. Какой-то человек мудрый сказал, что планы Сталина были планами народа, и когда произошло все не так, как ожидали, случился душевный надлом. Представь, мы с тобой экзамен идем сдавать — сопромат.

— *Не дай Бог!*

— Приходим, а нам говорят: «Да не сопромат сегодня, а анатомия пингвина», но мы к этому не готовы — плана-то никакого нет.

«Какой же должна быть нелюбовь к режиму, если поставленные перед выбором между Гитлером и Сталиным советские люди выбрали немецкого фюрера — вот что страшно!»

— *Почему немцы не взяли Москву?*

— Прежде всего потому, что Германия была к войне не готова.

— *Не готова?*

— Конечно. Спроси любого футбольного тренера, какая из двух команд, которые сегодня играли, готова, а какая нет: он ответит тебе, что закончился матч со счетом 5:0 — все! Гитлер покончил жизнь самоубийством — готов оказался, да? Ну, давай за язык тебя потяну, и ты это подтвердишь.

— *Почему же они не вошли в Москву, на подступах к которой стояли? Сколько там оставалось? Семнадцать километров до городской черты и двадцать семь — до Кремля...*

— До Москвы немцы на последнем дошли издыхании, все ресурсы растратив... Ну, смотри: у нас двадцать пять тысяч танков, а у них — лишь три тысячи, у нас танки с противоснарядным бронированием имеются, а у них нет, мы на дизелях, а родина Рудольфа Дизеля всю войну — без. У нас штурмовики есть бронированные, — мало, но есть! — а у них ни одного, у нас на Т-34 стоит пушка (по баллистике — как дивизионная), а у них или обрубок, или тридцать семь миллиметров: это же ужас полный! Да если бы немцы были готовы к войне, завершили бы ее где-нибудь в районе Владивостока, и как это они готовы, если всерьез рассчитывали: за три месяца все захватим... Я говорю: стойте. Ну, вошли бы в Москву. Опыт уже есть — брал ее Бонапарт, а дальше-то что?

— *Велика Россия...*

— ...и отступить есть куда.

— *Завязнуть — раз плюнуть...*

— Это ведь разные вещи: захватить Афганистан и подчинить. Вот мы с Таней были недавно в Соединенных Штатах Америки... За океаном нашего брата полно: и евреи, и русские, — интернационал, словом, и у них там свои телеканалы, радио — ну, не мне тебе это рассказывать. В общем, когда американцы только в Афганистан вошли, меня пригласили на телемост и какой-то дядя (он уже шесть месяцев живет в США — щирый такой американец!) мне говорит: «Вот мы, американцы, захватили этот Афганистан за три дня, а вы, русские, воевали там

десять лет — и что?». Я плечами пожал: «Вы, американцы — да, но мы тоже Кабул за пару дней захватили, это точно: никто не успел пикнуть, тем не менее, встретимся в эфире лет через пять, когда начнут звездно-полосатые гробики сюда привозить, — тогда и продолжим беседу». Захватить страну — это одно, а контролировать — совершенно другое.

— *Немцы могли взять Москву?*

— Разумеется.

— *Предположим, это произошло — в результате что-то бы изменилось?*

— В конечном счете, это был бы очень длительный Афганистан, Ирак — что-то такое, а что касается того, могли они или нет контролировать нашего брата на оккупированной территории... Как-то нашел я протокол допроса Михаила Федоровича Лукина — генерал-лейтенанта, командующего 16-й армией. Выдвигались они из Забайкалья в район Шепетовки, до конца еще не разгрузились, дивизии двинули туда, батальоны сюда...

— *Затыкать дыры, да?*

— Ну, конечно, а потом их бросили в Белоруссию и в район Смоленска. По сути, попав в окружение, Лукин спас Москву, потому что это был мощный очаг сопротивления. Если бы они сразу сдались, Гитлер быстрее бы устремился к столице, но оттого, что этот котел держался, у него не было сил продвигаться вперед. Потом Лукина в очень тяжелом состоянии привезли в немецкий офицерский госпиталь... На соловьевской переправе, когда наши войска бежали, а он их удерживал, ему отдавили ногу — началась гангрена, и ногу отрезали. Он герой, который Москву, повторяю, спас, так вот, в протоколе его допроса такая фраза мелькает: «Дайте русскому мужику землю — и он ваш». Человек — патриот и все прочее, но внутри он мужик, поэтому знает, что коллективизация — это было неправильно, и советует немцам: «Вы только дайте, и все — победите...».

— *Действительно победили бы?*

— Если бы были умными, могли бы вполне, потому что народ был озлоблен, но ума не хватило. Есть в Питере такой режиссер Виктор Правдюк — он сделал фильм о Вяземском окружении. Октябрь сорок первого, и он показывает: «Вот идут наши солдаты. Посмотрите, как они улыбаются! В плен сдаются...»

— *...радостно...*

— «Да, и обратите на их шинели внимание — новенькие, негрязные: значит, не кормили они вшей в окопах». Сразу, как привозили на фронт, сдавались...

— *...миллионами...*

— Четыре миллиона, сэр. Четыре!

— *Почему же все-таки мужики наши так массово поначалу переходили на сторону немцев?*

— Дело в том, что (идея отнюдь не моя — эту мысль высказывали другие историки) все-таки великая отечественная несла в себе элементы гражданской войны. Люди советскую власть ненавидели, они припоминали ей Тамбов и Кронштадт, голодомор, лагеря, другие все преступления, и чего только не было: и массово в плен сдавались, и в СС шли служить. Это ужасно, не отрицаю, но какой же должна быть нелюбовь к этому режиму, если, поставленные перед выбором между Гитлером и Сталиным, они выбирали немецкого фюрера — вот что страшно! Знаешь, когда мы называем войну великой отечественной, сдавшиеся в плен четыре миллиона солдат и офицеров сюда как-то не вписываются — где же оно, величие-то? Я понимаю: народ великие жертвы принес, но в том смысле, что мы правы, а они, такие нехорошие, на нас напали, поэтому наша война святая, величия что-то не вижу...

Вот я открываю книгу Константина Симонова «Разные дни войны», и первая фраза такая: «21 июня 1941 года меня вызвали в радиокомитет и предложили написать две антифашистские песни». Начало войны он прохлопал — все утро 22 июня ему звонили-звонили, а он к телефону не подходил, потому что был занят делом — за-

казанные песни писал. Только под вечер снял трубку и услышал: «Война».

— *Ты утверждаешь, что, если бы Советский Союз напал первым, мог разгромить Германию за три месяца...*

— Если бы удар нанесли в Румынию. Дело в том, что у меня есть карты, и в следующей книге их, надеюсь, опубликуют... *(Пауза.)* Всегда у меня проблема с издателями! Вообще-то, хочу выпустить что-то вроде «Ледокола» в картинках: большой формат, множество иллюстраций, мало текста, и карты, карты, карты... С ними тоже проблемы (прошу прощения за то, что иногда отвлекаюсь).

Первый издатель Сергей Леонидович Дубов поставил меня в известность: «Книжка будет очень плохой — мягкая обложка, серая бумага, ни фотографий, ни карт, зато тираж триста тысяч». Я: «Сережа, побойся Бога! Книга о стратегии без карт невозможна — у меня же колода штабных карт...». — «Нет и еще раз нет!». Мы долго с ним... ну, не ругались — совещались, так скажем, и в конце концов он предложил: «Триста тысяч будет в дешевом варианте, а двадцать тысяч — в подарочном: у кого деньги есть, купят в твердой обложке». Потом Дубов вернулся в Москву и все триста двадцать тысяч под одну гребенку шарахнул... Второй тираж был уже миллион, и он приехал ко мне со словами: «Давай так делиться: тебе слава, а мне деньги». Я согласился: «Давай!» — и, наверное, не прогадал.

...Так, стой, мы о чем?

«Сталин вел себя, как побитый диктатор, как маленький мальчик, который плачет и кричит: “Я плохой!”, чтобы услышать от всех: “Ты хороший!”»

— *За три месяца Красная Армия могла поставить Германию на колени?*

— Могла, и я не зря вспомнил про карты. Если мне где-нибудь их напечатают, можно будет увидеть, что гра-

ница идет волнами: два советских выступления — Белосток и Львов — буквально в Германию вдвинуты. Наши войска готовились стремительно продвигаться в глубь вражеской территории и сосредоточились именно там, но с трех сторон при этом они уже окружены — немцы и впереди, и с флангов, и отчасти сзади... Осталось это кольцо замкнуть — и все, но и немцы оттого, что такой пилой граница идет, в ситуации аналогичной: наши уже с трех сторон оба выступления окружают, и, по сути, немцы оказываются в нашем тылу.

Удар Красной Армии на Восточную Пруссию, к Балтийскому морю был бы для Гитлера очень страшным. Мы были в ситуации гораздо лучшей, чем немцы, поскольку у нас тайно второй стратегический эшелон выдвигался, а у них второго как раз не было. Они в результате первый наш разгромили, а про второй не знали, и едва к месту его дислокации вышли, там семь армий уже ждет. Фрицы и их уничтожили, но наши в это время мобилизацию провели, а у немцев такой возможности не было, потому что все уже мобилизованы, и второй стратегический эшелон отсутствует.

У нас положение уникальное было, ведь почему так много войск Красной Армии на львовском скопилось выступе? Потому что, если мы от Львова наносим удар, наш левый фланг прикрыт горами Чехословакии, и никто здесь не тронет. Выходим от Кракова и поворачиваем на север: справа у нас Висла, а слева Одер. Никого в этом коридоре нет, и мы идем просто...

— ...в самое логово...

— ...отсекая немецкие армии. Когда на эту карту смотришь, аж дух захватывает: «Господи, как красиво!» — настолько замысел элегантен. Действительно, какая-то бриллиантовая такая работа, а у немцев — постоянная горловина. Вот они напали, а потом группа армий «Север» к Питеру потянулась, «Центр» — к Москве, «Юг» — к Кривому Рогу и Днепропетровску, и между

ними все расплзается, расплывается... У нас же наоборот, кроме того, Румыния никем, по сути, не защищена, а от нашей границы через Галацкий проход до нефтепромыслов Плоешти сто восемьдесят километров. Если там нет обороны, если стоит тихая ночь, — а танки у нас автострадные! — можно туда рвануть и, что надо, поджечь: не надо захватывать!

— *И вновь к своему возвращусь вопросу: почему немцы наголову были разбиты?*

— Ну, главная, на мой взгляд, причина в том, что во главе Германии все-таки не самый умный стоял человек, во всяком случае, сравнить Гитлера со Сталиным невозможно.

— *Даже так?*

— Ни в коем случае, и я привожу в своей книге «Самоубийство» описание двух систем власти — гитлеровской и сталинской. Гитлер отдает приказы, а потом узнает, что никто их не выполняет, и он, как описывают, удивлен, а товарищ Сталин, если бы о таком факте узнал...

— *...удивил бы других...*

— Еще как! Это, во-первых, а во-вторых, как совещания Гитлер проводит? Он говорит, говорит, говорит — вот как я сейчас, не останавливаясь. Есть множество свидетельств тому, что в комнату набивается масса людей, которые слушают фюрера, открыв рты, и он вещает...

— *...а Сталин лишь молча слушает...*

— Самый редко встречающийся у человека талант — это умение слушать, так вот, Иосиф Виссарионович им обладал, как никто.

— *Почему он не принял Парад Победы лично?*

— Ой, недавно придумали, будто упал с коня...

— *...якобы на репетиции...*

— ...но это такая глупость! Ну, полная чепуха, и я этот миф разоблачил. Одна рука у него сухая, ему шестьдесят пять — ну, можно ли в таком возрасте и состоянии ездить верхом? Кто бы на это пошел?

— Он, *выходит, и не пытался?*

— Нет, конечно, а если бы Парад Победы решил принимать, у него был танк «ИС-2» — «Иосиф Сталин-2». Это же как эффектно: товарищ Сталин на танке «Иосиф Сталин» — зачем ему конь? Нет, он бы на танке выехал, если бы захотел.

— *Было бы круто!*

— Правда, да? Или, допустим, на какой-то легкой армейской машине — простой, как сталинская солдатская шинель: не объезжать же строй на каком-то навороченном «Бьюике». К слову, толстый, обрюзгший Черчилль на коне не ездил, но парад принимал — на армейском автомобиле типа нашего «газика». С сигарой привычной в зубах, цибарит: «Здрасьте, товарищи!» — зачем ему конь?

— *Итак, исторический парад генералиссимус не принимал потому что попросту не хотел?*

— Принципиально не хотел, и я приводил примеры того, что вел он себя... *(Пауза.)* Есть воспоминания главного маршала авиации Новикова, мемуары маршала авиации Голованова о том, как сразу после Парада Победы они где-то уединились, немножко выпили... Это не тот большой прием, где Сталин поднял тост за русский народ: спасибо, мол, за терпение! Оценил...

Короче, где-то они уединились, и Сталин вел себя, как побитый диктатор, как маленький мальчик, который плачет и кричит: «Я плохой!».

— *Зачем?*

— Чтобы услышать от всех: «Ты хороший!». Сталин лишь делал вид, что уходит, чтобы ему сказали: «Нет! Оставайся!», и звезду Героя Советского Союза, кстати (это звание присвоено ему 26 июня 1945 года), никогда не носил. Даже не получил ее — она так и осталась лежать в наградном отделе Верховного Совета СССР, и вспомнили о ней только в день похорон, когда нужно было прикрепить к красной подушечке. Есть официальная фотография Сталина в личном деле, и обрати внимание: у него лишь одна звездочка — Героя Социалистического

Труда (за номером один). В 1939 году к шестидесятилетию ему это звание дали, а в сорок девятом, когда уже семьдесят стукнуло, не рискнули (гнева его опасались?). Даже на плакатах вождь изображен без звезды Героя Советского Союза — просто он был убежден, что война завершилась не так, как ему бы хотелось, потому Героем Советского Союза сам себя не считал.

«Товарищ Ленин, — сказал Сталин, — оставил нам социалистическое государство, а мы его просрали»

— *«Вторую мировую войну, — заявил ты, — мы проиграли»: что же имел в виду?*

— Только то, что сказал...

— *Красный флаг над рейхстагом, Парад Победы в Москве, поверженные гитлеровские знамена, брошенные к подножию Мавзолея...*

— ...ох, какой ты!..

— ...и мы проиграли?

— Да, и доказать это очень легко. Ты убежден, что СССР победил?

— *Разумеется...*

— И куда же, прости, он девался? Я, например, знаю, что в детстве ты любил географические карты рассматривать (поразительная осведомленность. — Д. Г.) — не покажешь ли мне на карте, где этот великий, могучий, несокрушимый Советский Союз? Колосс одержал величайшую победу в истории и... рассыпался. Агония длилась, согласен, долго, но это оттого, что открыли месторождения нефти и газа и ими подпитывали режим.

— *Следовательно, в историческом плане...*

— ...СССР потерпел поражение, и Сталин это хорошо понимал. Скажу больше: еще в сорок первом вождь осознал масштаб этого краха — выйдя из здания Генерального штаба, он обронил, что товарищ Ленин оста-

вил нам социалистическое государство, а мы его, мягко говоря...

—...*грубо выражаясь, просрали...*

— Да, именно это слово он и употребил: «просрали». Иосиф Виссарионович признал, что мы проиграли, и немедленно приказал разбирать гигантский Дворец Советов, который всю тогда строили, и гнать демонтированные балки на оборону Москвы. Кстати, киевские «ежи» — те, которыми улицы перегораживали, оттуда же, с фундамента Дворца Советов: швеллеры резали и отсылали в Киев.

— *«Сталин, — пишешь ты, — умнейшим был человеком, и иногда в своих книгах я им просто люблюсь. Впрочем, Иосиф Виссарионович был уголовником, и восторг по отношению к нему можно сравнить с восторгом, с которым мы смотрим иногда на криминального авторитета: мол, во, гад, дает!»...*

— Мне кажется, в нем было что-то дьявольское и наряду с этим — невероятная память, поразительная, безукоризненная логика. Он, собственно, оттого и просчитался, что руководствовался в первую очередь ею. Германия не может вести войну на два фронта — логика, безусловно, железная, но у Гитлера-то сработала другая... Что еще впечатляет? Совершенно черный сталинский юмор. У Ленина, заметь, юмора не было и в помине, Троцкий, насколько я знаю, им тоже не обладал, а у Сталина был тончайший, изощреннейший...

— *...иезуитский...*

— Точно, и я, кстати, собираю разные сталинские шутки, примочки... Ну вот, допустим, идет в Большом театре после войны декада советско-польской дружбы. Поляки, ты в курсе, нас страшно «любили»...

— *...и было за что — одна Катынь чего стоила...*

— Мало того, там вековая «любовь»... В общем, директор Большого с шести утра на ногах, целый день бегает, суетится: не дай Бог, накладка какая-то — расстре-

ляют. Слава Богу, все завершилось, он, обессиленный, плюхнулся в кабинете своем на диван, и вдруг: тук-тук-тук! Заходит молодой человек: «Оставайтесь на месте». — «Здесь?» — «Да. За вами придут». Прошел час, второй, третий, и где-то уже за полночь его по каким-то подземным переходам ведут (в Большом он который год, но никогда об их существовании не подозревал). Открывается дверь, и предстает перед ним комната, вся светом залитая, а там Политбюро: выпивают, закусывают...

— *От стресса такого можно и под себя сходить...*

— Причем запросто! Шокированный директор пытается взять себя в руки, а Сталин наливает фужер коньяку и протягивает ему: «Пей!». Тот не ел целый день, возбуждение жуткое, но берет: хрясь! Внутри все огнем обожгло, пронзило... Сталин понял, что гость просто голоден, и на вилку кусок копченой колбасы наколол: «На!». Тот, бедный, стоит и не знает, как быть: то ли снять угощение прямо со сталинской вилки зубами, то ли себе ее взять. Выдавил что-то вроде: «Товарищ Сталин, после первой я не закусываю». Вождь отмахнулся: «Ладно, иди», а он вышел и отрубился. Настолько выжала его эта игра в кошки-мышки... Тут уже даже не юмор, а что-то за гранью.

— *Страшное дело!*

— Правда, да? Такие приколы я коллекционирую, и, между прочим, самая любимая книга из всех, которые написал, — «Контроль», где Сталин присутствует. У меня и сценарий есть, где описываю, каким его вижу. «Летний день отшумел... Вором багдадским закрался синий вечер на сталинскую дачу...» — там идет пьянка. «Поднялся товарищ Сталин. Все затихли, и даже кузнечики на лужайке разом стрекотать перестали»... Что-то в нем было, было... Человек, который осознает: по стране прокатились Первая мировая, а после Гражданская, все разрушено, — сумел под себя все подмять и всех обмануть, обвести вокруг пальца... Непостижимо... *(Разводит руками.)*

«В публичном доме порядочных дам не бывает, и если ребята дошли до маршалских звезд, благородством там и не пахло»

— Чем были, по-твоему, вызваны сталинские репрессии — борьбой за власть или чем-то другим?

— Ну, вот представь: сидит какой-то крутой авторитет, под которым очень много людей ходит, и чтобы добиться от них беспрекословного подчинения... Даже не так объясню. Вот Чингисхан готов идти к последнему морю — то есть к Атлантическому океану, но, чтобы в поход выступить, должен сперва навести порядок в собственном доме. Вокруг другие авторитеты — нужно прижать их, чтобы, когда он скамандует: «вправо!» или «влево!», ему не задавали вопрос: «Почему?», а беспрекословно туда шли.

В книге «Очищение» я привожу эпизод из дневника Геббельса — тот описывал, как Гитлер наедине с ним любуется Сталиным. Вот, говорит, гад, он же партийную верхушку почистил — нам бы так... Вот мы когда ситуацию упустили... — и это самое главное признание того, что Сталин был прав. Или того же взять Бонапарта. Перед тем как ударить по всей Европе, он должен был у себя, в своей вотчине, прижать всех к ногтю: если не сделал бы этого, ничего бы у него не получилось.

— *Расстрелянные Сталиным крупнейшие советские военачальники, герои Гражданской Блюхер, Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Федько и другие были светлыми личностями, какими их пытались в годы перестройки изобразить, или такими же бандитами, как и он сам?*

— Такие же бандиты! (Снова прошу прощения за мой французский язык, но в публичном доме порядочных дам не бывает.) Если ребята дошли до маршалских звезд, благородством там и не пахло — на их штыках...

—...*море крови...*

— ...в том числе и во время коллективизации: один НКВД держать всю страну в страхе не мог. На Тухачевском, к примеру, ответственность за уничтожение офицерского корпуса Красной Армии в тридцатом — так называемая операция «Весна» (это он всех шибко грамотных истреблял, военспецов), а, допустим, Дыбенко — командующий Приволжским военным округом...

—...*который Кронштадтский мятеж подавлял, да?*

— Мало того, он же Учредительное собрание разогнал...

— ...*легендарный балтийский матрос...*

— Да, вместе с Железняком, так вот, его в шпионаже в пользу Америки обвиняют, а он защищается: «Да какой же я шпион, если американского языка не знаю?». Это есть в протоколе допроса, то есть мужику просто невдомек, что можно шпионить на США, языка и не зная: завербовать тебя наверняка поручат тому, кто русским владеет. Увы, у Дыбенко мозгов не хватало, чтобы это понять.

— *Кошмар — и это первый народный комиссар по морским делам...*

— Ой, кем только он не был...

— *Что ты можешь сказать о такой персоне, как Троцкий?*

— Человек он очень неоднозначный. Безусловно, талантливый — все-таки не каждому по силам совершить революцию, переворот...

— *Это его работа?*

— Ну, во всяком случае, Лев Давидович был главным, и без него ничего, мне кажется, не удалось бы... Октябрь семнадцатого года — его звездный час, а затем он создает Красную Армию: вот два ключевых момента, которые нужно иметь в виду. В первом советском правительстве он народный комиссар по иностранным делам, затем наркомвоенмор, председатель Реввоенсовета... С другой стороны, Троцкий, видимо, не понимал аппаратной тактики, считал, что революционер — это гор-

лопан, пламенный оратор, трибун. Тут он был, конечно, неподражаем: держал в напряжении толпы, и люди его слушали, но при этом кто-то должен быть Генеральным секретарем...

— ...и канцелярской работой заведовать...

— Товарищ Сталин это очень вовремя сообразил, и вся номенклатура четко себе уяснила...

— ...кто в доме хозяин...

— Тот с броневика вещает, а я сижу в своем кабинете, секретарь какого-то, предположим, Орехово-Зуевского райсовета, и понимаю, что есть товарищ Сталин, который ведает организацией под названием «Учраспред» — учет и распределение кадров. Да, рутина, да, перекладывание серых папочек с полки на полку, но он может задвинуть меня председателем какого-нибудь колхоза в Туруханский, к примеру, край или отправить...

— ...секретарем райкома...

— ...в Киев. В общем, как только Сталин взял в свои руки кадровый вопрос, он стал вершителем номенклатурных судеб.

...Однажды на глаза мне попала совершенно дикая характеристика Сталина: он якобы ни о чем не думал, а просто сидел и прикидывал, кого куда двинуть, но извините: работа руководителя прежде всего в этом и заключается — найти нужных людей и правильно их расставить.

***«Умереть товарищу Сталину помогли.
Вчетвером его отравили — Берия, Хрущев,
Маленков и Булганин»***

— Какое мнение у тебя сложилось о Берии?

— Берия — это упущенный шанс Советского Союза.
(Пауза.) Да, упущенный шанс!

— ???

— Едва Сталин умер... Или ему помогли — а ему помогли!..

— Уверен?

— Абсолютно. Есть книга Абдурахмана Авторханова «Загадка смерти Сталина» — читал?

— Нет...

— С ней у меня эпизод один связан. Помню, когда в Британию убежал... Мозг начеку, сердце стучит, и вот первый визит в книжный магазин — это была маленькая лавка в Лондоне. «Дайте мне что-нибудь почитать», — попросил и вижу: стоит на полке книжка «Загадка смерти Сталина». Что за чепуха? Какая еще загадка? Взял ее, а жили мы далеко-далеко от Лондона... Еду назад автобусом, ночь наступает... Фонарь за окном мелькнет — я строчку прочитаю и жду, когда следующий осветит страницу, а там такое! Проглотив эту книжку, я решил, что только так и надо писать, — стиль у Авторханова перенял.

— *Отравили все-таки Сталина?*

— Отравили...

— *Берия?*

— Вчетвером: Берия, Хрущев, Маленков и Булганин. Там, в этой книге, все есть и все на открытых документах, в том числе на статьях из газеты «Правда», построено. Авторханов, в частности, пишет, что товарищ Сталин провел XVIII съезд партии в марте тридцать девятого, после чего обходился без съездов...

— *...до пятьдесят второго...*

— Ну да, сначала война началась, потом какие-то еще были причины, и вдруг «Правда» публикует сообщение о том, что собирается XIX съезд партии, и подпись стоит — Маленков. Обождите: а Сталин где? Нет, пересказывать не берусь, это надо читать, так вот, Авторханов ничего не доказывает. Он говорит как бы: есть такой факт, такой и такой, а уж вы, если умные люди, анализируйте.

Еще в его тактике такой вот момент присутствует: что-то цитируя, он открывает скобку и тут же дает сно-

ску: газета «Правда» от такого-то, предположим, числа. Пусть так нельзя, не принято, но я решил это перенять. Почему? Если сноски в конце книги помещены, мы их или не смотрим, или же прерываемся: читаешь, читаешь — сносочка! Листаешь туда — ага: посмотрел, потом к оставленной странице вернулся, а он приводит цитату и рядом в скобочках указывает источник — удобство.

— *И все-таки почему Берия — упущенный шанс Советского Союза?*

— Ну вот сам посуди: после смерти Сталина он сразу же сворачивает множество наиболее крупных строек ГУЛАГа, готовит амнистию, и кто это делает — главный палач! Берия, таким образом, немедленно начинает десталинизацию — едет даже в ГДР и многих шокирует: «А нам восточная часть Германии не нужна»...

— *...пора, дескать, объединять...*

— Но на каких условиях? На тех же, на которых Австрию объединили, где прежде и американские, и советские войска находились, — это теперь нейтральное государство, которое не имеет права вступать в блоки и размещать на своей территории иностранные базы. Вот и чудесно — давайте с Германией точно так же поступим, и тогда она не будет нам угрожать: ни американских пускай войск там не будет, ни наших. Это ж какие миллиарды угроблены, чтобы десятилетиями в тех краях держать Группу советских войск, а в результате все же там брошено. Ну а так эти деньги в народное хозяйство пошли бы: на них школы построили бы, дороги — да что угодно!

— *Хочешь сказать, что не такой уж Берия дьявол, каким его изображают?*

— Не забывай: то, что о нем нам известно, знаем мы от его врагов — людей, которые Лаврентия Павловича убили... Конечно, они не могли его без дьявольских рогов и хвоста малевать.

**«В нападение Германии на Советский Союз
Сталин не верил — знал: это самоубийство»**

— *«Гитлер и Сталин, — пишешь ты, — похожи друг на друга, как два тяжелых яловых сапога». Убедил, но ты также считаешь, что Сталин помог Гитлеру к власти прийти — возвращал его и вооружал... Зачем же он это делал?*

— *«Ледокол революции» — так Гитлера тайно нарекли в СССР еще до того, как он стал рейхсканцлером, и тут сразу же параллель с товарищем Ежовым напрашивается. Коба поднимает его из грязи в князи и приказывает: «Ну-ка, почисть мне Союз Советских Социалистических Республик!». Ежов всю эту грязь разгребает, но в какой-то момент Сталин его за шкирку: «Поработал? Ну и хватит с тебя», — и по той же 58-й статье к стеночке. Теперь зато весь этот период называется не сталинщиной...*

— *...а ежовщиной...*

— *...понимаешь? Да, безусловно, плохим человеком Ежов был, но как только в конце тридцать восьмого года его убирают, начинается тридцать девятый, и та же ситуация на европейском уровне повторяется. Давай, камарад Гитлер, давай — иди вперед, мы поможем! Круши Европу...*

— *...пройдись сапогом по Франции...*

— *...потом за Англию хорошенько возьми! Вот отвертка немецкая (Показывает.), читай — здесь написано: хром и ванадий. Без того и другого сделать даже такую мелочь нельзя, а у Гитлера нет хрома, ванадия, нефти...*

— *Зато у Советского Союза есть...*

— *...все, даже каучук нашелся. Своего не имели — товарищ Сталин где-то в тридорога его покупал и очень дешево товарищу Гитлеру продавал: ты только вой, освобождай Европу!*

— *Как просто!*

— *О чем я и говорю. Под ногами лежало — согласен?*

— Абсолютно. Это британская разведка тебя научила?

— (Смеется.) Ну, смотри. К весне сорок первого года ситуация сложилась удивительная: Гитлер сокрушил на континентальной Европе почти все государства — остались на периферии Испания, Португалия, да еще нейтральные Швеция и Швейцария.

— Италия — сателлит, Румыния, Венгрия, те же Испания с Португалией и Финляндия — тоже...

— ...то есть подмял все государства, все партии, армии, профсоюзы, загнал миллионы людей в концлагеря, и в это время у него остается одна лишь заноза в сердце — Великобритания. По идее, Гитлер должен сейчас против нее развернуться, но ведь ему всю Европу контролировать нужно, а на это необходимы силы. Смотришь любой фильм про войну: завод или мост, а рядом два немчика ходят, патрулируют, но они же не двадцать четыре часа в сутки его охраняют, им смена нужна, а сколько таких объектов по одной только Варшаве...

— ...и где столько немчиков взять?

— Вот именно, но так же по всей Европе. Уже Югославия у него дымится под задницей...

— ...партизаны...

— ...а она хуже Ирака любого — будто специально для партизанской войны создана. Лес, пологие горы, вода — это ж не просто так! Есть что пожрать, и море кругом, которым можно уйти, — чудо! — и вот войска Гитлера от севера Норвегии до севера Африки рассеяны, и сейчас он двинется на Великобританию, за которой стоит Америка, и все лучшие генералы против Британии, и весь флот, и вся авиация, и вся Европа освобождения ждет, а тут товарищ Сталин в Кремле сидит, и кто-то уже песню «Великий день настал» сочиняет, военные русско-немецкие разговорнички издает, плакат «Родина-мать зовет!» работы товарища Ираклия Тоидзе 15 марта к печати подписывает...

— Получается, Гитлер элементарно Сталина перехитрил?

— Даже не перехитрил.

— Переиграл?

— Нет. Понимаешь, он воюет, воюет, а потом вдруг оглянулся назад: «Ой!» — и делать уже нечего: Сталин загнал его в угол. Нападение Германии на Советский Союз я самоубийством назвал, и Сталин поэтому, кстати, в него не верил. Знал: это форменный суицид, но ничего другого фюреру не оставалось.

— Виктор Суворов. Цитата. «3 июля сорок первого года Сталин выступил по радио. Его речь записана, и мы можем ее прослушать — зубы стучали у него об стакан»...

— Ага! (Стучит об стакан зубами: клац-клац-клац!)

— Испугался?

— Нет, это волнение.

— «Товарищи!Граждане!Братья и сестры!Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..»

— Это не страх, и я объясню тебе, почему. Вот открываешь ты книжку «Робинзон Крузо» и читаешь, как герой — хороший человек! — шагает по острову. Идет, идет — и вдруг чей-то след: «А-а-а! Моя нога? Не моя! Что же это такое?». Он в ужасе, в панике, но потом посмотрел: «А, да это же людоеды» — и успокоился. Нас, иными словами, томит неизвестность, и пока она существует... Вот смотришь кино про акулу: она себе плавает, а потом появляется — ну просто резиновая, щелкает резиновыми зубами... Не страшно, да? Потому что неизвестность уже позади. Вот так и Гитлер напал, и со Сталиным что-то случилось. На время...

«Россия, мне кажется, будущего лишена»

— Ты пишешь, что с Рузвельтом и Черчиллем Сталин играл...

— (Вместе.) ...как с мальчиками...

— *На чем это утверждение базируется?*

— Ну вот, допустим, получает Советский Союз четыреста тысяч автомобилей. Лучшим армейским был «Студебеккер»: три оси, десять колес (первая ось — два колеса, вторая и третья — по четыре). «Студер», «Додж три четверти» (так его называли из-за грузоподъемности в семьсот пятьдесят килограммов, по аналогии с «полуторкой». — Д. Г.), пятьдесят одна тысяча джипов, и в то же время Сталин напоминает: у меня на гербе Земля (вот ты, любитель географических очертаний, скажи: почему на гербе СССР Советский Союз ни цветом, ни границей, ни пунктиром даже не обозначен?), а поперек всей планеты серп и молот лежат. Вот мое кредо: вас, буржуины, я придушу!

— *Цель — мировая революция?*

— Она самая, но если бы Адольф Гитлер на гербе разместил Землю и поперек свастику положил, народ возмутился бы, а нам — хоть бы хны. Здесь, в Лондоне, советское посольство недалеко, и герб этот там тоже висел: поперек Земли серп и молот...

— *В чем, по-твоему, трагедия Сталина?*

— В том, что он проиграл войну. Понимаешь, сосуществовать с нормальным миром мы не могли — так же, как не могут ужиться, допустим, Северная Корея и Южная. Казалось бы, там люди — и тут люди, причем те же самые, с общей историей, но одна — сверхдержава, а другая... Я держал в руках снимок, сделанный ночью из космоса: планета вся светится, а там прямо черная дыра — жутко черная.

— *Вот это символ!*

— В особенно ярких огнях города по побережью: в Италии, в Испании, где вся тусовка в разгаре. Видна Москва, виден Нью-Йорк, а там...

— *Империя зла, как сказал когда-то об СССР Рейган...*

— Да, совершенно точно, империя зла.

— *В России дебаты по поводу Сталина не утихают — чем объяснить высочайший рейтинг популярно-*

сти генералиссимуса сегодня, когда его кровавые преступления перед собственным народом всем хорошо известны?

— Тут много всего. С одной стороны, я уже говорил, что все-таки это был дьявол (как он вел себя с окружающими, как их магнетизировал!), а с другой — представь себе народ, у которого... Об Украине речь не веду — как там у вас, не знаю, но когда я смотрю на Россию, мне кажется, что будущего она лишена — по крайней мере, на этом этапе развития я перспективы не вижу. Пока со-сем нефть и газ — живем, а если кончатся, дальше-то что? Украина хоть на этой игле не сидит, но если страна не имеет ни светлого настоящего, ни светлого будущего, люди обращаются к светлому прошлому — а что им еще остается?

И вот ведь несправедливость — жуткая и чудовищная! В 1991 году и теоретически, и потенциально рубль был самой мощной валютой мира, потому что американскому правительству не принадлежит ничего. Все, что в США есть, — собственность народа, а оно лишь собирает налоги и распределяет: это на социальные программы миллиарды, это на армию прожорливую, это на бюрократию, а советскому правительству в тот момент принадлежало буквально все: Транссибирская магистраль, нефтепромыслы, заводы и фабрики... «Товарищи, граждане, паны, братцы, или как вас там, — задаю вопрос я, — почему же нельзя было распорядиться этим с умом?». Предположим, население в России какое? Сто пятьдесят миллионов. Выпускаем двести миллионов акций Транссибирской магистрали...

— ...и делим на всех...

— Даем каждому: маленький ты или большой... Это самая длинная магистраль мира и самая современная — на электричестве вся, ну а теперь прикинь: из Китая, Японии, Гонконга не вокруг Африки в Европу грузы везить, а напрямую — это же какие доходы! Всем бы раздали, но мы не сто пятьдесят миллионов акций печата-

ем — двести. Остальное — квота, то есть четверть отдаем правительству, которое зубами скрипит: «Проклятые японцы, мы вас ненавидим, но, если хотите, приезжайте сюда, покупайте за ваши нехорошие йены наши рублики и вкладывайте в «Гранссиб». Представляешь, как рубль сразу пошел бы вверх?

Дальше берем алюминиевые комбинаты. Снова выпускаем двести миллионов акций: вот это тебе, и за сына твоего, и за второго... Хочешь пропить? Твое дело, но законность соблюдена: ты свое получил (кто-то будет богатым, кто-то — бедным, я понимаю, но это же справедливо). Затем точно так же необходимо ракетные заводы разделить, самые мощные в мире электростанции, урановые рудники, золото, газ, нефть, и вот представь: ты, рядовой гражданин, получаешь такие-то, такие-то и такие-то акции — по одной, а государство — четверть от всего выпуска и пускает в свободную продажу только лишь за рубли. Милости просим, привозите свои доллары, фунты, йены! Что было бы с рублем, если бы это все удалось?

— *И что было бы с людьми!..*

— Что было бы?.. (*Горько.*) Ну а потом, когда стратегическую промышленность акционировали, смотрим: что у нас на уровне областном? Кинотеатры, пекарни, молокозаводы... Это раздали — к районному уровню подбираемся и так далее.

**«Маршал Жуков — кровавый палач:
в реках крови брода он не искал»**

— *И снова я о войне: ты утверждаешь, что Жуков был бездарным полководцем...*

— *...конечно...*

— *...а войну Советский Союз выиграл благодаря Сталину, Василевскому и ряду других военачальников. Ты пишешь (цитирую): «Маршал Жуков — кровавый палач» — чем же объяснить его культ в современной России?*

— Он вызван тем, что жить без культа Россия не может, а мифы всех наших прежних вождей рухнули. Ну, например, Дзержинского: о ГУЛАГе считаешь — и сразу уже как-то не по себе. Верховный Главнокомандующий Сталин уже развенчан, и остается только его заместитель, но приведу вот такой пример. Допустим, Георгий Константинович не кровавый палач — не будем об этом...

— ...но миллионы клал, не задумываясь...

— Да, в реках крови брода, увы, не искал.

— *Сколько он на Зееловских высотах, когда Берлин штурмовал, положил? Это правда, что полмиллиона ребят угробил ради того лишь, чтобы взять Берлин к 1 Мая?*

— Я приводил в своих книгах факты не про Зееловские высоты: там полегло много, но сколько — не знаю, не считал, однако есть открытые документы... Когда Зееловские высоты уже миновали, выходят наши войска к Берлину, и тут начинается гонка Жуков — Конев: кто первый логово зверя возьмет? На этом вот уровне я привожу донесения и телеграммы, когда Жукову снизу докладывают, что жгут танки. Он же две танковые армии на Берлин двинул: Первую и Вторую гвардейские, и обе сгорели от фаустпатронов, потому что танк в городе... Чтобы понять это, не надо Киевское высшее общевойсковое командное училище заканчивать: он уязвим — это же не орудие, а стрелялка...

Фаустпатронами, короче, немецкие мальчишки две танковые армии сожгли, а уж людей вообще не считали... Также я говорю о Жукове как о человеке нечестном, и вот пример. В мемуарах маршал указывает: Сталин неправильно определил, что главный удар немцев будет наноситься через Украину — он-то ведь через Белоруссию был нанесен. Во как! Сейчас опубликованы сборники документов за 1941 год, и там Жуков Сталину пишет, что главный удар через Украину планируется, и на этом настаивает. Тот как человек гражданский поверил, а спустя годы Жуков его в этом же и уличил.

Ну и еще. В мемуарах он Сталина укоряет: вот, мол, какой глупый-то — думал, что Гитлер сперва должен на одном фронте с Британией развязаться и лишь после этого воевать на втором, а фюрер не так действовал. Опять же, читаю рапорт Жукова Сталину: дескать, не знаю, как вам кажется, но Гитлер, пока с англичанами вопрос не решит, не нападет.

— *Сколько всего советских людей во время Второй мировой войны погибло?*

— Цифрами я не владею, и загадка это для меня колоссальная, но великий русский ученый Менделеев считал, что в 1967 году население Российской империи будет составлять триста шестьдесят миллионов человек,

— *Было между тем двести пятьдесят с небольшим...*

— Меньше — в пятьдесят девятом, согласно всеобщей переписи, насчитали около двухсот девяти миллионов, а потом мусульмане чуток нарастили.

— *Век истребления своих своими же...*

— На момент Октябрьской революции каждый седьмой обитатель планеты проживал в Российской империи, а сейчас — каждый семьдесят четвертый или семьдесят пятый: вот так!

— *Ты обладаешь самым большим в настоящее время рукописным фондом по истории Второй мировой...*

— Семнадцать кубометров писем!

— *Какое наиболее запоминающееся свидетельство о войне?*

— Трудно сказать, потому что весь этот пласт настолько однообразен... Едва ли не в каждом письме: «Нам зачитали приказ, и мы пошли...», «Нас подняли по тревоге 12 июня, а выступили 18-го...» — и все это о продвижении к границе. Сейчас я нашел письма власовцев... Сожалею, конечно, но не моя это вина, что «Ледокол» не вышел в России лет на десять, а лучше на пятнадцать раньше. Здесь, на Западе, никто его на русском опублико-

вать не взялся, а если бы он появился тогда, я бы застал гораздо больше свидетелей — они же стремительно уходящее поколение.

«Правда о Великой Отечественной войне нелицеприятна и, если будет незначай обнародована, разрушит последний миф»

— *«Семьдесят лет в нашей стране народ не имел истории: это какая-то цепь преступлений, — пишешь ты и добавляешь: — истории великой войны не существует»...*

— Не существует.

— *Искажена?*

— Абсолютно.

— *Несколько поколений советских людей воспитывались на примере двадцати восьми героев-панфиловцев, Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Айзы Чайкиной, Николая Гастелло... Подвиги их — да и сами герои! — реальны?*

— Насчет Николая Гастелло: было это или нет — не знаю, но в СССР перед войной фильм показывали — «Эскадрилья № 5» назывался. Там по сюжету наши летчики весь боезапас израсходовали... Что-то надо было предпринимать, и тогда они пошли на таран, а потом началась война, и тут же наша пропаганда о таком подвиге раструбила.

— *Двадцать восемь героев-панфиловцев были?*

— Вот это полная чепуха! После войны журналистов, которые тот бой описывали, вызвали в прокуратуру и спросили: были ли они у разъезда Дубосеково и откуда у них сведения про героев-панфиловцев.

Фронтовой корреспондент, который первым эту историю запустил, признался, что дальше штаба армии не выезжал — там якобы и говорили, будто что-то такое произошло (хотя штабисты это потом отрицали), а от-

куда взялось число двадцать восемь? Когда журналист приехал в редакцию «Красной звезды», главный редактор Ортенберг — талантливый был человек! — его спросил: «Сколько бойцов было в роте?» — «Тридцать-сорок, некомплект», — тот ответил. «Давай тридцать!», но два вроде как дрогнули, побежали сдаваться, и панфиловцы сразу их уничтожили. Редактор прикинул: «Слушай, два предателя — что-то много: одного хватит», а число двадцать восемь так и осталось. Да, рота держала немецкие танки...

— ...и действительно насмерть стояла?

— Как бы не так — за тот бой командира полка сняли...

— *Зоя Космодемьянская — миф?*

— Нет, девушка такая была, однако деревню Петрищево после войны полностью выселили — это первое. Второе: немцев там не было, и третье: по Гаагской конвенции, тактика выжженной земли — это военное преступление, однако Сталин приказал все у дорог сжигать, чтобы немцам негде было остановиться, чтобы русской зимой, морозами их добить.

Космодемьянская совершала преступление, когда поджигала конюшню, и поймали ее свои, русские, люди. Их можно понять: если бы полыхнуло, сгорела бы вся деревня, а там женщины, дети. Диверсантку они приловили и в соседнее отдали село, где имелась немецкая комендатура. В Петрищево, повторяю, фрицев не было, то есть с точки зрения геройства — да, это самопожертвование: были истязания, труп и прочее. Зоя действительно отдала жизнь за Родину и за Сталина, однако приказ сжигать избы мирных жителей был преступный. Ну вот представь: сидит баба на печи — мужика в ополчение забрали, осталась одна с детьми малыми...

— ...голодная да холодная...

— ...и выбора нет: или бежать на мороз, или в этом же доме сгореть.

— *Александр Матросов на амбразуру вражеского дзота бросался?*

— Не в курсе, однако амбразуру телом закрыть невозможно.

— *Думаю, российские архивы скрывают еще много тайн, а кому-нибудь вообще эта правда нужна?*

— Мне нужна — может, кому-то еще, во всяком случае, семнадцать кубометров писем (то, что до меня дошло!) свидетельствуют о том, что люди-то в ней нуждаются. Помнишь, Твардовский в начале «Василия Теркина» спрашивает, без чего прожить нельзя? — и тут же на этот вопрос отвечает:

Не прожить наверняка
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуше,
Как бы ни была горька.

На соломенных ногах лжи мы далеко не уйдем, понимаешь, да и правда-то на самом деле хорошая. Я говорю: хотели напасть на Гитлера, на фашиста, а вы, ребята, доказываете, что с ним целоваться желали, — вот это и впрямь плохо.

— *Почему ни в СССР, ни в России честная история войны до сих пор не написана? Узнаем ли мы когда-нибудь правду о Великой Отечественной?*

— Почему не написана? Потому что правда, как ни крути, нелицеприятна и, если будет невзначай обнародована, разрушит последний миф. До этого ведь как было? Провозгласили: мы к коммунизму дружно шагаем, а оказалось, идем не туда. Миф был — великий Ленин, но на проверку он оказался далеко не гигантом мысли (с великим Сталиным ситуация та же). За спиной у нас семьдесят лет сплошных ошибок и преступлений: осталась одна лишь святая страница — великая отечественная война, и один день самый лучший — 22 июня 1941 года, когда на нас напали. Кстати, сами мы на Финляндию напали, на Афганистан...

—...на Чечню, в конце концов...

— ...да на всех, поэтому рыльце у нас тоже в пушку, но признавать это не хочется.

— Оруэлл вывел формулу: «Кто управляет прошлым...»

— (Вместе.) «...тот управляет будущим...»

— «...кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». Чем ты объясняешь негласное табу на Западе на пересмотр истории Второй мировой? Чем страшна для них правда о давно минувшей войне?

— Тем же, чем и для Советского Союза, — они преследовали всего лишь свою выгоду. Перед войной Германия раздражала и Америку, и Великобританию — для них эта страна была экономическим конкурентом, которого следовало придавить: это раз! Два — недавно всплыли документы, что за два месяца до падения Берлинской стены Маргарет Тэтчер была против объединения Германии: очень уж ей не хотелось, чтобы две части в критическую соединились массу. Даже в восемьдесят девятом году, спустя сколько лет после войны!

...Сначала они пытались Версальским договором Германию задуть, а та вынырнула из-под этого жернова в новом обличье, да таком страшном, пугающем: сейчас я вас всех! Такую агрессивную силу они спали и видели задавить, особенно когда к власти пришел Гитлер, и для этого стремились использовать Советский Союз. Поэтому в их истории Гитлер — исчадие ада (кем он на самом деле и был), а к Сталину, который был таким же исчадием, вполне лояльное отношение. Просто тут интересы совпали: с одной стороны — Великобритании, США и других западных стран, а с другой — Союза. Теперь мы твердим: Сталин, мол, дурачок, танков у нас не было, Красная Армия оказалась небоготовой, сами мы — олухи... Союзникам нравится, и немцам тоже, поэтому в Германии издание книг, которые ставят эту версию под сомнение, не пробьешь.

— Мы вспоминали Ленина, а ты в свое время писал, что он был сифилитиком...

— Ну, я это не проверял, но документы такие ветречал. Консультировать Ильича приезжали западные медицинские светила, и они потом дали свои заключения о причинах заболевания его мозга — в них говорилось, что это последствия сифилиса.

«Медведев — не чучело, а человек, который согласился быть чучелом»

— В одной из своих публикаций ты предсказал, что вторым или третьим президентом России будет чекист...

— (Удовлетворенно.) Да.

— На чем твой прогноз был основан?

— Ну, это же так просто! Тут как-то собрались диссиденты — мы сидели, спорили, выпивали... Я для них вроде как посторонний, потому что не диссидентствовал никогда, но был принят в их уважаемую компанию, и вот за столом зашел разговор о том, что делать со стукачами. Они все в один голос: «Права человека!.. Эти люди стали осведомителями не по своей воле — их заставляли, и не надо теперь их преследовать», а мой принцип прост: стукачество следует ликвидировать как класс.

— Подожди, это что же — полстраны ликвидировать?

— Нет, просто объявить фамилии, чтобы навсегда уже нейтрализовать и их, и само явление. Мои собеседники возмутились: это нехорошо — зачем, дескать, кому-то жизнь портить? Ну, всякие интеллигентские штучки пошли в ход, и я, как красный командир настоящий, им тогда предложил: «Давайте подключим логику». На чем Советский Союз стоял? На страхе, а на чем страх держался? На стукачах! С кем-то, к примеру, общаюсь, а сам думаю: не донесет ли он завтра, то есть мы никому не

могли довериться и оттого были замкнуты — каждый молчал в тряпочку.

Если сейчас открыть, кто был кто, мы это осудим, и все забудется, а пока дерево срублено, но корни остались. При первом удобном случае сила эта тайная прорастет, потому что стукачей, как только все рухнуло, на чистую воду не вывели. Если бы сразу их перечислили поименно: ты, ты и ты! — вернуться назад было бы уже невозможно, а теперь стукач тихо дрожит: «Ой, как бы меня не раскрыли, как бы меня...», и шкурный интерес его состоит в том, чтобы «папа» к власти пришел — тот, кто прикроет и никогда не рассекретит.

Эти товарищи были везде: и в журналистике, и во всех министерствах, — поэтому страна в целом разобщена, а стукачи как раз объединены. Каждый из нас свою выгоду ищет и прочее, а у них цель единая: вернуть чекиста во власть.

— *Добились?*

— *Добились!*

— *«Нынешние правители России, — утверждаешь ты, — являются прямыми наследниками "империи зла", в истории которой не было никаких просветов — вообще никаких». Путин и Медведеву таким образом, — наследники «империи зла»? Что ты об этих двух людях думаешь?*

— Иногда приходится слышать, что Медведев — не более чем чучело, выставленное напоказ, но я с этим категорически не согласен: на мой взгляд, Медведев не чучело, а человек, который согласился быть чучелом, и разница тут большая. Одно дело — быть от рождения недалеким и не понимать, что к чему, но если он умный и на такую должность его ставят... Кто-то сказал (это не моя мысль): «Президент назначил президента, который назначил назначившего его президента премьер-министром, который будет командовать президентом», и если Медведев решил играть в эту игру, сознавая, что никаких выборов нет, что все ресурсы и вся пресса под кон-

тролем единой организации, что идет вброс дезинформации, фальсификация...

— ...одним словом, возврат к старому...

— ...да-да-да! Короче, политик, который добровольно согласился на эту роль, — быть чучелом! — никакого уважения у меня не вызывает.

— А к Путину оно есть?

— Ну, личные отношения у меня с ним такие... Однажды его спросили: «Что вы о книгах Суворова думаете?», и он ответил, что книги предателей не читает. На это хочу заметить ему вот что. В девяносто шестом году я с Татьяной своей был в Болгарии — там первый раз «Ледокол» вышел, и в то же время туда прибыл один большой-ребольшой начальник из Генерального штаба Российской Федерации (ну такой уж большой, что дальше некуда!).

Все, в общем, «Ледокол» обсуждают, — для болгар это была сенсация! — а тут старший брат пожаловал (пусть уже далеко не тот, но замашки-то сохранились). Журналисты вопросы свои задают и мне, и ему: «Почему бы вам не встретиться в эфире, на телевидении?» — допытываются. Начальник долго, как мог, уворачивался, но, в конце концов, нас в радиоэфире свели. Я, как видишь, свободно материалом владею, то есть подготовили меня хорошо...

— Англичане поднатаскали...

— (Смеется.) Ага, ключиком завели... Я, короче, называю ему номера дивизий, привожу документы, факты, а этот биг босс видит, что со мной тут тягаться не может, и тогда говорит мне, что я предатель. Аргумент в споре! «Что же вы, гражданин начальник, для развала СССР сделали?» — прямо спросил я. Ух как его понесло! «Да я... Да мы... Да честь офицерская!..» — куда там! Я: «Все понял, а для спасения Советского Союза что лично предприняли?». Он стушевался, смолк...

Обычно я человек сдержанный, но тут не стерпел: «Ты тюльпан в проруби!». Ни туда, понимаешь ли, ни сюда, ни для развала пальцем не пошевелил, ни для спасения — ну,

наболело, достал он меня! Вся Болгария это слышала, до Москвы тоже дошло, и 18 октября 1996 года начальник Генерального штаба генерал армии Михаил Петрович Колесников указом президента России №1460 громыхнул со своего поста. В Софию летел старшим братом, а возвращался... Я, как видишь, к этому руку свою приложил...

— ...и сердце...

— Наверное, но специально так не хотел — сам наврался.

Когда от кого-то слышу: «Предатель», я отвечаю: «Хорошо, ребята, а вы верность Советскому Союзу храните? В пионерских отрядах вам громко кричали: “К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!”»...

— ...и вы салютовали: «Всегда готов!»...

— Да-да... Клялись? И что же, и как же?

— Неужели будущего у России все-таки нет?

— На данный момент — абсолютно. С точки зрения...

—...здравого смысла?

— Да всего — беспросветно! Мало того, Россию сейчас ждет серия техногенных катастроф, и вот почему. Если у тебя дома, допустим, с электричеством неполадки, что-то искрит, ты должен вызвать электрика, иначе будут проблемы. Если где-то канализация прохудилась и запах пошел, следует немедленно сообщить в ЖЭК и дожидаться сантехника. Крыша потекла? Если не перекрыть, сгниет... В России, начиная со времен перестройки, никто в это средств не вкладывал: мосты, железные дороги...

— ГЭС, ГРЭС...

— ...все пущено на самотек. Нужны, предположим, отвертки для атомных электростанций, а их кто-то куда-то налево пускает, то есть эта инфраструктура уже на грани...

— ...полной изношенности?

— Да, и авария на Саяно-Шушенской ГЭС — первый звоночек, а на борьбу с техногенными катастрофами (тем более — на профилактику) денег нет — разворачиваются исправно.

«Я первый украинец, который вступил в НАТО и в Европейский союз»

— Не могу обойти стороной несколько очень важных моментов. После вашего с Татьяной побега во время обыска в квартире родителей твоей жены в Запорожье были найдены символы украинской государственности: значки с трезубом и флажки сине-желтые, а года полтора назад ты сказал: «Перед Романом Шухевичем снимаю шляпу» — и приветствовал присвоение ему звания Героя Украины посмертно. Значит ли это, что в душе ты украинский националист?

— Понимаешь, об этой части истории нам крайне мало известно, и судить, что было да как, невероятно трудно. К нам информация поступала всегда от врагов ООН-УПА, а не от друзей, но сталинский режим был сатанинским, и перед теми, кто против него воевал, я действительно снимаю со своей лысой головы шляпу. О какой вообще объективности речь, если повсюду у вас памятники Ленину, который Украину продал, просто сдал кайзеру? Не удивительно, что человеку, который против советской власти восстал, могут много чего приписать — как мне приписывают. На мой взгляд, Шухевич заслуживает уважения, поэтому хотите считать, что я украинский националист, — пожалуйста, но если бы кто-нибудь бросил вызов этому режиму под каким-то другим флагом, присоединился бы и к нему. Нет, на самом деле жовто-блакитного флага у меня тогда не было — это уже потом надо мной распростерся «Юнион Джек».

— Это правда, что Берия с Жуковым подготовили указ о выселении украинцев, но Сталин их вовремя отстоял?

— Такой документ я встречал, однако комментировать его не могу: на этот счет есть различные мнения. Я не историк, но все-таки бывший разведчик (хотя быв-

ших, говорят, не бывает), и с моей точки зрения, появление каждого документа, особенно такого спорного, требует объективной проверки. У нас это называлось «колоть тумбочку» — то есть выяснить, из какой эта бумага заначки, а значит, нужно историю ее проследить...

—...цепочку...

— ...да, и пока возможности такой не имею, сказать, было это или же нет, не берусь. Впрочем, исходя из чисто нашей, шпионско-разведывательной, логики, это вполне реально. Если крымских татар можно погрузить в товарные вагоны и вывезти в Казахстан, то почему украинцев нельзя? Есть же свидетельство Хрущева, который на съезде где-то признался, что Сталин не сделал этого только лишь потому, что их (то бишь украинцев) слишком много. В интернете посмотри — это высказывание найдешь, и логика тут и вправду присутствует.

— *«Я, — пишешь ты, — спрашиваю у Генпрокурора Украины: нем перед Родиной провинился? Я вышел из состава СССР Украина пошла за мной...»*

— ...правильно...

— *«...так в нем же моя вина? Я блудный сын Украины, и хотя своим она меня признавать не желает, я терпеливый. Когда-нибудь Украина войдет и в НАТО, и в семью европейских народов — рано или поздно пойдет по пути, по которому прошел предатель Резун. Можете смеяться, но я первый украинец, который вступил в НАТО и в Европейский союз»...*

— ...а разве не так?

— *У меня в связи с этим вопрос: ты хонешь вернуться домой, в Украину?*

— Ну а как же?

— *То есть сегодня, если Президент или Верховная Рада определяют, что Владимир Резун не является по отношению к Украине предателем и наша страна не преследует якобы предавших Советский Союз людей, ты возвратишься...*

— ...конечно...

— ...и будешь в Черкассах или в Черкасской области жить?

— Наверное, нет, потому что это создаст для Украины большие проблемы, станет вызовом (да еще и каким!) России, но я мечтаю приехать на могилу отца. У Тани моей есть брат, а у него семья, дочка — девочке скоро восемнадцать лет исполняется, и я поздравляю ее, желаю ей счастья. Да, наши корни там, но я не хотел бы, чтобы за мной дома охотились или чтобы Украина меня охраняла.

— Виктор, это интервью прочитает множество людей, от которых зависит принятие решений: народные депутаты, возможно, и Президент. Что бы ты хотел им сказать и о чем попросить?

— Я ни о чем никого не прошу. Если Украина считает, что я свой, — прекрасно, нет — ну что поделаешь? Мой выбор сделан: я спасаю честь своего народа — как украинского, так и русского, потому что мать у меня русская, а отец украинец. Меня иногда спрашивают: ты русский или украинец? — но это все равно, что допытываться: ты кого любишь больше — отца или мать? Если Украина признает своим, буду, соответственно, украинцем: я и к официальному Киеву пару раз обращался, даже с послом беседовал...

Однажды я написал Генеральному прокурору Болгарии (тогда этот пост занимал господин Иван Татарчев) и прямо спросил: перед Болгарией я виноват или нет? Он немедленно мой телефон отыскал и позвонил: «Жену свою под мышку бери — я вас в аэропорту прямо встречу» (это октябрь девяносто шестого года был). Прилетаем в Софию, Татарчев меня спутнику представляет: «Знакомься!» — «А это кто?» — «Главный военный прокурор Болгарии генерал-майор юстиции Николай Колев». — «Здрасьте-здрасьте!». Повезли меня в город, охрану приставили: помню, ее начальником был Цве-

тан Цветанов — здоровый такой мужик. Я: «Ничего мне не надо». — «Нет-нет, ты наш гость. Болгария признает: в том, что мы сейчас без большого брата живем, и твоя есть заслуга, поэтому ты наш брат!». Заходим в ресторан, открывается дверь, а там ансамбль болгарской армии... Как грянул: «Три танкиста, три веселых друга...»

— *«...экипаж машины боевой»...*

— Садимся с женой (*«Таня, так дело было?» — окликает супругу. «Так!» — отвечает она.*), отдыхаем... И Эстония, и Литва, и Латвия принимали меня очень тепло — могу показать высшие государственные награды...

— *Высшие?*

— Да, причем никого ни о чем не просил, не писал обращений, но меня туда приглашали и награждали. Не называю, заметь, кто и как, — не хочу, чтобы в Москве скрежетали зубами: ах, дескать...

— *...сволочи!..*

— Ну, что-то типа того, но там нас встречали на самом высоком государственном уровне. «Если хотя бы сто человек в России сделали для нашей независимости столько же, сколько и ты, — говорили, — мы бы давным-давно жили как люди».

— *Виктор, а что, на твой взгляд, ждет Украину?*

— У нее — нисколько в этом не сомневаюсь! — великое будущее, и место ее в первой десятке государств — рядом с Великобританией, Францией, Германией, Италией... Вместе с тем в политике я ничего не предсказываю, потому что вы нынче, как на распутье витязь: направо пойдешь — пьяному тебе быть, налево — голову потеряешь. Украина должна наконец на что-то решиться, поскольку два десятилетия раскачки — это уже чересчур.

— *Непозволительно долго!*

— Не сочти за высокопарность, но это может быть действительно великое государство, однако, если Украина не найдет сейчас свой путь во мраке, другого шанса не будет.

«Теперь я со Сталиным в сердце»

— На вопрос одного западного издания: «Как вам живется здесь, в Англии?» — ты недавно ответил: «А я в России живу — я из нее и не уходил. Просто по какой-то непонятной причине каждое утро просыпаюсь в Великобритании и удивленно оглядываюсь: куда это меня занесло? — а ночевать возвращаюсь домой. В Чертаново, на улицу Азовскую. В Серебряный Бор, на набережную Новикова-Прибоя. В Приволжский военный округ. В Киевский. В Прикарпатский. В 66-ю гвардейскую учебную Полтавскую Краснознаменную мотострелковую дивизию. В 24-ю Железную Самаро-Ульяновскую трижды Краснознаменную»... Как ты, заочно приговоренный к смертной казни, чувствуешь себя в Великобритании?

— Чудесно, просто великолепно, и прежде всего потому, что (это я повторяю всегда и везде!) жена — истинная находка для шпиона (*Смеется.*). Мне повезло: у нас к выбору спутницы относились очень серьезно — не как в КГБ: женишься один раз и навсегда. Все эти годы мой тыл был надежно прикрыт, и жалею только о том, что не видел, как выросли дети, потому что вечно писал, писал, писал... Работал, как вол, и все лежало на ней, на Танюшке.

Тут, в Англии, в школу детей нужно на машине возить... Таня меня уже и не просила об этом, потому что в ответ слышала, что я занят, что сделать нужно еще и это, и то, но однажды даже у изменника Родины совесть проснулась. «Ну, сегодня, — пообещал, — детей, наконец, сам повезу», но она улыбнулась: «Не надо». — «Почему?» — удивился я, и любимая жена рассмеялась: «Они уже университет оба закончили».

Я сожалею о том, что мимо меня проскочило детство моих ребят, поэтому сейчас наша любовь выплескивается на внуков — они у нас замечательные, просто хаврошечки.

— *«Я веду, — пишешь ты, — достаточно замкнутый образ жизни, я по натуре отшельник». Чем занимаешься в свободное от писательского труда время?*

— А у меня его нет... *(Пауза.)* Ну, чем занимаюсь? Ухожу в лес, — Таня не даст мне соврать! — брожу долго-долго один. Пока иду, ругаюсь вслух со своими врагами, отвечаю многочисленным оппонентам, ведь что меня действительно мучит, так это невозможность ответить на письма. Понимаешь, их слишком много, и это устаревший уже материал. Недавно один научно-исследовательский институт (украинский, кстати!) в Канаде обратился ко мне с предложением передать мой архив. Все уже подготовлено и вскоре уйдет к ним, но я чувствую себя виноватым перед людьми, которые писали мне в девяносто третьем, в девяносто четвертом годах. Эти фронтовики, может, уже умерли, так и не получив ответа, но осилить такой труд я не мог и поэтому *(Делает вид, что затягивает на шее удавку.)...*

— *Из моего собственного досье на Виктора Суворова: «Любит спорт, в частности бег на дальние дистанции. Мечтает пройти лондонский марафон в противогазе с полной выкладкой — с автоматом, боекомплект, лопатой и, разумеется...»*

— *(Вместе.)* «...в сапогах».

— *Эта мечта осуществима или..?*

— Мечтать полезно всегда, но несколько лет назад у меня приключилась очень тяжелая вещь с сердцем. Долго искали, что же во мне не так, и какой-то старикашка (пожилой, так скажем, профессор), найдя причину, постановил: операцию нужно делать. «Мы тут разрежем и поставим тебе машинку железную — она сделана в Америке, будет работать на батарейках». Элементы питания через пять лет менять надо, так что мне скоро опять под нож.

Перед тем как я на операционный лег стол, доктор — он уже был в перчатках! — заметил: «Я должен это тебе показать». Смотрю, а штукавина, которую мне вшивать

собрались, называется «ИС-2». «Хм, а вы знаете, что такое “ИС-2”? — спрашиваю. — Это самый мощный танк Второй мировой войны — “Иосиф Сталин”». Видишь, теперь я со Сталиным в сердце (*Смеется.*), поэтому по-прежнему хочу пробежать лондонский марафон с полной выкладкой. От этого совсем не отказываюсь, но малость отодвигаю...

— ...до лучших времен. Виктор, я знаю, что ты собираешь русские и советские боевые ордена...

— ...это правда.

— Много их у тебя?

— Коллекция хорошая, но ею не принято хвастаться, а самые дорогие награды — отцовские.

— Они здесь, с тобой?

— Некоторые.

— Можешь их показать?

— А почему нет? У него было четыре ордена, но наиболее ценные для меня — две солдатские медали «За боевые заслуги». Вот здесь, посмотри: «За оборону Киева» и «За оборону Москвы» — о чем это говорит? Оборона Киева началась 10 июля сорок первого года — значит, он воевал...

— ...с первого дня...

— 140-я дивизия 36-го стрелкового корпуса (у меня есть комплект документов) в составе действующей армии с 22 июня, то есть в первом эшелоне была. В первое сражение мой отец вступил 23 июня и прошел через всю войну. Медаль «За оборону Киева» дорога мне еще и потому, что Богдан Васильевич Резун награжден ею 21 июня шестьдесят первого года (отмечали как раз двадцатилетие обороны!), а вручена она ему 18 июня семидесятого. Девять лет эта награда его искала...

— ...и все-таки героя нашла...

— Она очень скромная, — это не звезда Героя Советского Союза! — но для меня, безусловно, важна (потом еще он «За победу над Германией» получил). В этих медалях — вся война, а вот еще, погляди, «За победу над Япо-

нией»... Отца же отправили на Дальний Восток, и он против Японии воевал. Там его еще на двенадцать лет задержали, и в тех краях меня угораздило появиться на свет.

— Ты, насколько известно, собираешь также стрелковое оружие — коллекция у тебя большая?

— Не большая, но необыкновенная: винтовка Мосина, например, есть, а это, скажу тебе, великое дело. Она тридцать восьмого года, сделана на Ижевском заводе, но без винтов, то есть с гладким стволом. Купил я ее в Испании: мы с Танечкой ходили там по горам, по долам и как-то забрели в далекую горную деревушку. «Ну, — думаю, — мужики-то хозяйственные: вот бы винтовочку какую-нибудь сообразить». — «Нет, — говорят, — не держим».

— Что это за мужики пошли? Винтовки не держат...

— Советский Союз между тем поставлял туда танки и стрелковое оружие — конечно же, кое-что испанцы в горах припрятали. Приносят, короче, мне «винтер», а я сразу, не глядя: «Это же не винтовка — она гладкоствольная». Они: «Да ты че?». Я плечами пожал: «Ну, открывайте».

Смотрят — и вправду нарезов нет, а дело тут вот в чем. В середине тридцатых СССР шлет в Испанию вооружение, а начальник разведывательного управления Красной Армии Берзин был там главным военным советником и туда-сюда циркулировал. Возвращается он в Москву и докладывает: «Товарищ Сталин, оружие мы отправляем в Испанию очень хорошее, но без толку: республиканцы войну все равно продуют, а раз так — зачем же нам вкладываться?». Иосиф Виссарионович трубочкой пыхнул: «Ну, в танках кое-что упростить можно, в самолетах тоже, а в винтовке-то что?».

Берзин нашелся: «Самая деликатная у оружейников операция — в длинном стволе делать нарезы. Остальное все просто, а вот это... А что, если мы будем гнать туда просто гладкие стволы? Что поставили, то поставили, а дальше винтовочки в партиях уже не нарезные

пойдут». Сталин засомневался: «Республиканцы потерпят крах, а потом скажут: “Это, русские, из-за вас, из-за вашего плохого оружия”». Берзин Иосифа Виссарионовича успокоил: «Да они и не сообразят, потому что не чистят его никогда».

Эту историю я знал из ГРУ, и на понт в испанской деревне сказал: «Ребята, винтовка же ненарезная». Поднимаю — и вправду она без нарезов. Цену я сбил, потому что бурчать стал: «Ну что вы мне тут...»

— «...брак подсовываете»...

— Они: «Ох-ох-ох!» — им и невдомек, что винтовка Мосина с гладким стволом, которая винтовкой и не является, стоит во много раз дороже обычной. Теперь она на стеночке у меня висит — я бы тебе показал, но в поезде везти не с руки.

***«Таня убеждена, что бывший разведчик
(а бывших, как мы уже заметили, не бывает)
права на контакт с прессой не имеет»***

— *Мы уже на финишную прямую выходим... С высоты прожитых лет ты не жалеешь о принятом в семьдесят восьмом году решении уйти к англичанам?*

— Ни в коем случае, и даже не дослушав твой вопрос до конца, отвечаю: ни в коем случае, никогда! Ну, кем бы я был в Советском Союзе? Полковником и сейчас сидел бы на пенсии, а «Иосифа Сталина» в сердце никто не поставил бы... Видишь ли, я совершил нечто такое, чего никто до меня не совершал. Может, кто-то другой тоже созрел бы, но я себя еще и реализовал, поэтому у достаточного числа тех, кто критикуют, стараются всячески оболгать и льют на меня грязь и помои, срабатывает еще и элементарная авторская зависть.

Это нормальная ревность мужская: оно ж вот лежало... Один человек, хороший ученый, признался мне, что

просто завидует: «Как же я, профессиональный историк, мимо всего этого прошел? Оно ведь каждый день под каблуками хрустело».

— *Задумывался ли ты когда-нибудь о том, как сложилась бы твоя судьба, если бы остался в рядах ГРУ СССР?*

— Задумывался, и нередко, — это мне часто снится. Как бы сложилась? Неудовлетворенность вылилась бы в какую-то злость... Когда сразу после училища меня направили в учебную дивизию, я встречал там здоровых верзил. Из таких никогда хороших командиров не получается, а мои солдатики из 145-го полка 66-й дивизии, пожалуй, до сих пор вспоминают меня и высоту 333,8 под Черновцами, куда их гонял, потому что бонапартовского вообще-то склада. Был бы, короче, рьяным воякой и ненависть к системе вымещал бы...

— *...на людях?*

— Да нет, на службе.

— *В результате считаешь ли ты себя победителем?*

— Однозначно, и попробуй прикинуть, сколько книг обо мне написано — обо мне!

— *Тома...*

— Десятки томов! Думаю: про Гитлера столько-то, про Сталина... — и я там же. Недавно один из моих высокопоставленных врагов генерал армии Махмут Ахметович Гареев...

— *...известный военный историк...*

— ...а ранее заместитель начальника Генерального штаба по научной работе возмущался в «Красной звезде»: «Вхожу на Арбате в магазин “Военная книга” и что же там вижу? На полках Манштейн и Резун» (*Смеется*). Я улыбаюсь: «Во куда занесло!». Манштейн, генерал-фельдмаршал, и я, Витя Суворов...

— *Вынесенный приговор — высшую меру! — никто не отменял, но ты открыто путешествуешь по миру,*

встречаешься с читателями и сюда вот, в Лондон, из Бристоля приехал с женой без охраны...

— Ну кто это знает? Они ж невидимки...

— *Когда ты понял, что российские спецслужбы оставили тебя в покое?*

— Ух! ГРУ отступился, когда распался Советский Союз и вдруг в одночасье все рухнуло. Сразу же появилось несколько публикаций: выступили начальник ГРУ Евгений Тимохин, его первый заместитель генерал-полковник Павлов (чья подпись в моем дипломе стоит) и мой резидент в Женеве Валерий Петрович Калинин, — и все они писали обо мне только хорошее. Это было так странно, что бывшие начальники отзывались обо мне с пиететом... Ну как — служил добросовестно, замечаний не было, но предатель...

— *Цитирую снова «предателя»: «“Мочить” меня спецслужбам невыгодно — за идеи в России сейчас не убивают». Смертный приговор по отношению к тебе остается еще в силе? Могут его привести в исполнение или уже нет?*

— Какое-то время я думал, что худшее позади, но когда Саша Литвиненко из госпиталя позвонил, мнение свое изменил. А почему бы и нет?

— *Жена Татьяна, как ты уже сказал, разведчица, но до сих пор ни одного интервью не дала...*

— ...ни одного!..

— *...и считает, что и тебе тоже нужно помалкивать...*

— Да, сидит она рядом со мной и считает...

— *Ты, выходит, ее не слушаешь?*

— Расхождения у нас только в этом, а в остальном все нормально. Таня убеждена, что бывший разведчик (а бывших, как мы уже заметили, не бывает) права на контакт с прессой не имеет. «Пиши книги свои, — говорит, — я тебе помогу». И помогает...

**«Партбилет на имя Виктора Суворова
я купил за один фунт»**

— *Это правда, что ваши с Татьяной дети несколько раз посетили Украину под чужими фамилиями?*

— Я этот вопрос не обсуждаю: не знаю, не помню, но чувство Родины им присуще. То, что они любят эту страну, сомнению не подлежит, и если возможности побывать в Украине нет, ничто не мешает им хотя бы на границу приехать, чтобы через пограничные столбы на нее посмотреть... Это они делали — я подтверждаю.

— *Родственники твои до сих пор в Украине живут?*

— Да, в Черкассах...

— *Мама Вера Спиридоновна и старший брат Александр — офицер-ракетчик...*

— Сейчас он полковник.

— *Они здесь гостили?*

— Брат — нет, потому что нельзя (впрочем, он и не пробовал), а мои и Татьяны родители — да: сначала одни, потом другие, затем еще раз, еще...

— ***Какой, интересно, выдалась первая встреча? Лились слезы, крики радости были — что?***

— Я уж не помню...

— *Ну хорошо: вот ты обнял маму и что почувствовал?*

— Я, я, я... Нет, лучше давай о другом... Все было...

— *Кажется, в папке, из которой ты достаешь один за другим раритеты, еще кое-что осталось. Что, если не секрет?*

— Вот орденская книжка моего отца Богдана Васильевича... *(Зачитывает.)* Медаль «За боевые заслуги», ордена Отечественной войны, Красной Звезды, еще Красной Звезды — это все сорок второй год... А вот вещица забавная. Иду я как-то по Лондону и вдруг вижу — за один фунт продается билет... члена КПСС.

— *Как символично!*

— Что ты — моим детям уже не расскажешь, какая это была ценность и что значили эти слова: «Партбилет положишь!»). Современному поколению этого не понять, это как в том анекдоте про Чернобыль, когда инженера отправляют туда и говорят: «Если в разрушенный энергоблок не полезешь, положишь партийный билет». Тот всю ночь мается и спрашивает наутро: «А где мне его взять — я ж беспартийный?». Так вот, покупаю я за один фунт эту книжицу, открываю и в глаза сразу бросается, на чье имя она выписана. Читай!

— *Суворов Віктор Степанович. Виданий Шевченківським райкомом Компартії України міста Львова...*

— Это не я — однофамилец, но где еще можно было увидеть партбилет Виктора Суворова? Виктору Степановичу, если он жив, пламенный привет!

— *1950 року народження. Все взносы, я свидетельствую, уплачены — до девяносто первого, небось, года...*

— До февраля девяностого Виктор Степанович дотянул, а потом, видно, рукой махнул: «Да ну вас!»...

— *Сломался...*

— Хочу, кстати, сказать пару слов о партийных билетах и о предательстве. Восемнадцать миллионов человек в рядах КПСС состояли, и вдруг сперва партийный секретарь, потом секретарь обкома и уж затем член Политбюро ЦК подписывают указ о ее запрещении. На это, кстати, не я, а один умный мужик внимание обратил. «Восемнадцать миллионов коммунистов, — заметил, — было: хоть один пошел на защиту своего райкома, хоть один вынес на своей груди Красное знамя?». И после этого я предатель? Ладно, идем дальше...

Ты вспоминал про обыск, проведенный в квартире родителей жены в Запорожье, и «улика», якобы обнаруженных в карманах моего костюма. Вот копия, но у меня где-то и подлинник расписки лежит о том, что управлением КГБ по Запорожской области (телефон такой-то)

изъяты жовто-блакитні значки: с гербом, на котором изображены бык и копьё, на ленточке, в виде кленового листа и с какой-то эмблемой — все это, разумеется, на избличающем меня националистическом фоне. Некий Геннадий Константинович, который ее составил, сейчас получает, поди, от Украины пенсию за то, что с национальной символикой когда-то боролся, но не мое это все было — подбросили. Что бы я был за разведчик, если бы такие вещи хранил?

— *Что здесь еще в папке?*

— Оттого, что ты все-таки из Киева, покажу мой диплом, выданный после окончания Киевского высшего общевоинского командного дважды Краснознаменного училища имени Фрунзе.

— *Шестьдесят восьмой год, с отличием...*

— Ну, конечно, а вот лист оценок.

— *Все — «отлично», а что это за погоны?*

— Они из Калининского суворовского военного училища, которое в шестьдесят пятом году окончил. Им скоро будет полвека — таких уже ни в каких музеях не сыщешь.

...Украинского языка я не помню, но это не вина моя, а беда. Родился я в русско-украинской семье, но в гарнизоне на Дальнем Востоке. Отец мой всю жизнь «гэкал», и я тоже — уже потом отучили, а Татьяна у меня полтавская, из Карловки, и некоторые здесь говорят: «У вас такой красивый акцент — наверное, вы шведка». На это я всегда отвечаю: «Да, шведка из-под Полтавы».

Увы, на языке предков не говорю, но если когда-нибудь в Украину вернусь, освою его очень быстро. Желая моей Родине и всем ее гражданам светлого будущего, в которое я свято верю. Счастья вам и добра!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывок из романа Виктора Суворова «Аквариум»

Глава XII

1

Вербовка — сложное дело. Как охота на соболя. В глаз нужно бить, чтобы шкуру не испортить. Но настоящий охотник не считает трудностью попасть в соболиный глаз. Найти соболя в тайге — вот трудность.

ГРУ ищет людей, которые обладают тайнами. Таких людей немало. Но советник президента, ракетный конструктор, штабной генерал отделены от нас охраной, заборами, сторожевыми собаками, тайными привилегиями и огромными получками. Для ГРУ нужны носители секретов, которые живут одиноко, без телохранителей, нужны носители государственных секретов, которые не имеют радужных перспектив и огромных получек. Нам нужны носители секретов, которым нужны деньги. Как найти таких людей? Как выделить их из сотен миллионов других, которые не имеют доступа к секретам? Не знаете? А я знаю. Теперь я знаю. У меня блестящая идея.

Но вот беда: к Навигатору на прием попасть невозможно. Уже много дней он сидит в своем кабинете, как в заключении, и никого не принимает. Младший лидер — злее пса. К нему подходить опасно — укусит. Младший лидер тоже почти все время в командирском кабинете

проводит. А кроме них там Петр Егорович Дунаец сидит. Официально он — вице-консул. Неофициально — полковник ГРУ, заместитель Навигатора. Теперь к этой компании присоединился еще и контр-адмирал Бондарь — заместитель начальника 1-го Управления ГРУ. Он в Вену прилетел как член какой-то делегации, не военной, а гражданской, конечно. В делегации его никогда не видели. У него более серьезные заботы.

Вся компания — генерал, адмирал и два полковника очень редко из командирского кабинета появляются, как стахановцы, в Забое сидят. Мировой рекорд добычи поставить решили?

Женя, пятый шифровальщик, носит им в кабинет и завтрак, и обед, и ужин. А потом подносы оттуда выносит. Все холодное, все нетронутое. А еще Женя оттуда выносит груды кофейных чашек и пирамиды окурков. Что там происходит, Женя, конечно, не знает. Все командирские шифровки обрабатывает только Александр Иванович — первый шифровальщик. Но у него рожа всегда каменная. Без эмоций.

Наверняка то, чем занимаются четверо в кабинете, именуется научным термином «локализация провала». Знать, крупный провал, глубокий. И нужно рубить нити, которые могут нащупать следователи. И потому в командирский кабинет вызывают по одному самых опытных варягов резидентуры, и после короткого инструктажа они исчезают на несколько дней. Что они делают, я не знаю.

Мне этого не положено знать. Ясно, что нити рубят. А как рубят? Можно только догадаться. Дают агентам деньги и паспорта: уходи в Чили, уходи в Парагвай, денег на всю жизнь хватит. Это не всем, конечно, такая удача. Речь о безопасности ГРУ идет. Речь идет о том, останется ли могущественная организация, как всегда, в тени, или о ней начнут болтать все бульварные газеты, как о КГБ или СИА. Для ГРУ очень важно вновь увер-

нуться в тень. Ставки в игре небывалые. И поэтому ГРУ рубит нити и другими способами. Кто-то сейчас с диким воплем под поезд падает в награду за долголетнюю верную службу. Каждому свое. Кто-то при купании утонул. Со всяким это может случиться. Но чаще всего автомобильные катастрофы происходят. ГРУ, как анаконда, никогда не убивает ради любви к убийству. ГРУ убивает только при крайней нужде. Но убивает неотвратимо и чисто. Нервная это работа. Вот почему к Младшему лидеру сейчас лучше не подходить. Укусит.

2

— Ты, Витя, на доброте своей сгоришь. Нельзя быть таким добрым. Человек имеет право быть добрым до определенного предела. А дальше: или всех грызи, или лежи в грязи. Дарвин это правило научно обосновал. Выживает сильнейший. Говорят, его теория только для животного мира подходит. Правильно говорят. Да только ведь и мы все животные. Чем мы от них отличаемся? Мало чем. У остальных животных нет венерических болезней, а у людей есть. Что еще? Только улыбка. Человек улыбаться умеет. Но от ваших улыбок мир не становится добрее. Жизнь — выживание. А выживание — это борьба, борьба за место под солнцем. Не расслабляйся, Витя, и не будь добрым — затопчут...

Давно за полночь. С берега Дуная тянет прохладой. Где-то далеко садится самолет. Дождь прошел. Но с каштанов еще падают тяжелые теплые капли. Младший лидер сидит напротив меня, горестно подперев щеку кулаком. Вообще-то он уже не Младший лидер. Это просто по привычке мы его так называем, да и то не все. Теперь он просто полковник ГРУ Мороз Николай Тарасович. Добывающий офицер, действующий под дипломатическим прикрытием. Это не много. Полковник ГРУ это тоже не очень высоко. Полковники всякие в ГРУ бывают. Важно

не звание, а успехи и положение. Добывающий полковник может быть просто борзым, как два военных атташе, которых эвакуировали одного за другим. Он может быть гордым и успешным варягом. Полковник может быть заместителем лидера или Младшим лидером. А в некоторых случаях и лидером небольшой дипломатической или нелегальной резидентуры.

Сейчас полковник Николай Тарасович Мороз сведен с предпоследнего этажа на самый низ. Локализация провала завершена. Младшего лидера сместили. Трех борзых, что его всегда обеспечивали, эвакуировали в Москву. И все затихло. Со стороны изменений ведь не увидишь.

Кончилась власть полковника Мороза. На его место пока никого не прислали. Так что Навигатор правит нами лично и через заместителей. Нелегко ему без первого заместителя, но, откровенно говоря, и Навигатор не очень сейчас старается. Все как-то само собой идет.

Падение Младшего лидера каждый по-своему переносит. Каждый по-своему реагирует. Для офицеров «ТС», радиоконтроля, фотодешифровки, для охраны, для операторов систем защиты, связистов, шифровальщиков и всех остальных, не участвующих в добывании, он так и остался полубогом. Ведь он же по-прежнему добывающий офицер! Но среди нас, добывающих, к нему теперь по-разному относятся. Конечно, капитаны, майоры и подполковники не хамят ему. Он равен нам по положению, но тем не менее полковник. Но вот среди полковников, особенно малоуспешных, кое-кто и посмеивается. Интересно мы устроены: те, кто больше других к нему в дружбу лез, те больше других сейчас над ним потешаются. Друзья в беде познаются. Николай Тарасович на шутки не обижается. Не огрызается. Пьет Николай Тарасович. Здорово пьет. Навигатор внимания не обращает. Пусть пьет. Горе у человека. Сдается мне, что и сам Навигатор поддает. Боря, третий шифровальщик, го-

ворит, что Навигатор с зеркалом пьет, закрывшись в кабинете. Без зеркала пить не хочет, считает, что пьянство в одиночку — серьезный вид пьянства. Не знаю, шутит Боря или правду говорит, но только месяца три назад не осмелился бы Боря ни шутить так, ни личные командирские тайны выдавать. Видать, ослабла рука Навигатора, нашего папочки, нашего командира. Ослабла рука Лукавого. Возможно, что Навигатор с бывшим Младшим лидером иногда и вдвоем напиваются. Но Лукавый умудряется это в секрете сохранить, а Николай Тарасович не прячется.

Сегодня вечером под проливным дождем бегу я к своей машине, а он, бедолага, мокрый весь, ключом в дверь своего длинного «ситроена» попасть не может.

— Николай Тарасович, садитесь ко мне, я вас домой отвезу!

— Как же я, Витя, тогда утром в посольство вернусь?

— А я за вами утром заскочу.

Поехали.

— Вить, айда выпьем?

Как не выпить? Отвез я его за Дунай. У меня тут места есть, мало каким разведчикам известные. Да и цены умеренные. Пьем.

— Добрый ты, Витя. Нельзя так. Ты человека из беды выручаешь, а он тебя и сожрет. Говорят, что люди — звери. Я с этим, Витя, ну никак согласиться не могу. Люди хуже зверей. Люди жестоки, как голуби.

— Николай Тарасович, все еще на свои места встанет, не расстраивайтесь. Навигатор вас за брата считает, он вас поддержит. Да и в Аквариуме у вас связи могучие, и в нашем управлении, и на КП, и в информации...

— Это все, Витя, правильно... Да только... ш-ш-ш, секрет... Провал у меня... Жестокий... В Центральном Комитете разбирали... Тут связи в Аквариуме не помогут. Ты думаешь, почему я не в Союзе? Потому как странно будет: в одной стране процесс шпионский, а из сосед-

ней — дипломаты советские исчезают... Проныры-журналисты мигом параллель проведут... А для политики разрядки это вроде как серпом по глотке. Это вроде признания нашей вины и заметания следов. Временно я в Вене. Немного уляжется, забудется, тогда и меня уберут. Эвакуируют.

— А если вы успеете особо важного вербануть?

Он на меня грустным взглядом смотрит. Мне немного за свои слова неудобно. Мы оба знаем, что чудес не бывает. Но что-то в моей речи нравится ему, и он грустно улыбается мне.

— Вот что, Суворов, я сегодня слишком много болтаю, хотя права у меня нет такого. Болтаю я, потому как пьян, а еще потому, что среди многих известных мне людей ты, наверное, меньше всех подлостью заражен. Слушай, Суворов, и запоминай. Сейчас в нашей своре полное расслабление с полудремотой, как после полового сношения. Это потому, что Навигатору по шее дали — еле удержался, да меня сбросили, да транзит нелегалов временно через Австрию прекращен, да поток добытой документации сейчас по другим каналам в Аквариум идет. И многим кажется, что делать ничего не надо. Все разленились, распустились без тяжелой руки папашки. Это ненадолго. Наша свора потеряла ценнейший источник информации, и Центральный Комитет скоро об этом напомнит. Лукавый на дыбы взовьется. С каждого спросит. Лукавый любого в бараний рог скрутить может. Он обязательно себе жертву выберет и на алтарь советской военной разведки положит. Чтоб никому не повадно было расслабляться. Будь, Виктор, начеку. Скоро Лукавому шифровку от Кира принесут. Лукавый страшен во гневе. Многим карьеры переломает. И правильно. Какого черта напоминаний ждете, как бараны в стаде? Виктор, работай сейчас. Завтра, может быть, уже поздно будет. Послушайся моего совета...

— Николай Тарасович, у меня идея есть неплохая, но я уже давно к Навигатору на прием попасть не могу. Может, завтра еще раз попробовать?

— Не советую, Витя. Не советую. Подожди. Скоро он всех по одному на львиную шкуру на великий суд вызывать будет, тогда и скажешь ему свою идею. Только мне ее не говори. Я ведь никто сейчас. Не имеешь права ты мне свои идеи говорить. А еще, я ведь и украсть твою идею могу. Мне идеи сейчас позарез нужны. Не боишься?

— Не боюсь.

— Зря, Суворов, не боишься. Я такая же скотина, как и все остальные. А может быть, и хуже. Пойдем по бл..., по лебедям?

— Поздно, Николай Тарасович.

— Самое время. Я тебе таких девочек покажу! Не бойся, пошли.

Вообще-то я не против на девочек посмотреть. И не боюсь я его. Он хоть и считает себя зверем, и хотя рука его к убийству вполне привычна, он все же человек. Редкое исключение среди тысяч двуногих зверей, встречавшихся на моем пути. Я — зверь в большей степени, чем он. И инстинкт размножения во мне не слабее инстинкта самосохранения. Но он пьян, и с ним можно нарваться. А за этим следует эвакуация.

— Поздно уже.

Он понимает, что я не прочь на девочек посмотреть и в их обществе немного расслабиться, но сегодня не пойду. И он не возражает.

3

Люди делятся на капиталистов и социалистов. И тем и другим деньги нужны. Это их объединяет. А разъединяет их метод, которым они деньги добывают. Если капиталисту нужны деньги — он упорно работает. Если со-

циалисту нужны деньги — он бросает работу, да еще и других подстрекает делать то же самое.

У капиталистов и социалистов все ясно и логично. А я отношусь черт знает к какой категории. В нашем обществе все наоборот. Всем тоже деньги нужны. Но о деньгах неприлично говорить и преступно их делать. Не общество, а непонятно что. Если было бы у нас нормальное общество, я всенепременно стал бы социалистом. Я бы бастовал постоянно и на этом сколотил огромный капитал.

Мне хочется сейчас думать о чем угодно, о капиталистах и социалистах, о светлом будущем планеты, когда все станут социалистами, когда все будут помнить только свои права, но не свои обязанности. И вообще мне сейчас хочется думать обо всем, кроме того, что ждет меня через несколько минут за бронированной дверью командирского кабинета.

Сви́реп Лукавый во гневе. Страшен он, особенно когда от Кира шифровку получит. Шифровку «из инстанции» Александр Иванович, первый шифровальщик, по приказу Лукавого всей своре зачитал. Суровая шифровка.

А после нее потянулись полковники по одному на львиную шкуру. Пред ясные очи. А за полковниками — подполковники. Быстро Лукавый резолюции выносит, точно как батько Махно приговоры. Скоро уже моя очередь... Страшно.

— Докладывай.

— Альпийский туризм.

— Альпийский туризм? — Навигатор медленно встает со своего кресла. — Ты сказал — альпийский туризм?

Ему не сидится. Он быстро ходит из угла в угол, чему-то улыбаясь и глядя мимо меня: — Альпийский туризм. — Указательный палец его правой руки коснулся его мощного лба и тут же наставлен на меня, как пистолет: — Я всегда знал, что у тебя золотая голова.

Он усаживается удобно в кресло, подперев щеку кулаком. Оранжевый отблеск лампы скользнул по его глазам, и я вдруг ощутил на себе подавляющую тяжесть его могучего интеллекта:

— Расскажи мне об альпийском туризме.

— Товарищ генерал, 6-й флот США контролирует Средиземное море. Понятно, что ГРУ смотрит за ним из Италии, из Вашингтона, из Греции, Турции, Сирии, Ливана, Египта, Ливии, Туниса, Алжира, Марокко, Испании, Франции, с Мальты, с Кипра, со спутников, с кораблей 5-й эскадры. На 6-й флот мы можем смотреть не со стороны, а изнутри. Наблюдательный пункт — австрийские Альпы. Конечно, наш опыт будет перенесен в Швейцарию и другие страны, но мы будем первыми. 6-й флот — золотое дно. Атомные авианосцы, новейшие самолеты, ракеты всех классов, подводные лодки, десантные корабли, а на них — танки, артиллерия и любое вооружение сухопутных войск. В 6-м флоте мы найдем все. Там ядерные заряды, атомные реакторы, электроника, электроника, электроника...

Он не перебивает меня.

— ...Служба в 6-м флоте — это возможность посмотреть на Европу; зачем лететь в США, если отпуск можно великолепно провести в Австрии, в Швейцарии, во Франции. После изнурительных месяцев под палящим солнцем — флотский офицер попадает в снежные горы...

Его глаза блестят:

— Если бы ты родился в волчьей семье капиталистов, то тебе предпринимателем быть. Продолжай...

— Я предлагаю сменить тактику. Я предлагаю ловить мышь не в норе, а в момент, когда она из нее выйдет. Я предлагаю не проникать на особо секретные объекты и не охотиться за какой-то определенной мышью, а построить мышеловку. Небольшой отель в горах. Это нам не будет практически ничего стоить. 500 тысяч дол-

ларов, не более. Для выполнения плана мне нужно только одно: секретный агент, который долго работал в добычании, но сейчас потерял свои агентурные возможности. Мне нужен один из стариков, который втянут в наши дела совершенно и окончательно, которому вы верите. Я думаю, что у вас должны быть старики на агентурной консервации. Мы найдем небольшой горный отель на грани банкротства. Таких немало. В него мы вдохнем новую жизнь, введя нашего агента с деньгами в качестве компаньона. Этим мы спасем отель и поставим владельца на колени. Собрав предварительно данные об отелях, мы выберем тот, в котором американцы из 6-го флота останавливаются наиболее часто. Отель не место вербовки. А место изучения. Молниеносная вербовка после. В другом месте.

— Отель — пассивный путь. Кто-то заедет. Или нет. Долго ждать...

— Как рыбак, забросив удочки... надо знать, куда забрасывать и с какой наживкой.

— Хорошо. Приказываю тебе собрать материалы о небольших горных отелях, которые по разным причинам продаются... Продаются не от хорошей жизни.

— Товарищ генерал, я уже собрал такие сведения, вот они...

4

Я больше в обеспечении не работаю. Это видят в Забое все. Каждый мою судьбу предсказать пытается. Надолго ли мне привилегии такие. Судьбу предсказывать не очень трудно. Нужно на первого шифровальщика смотреть. Он все знает. Все тайны. Он барометр командирской милости и немилости.

А первый шифровальщик меня по отчеству называть начал: Виктор Андреевич. Вам шифровка, Виктор

Андреевич. Доброе утро, Виктор Андреевич. Распишитесь тут, Виктор Андреевич.

Это катаклизм. С первым шифровальщиком такого никогда не случалось. Он не добывающий офицер, но он к персоне Навигатора ближе всех стоит. По званию он подполковник. Он по имени и отчеству только добывающих полковников называл, а подполковников, майоров, капитанов он никак не называл: вам шифровка! И не более. И вот на тебе: вспомнил имя мое и публично его произнес. Главный рабочий зал затих, когда он это впервые сказал. Лица удивленные в мою сторону повернулись. У Сережи Двадцать Седьмого аж челюсть отвисла.

В тот самый первый раз, когда это случилось, первый шифровальщик меня к Навигатору вызывал:

— Командир ждет вас, Виктор Андреевич.

Теперь к этому уже привыкли. Каждый гадает, где это я успел отличиться. Краем уха слышу я иногда обрывки разговора обо мне: китайского атташе вербанул! Слухи обо мне разные. Но кроме меня, о моих делах знает только Навигатор, первый шифровальщик и Николай Тарасович Мороз, бывший Младший лидер. Он уже не пьет. Над ним никто больше не шутит. Раньше, когда он был Младшим лидером, он говорил: «Приказываю!» Потом он ничего не говорил. Теперь, оставаясь просто добывающим офицером, он стал говорить: «Именем Резидента приказываю!» В его голосе вновь зазвенели железные нотки повелевающей машины. Раз приказывает, значит, есть такие полномочия. Раз заговорил таким тоном, значит, чувствует силу за собой.

Титул Младшего лидера утерян, это важно, конечно, очень. Но более важно другое: Навигатор полковнику по-прежнему верит и опирается на него. Раньше Младший лидер своей властью всю свору в кулаке держал, теперь он делает то же самое, но только от командирского имени.

— Товарищ генерал, мне на завтра три человека в обеспечение нужны, и в ночь с субботы на воскресенье — пятеро.

— Бери.

— Кого?

— Согласуй с Николаем Тарасовичем. Кто не занят, тех и забирай.

— А если там полковники и подполковники?

— И их забирай.

— И командовать ими?

— И командуй. В день проведения операции разрешаю использовать формулу «Именем Резидента».

— Спасибо, товарищ генерал.

С Николаем Тарасовичем мы в паре работаем. Как два аса под прикрытием целой эскадрильи.

Мы мышеловку в горах создаем. Большой бизнес разворачиваем. Я совсем не против того, что его к моей идее подключили, что меня ему полностью подчинили. У него опыт, у него агентура.

С разрешения Аквариума Навигатор снимает с агентурной консервации стариков и стягивает их в Австрию для проведения операции «Альпийский туризм». Отель не один куплен, а три. Это недорого для ГРУ.

Снятые с консервации старые добывающие агенты используются по-разному. Большинство из них вошли в состав агентурной группы с прямым каналом связи. Они прямо в Ватутинки сообщения передавать могут, не подвергая себя и нас риску. Несколько стариков работают под контролем Николая Тарасовича. Один подчинен непосредственно мне.

Раньше его звали 173-В-106-299. Теперь его зовут 173-В-41-299. Завербовали его в 1957 году в Ирландии. Пять лет он в добывании работал. Что он добывал, в его деле не сообщается. В деле только между строк можно прочесть о высокой активности и немалых успехах. После этого идет совершенно темная полоса в его биогра-

фии. В деле только говорится, что он в этот период состоял на прямой связи с Аквариумом, не подчиняясь венскому Навигатору ГРУ. Этот период оканчивается присвоением ему ордена Ленина, выдачей мощной премии, выводом в длительную консервацию с переводом под контроль нашей резидентуры.

За годы консервации с ним встреч не проводилось. Таких ребят именуют Миша, Дремлющий, Кот. Теперь он из спячки возвращен к активной работе. Теперь ему контрольные задания поставлены. Он думает, что работает, но это его просто проверяют. Не охладел ли? Не раскололся ли? Не перековался ли?

5

Навигатор меняет курс. Мы все это чувствуем. Он круто переложил руль и гонит наш корабль по бурным волнам. Он рискует. Он клонит корабль. Так можно и зачерпнуть бортом! Но у него крепкая рука.

Что-то меняется. Интенсивность обеспечения нарастает. В обеспечение всех! Операции другого рода пошли. Связаться с рекламными бюро! Собрать материалы на гидов и обслуживающий персонал отелей! Секретно. Ошибешься — тюрьма! Установить прямые контакты с рекламными бюро на Средиземноморском побережье. Черт побери, что мы, бизнесом туристским занялись?

Добывающие идут чередой в кабинеты заместителей Навигатора. Добывающие исчезают на несколько дней. Спрятать передатчик в горах! Вложить деньги в тайник. Больше денег! Заместители Навигатора проверяют выполнение заданий. Что, черт побери, происходит? Каждый раз за советом к Навигатору не побежишь. Навигатор занят. Никого не пускать! Где заместителю правильный ответ искать? К Николаю Тарасовичу Морозу, что ли, обратиться? Он теперь не Младший лидер, но, черт побери, все по-прежнему знает. Толпятся заместители в

кабинете Николая Тарасовича. Ему кабинет вообще-то не положен. Он сейчас никто. Он просто добывающий. Но пока новый Младший лидер не прибыл...

Николай Тарасович — никто. Но лучше заместителю Навигатора к нему лишний раз забежать проконсультироваться, лучше выслушать его упреки, чем ошибиться. Ошибешься — Сибирь-матушка.

И опять обеспечение всех колесом закрутило. Днями и ночами. Без выходных. Без праздников. Без просветов.

— Николай Тарасович, некого в обеспечение ставить!

— А вы, Александр Александрович, подумайте.

Александр Александрович думает.

— Может, Витю Суворова?

— Нет. Его нельзя.

— Кого ж тогда? — Александр Александрович, заместитель Навигатора, только одного добывающего офицера в резерве имеет, и это Николай Тарасович Мороз. Александр Александрович вопросительно на Николая Тарасовича смотрит. Может, сам догадается в обеспечение попроситься? Некого ведь посылать. Всех разослали. Но Николай Тарасович молчит.

— Что ж, мне самому, что ли, в обеспечение идти? Я все-таки заместитель.

— А почему бы, Александр Александрович, и не сходить разок. Если посылать некого?

Александр Александрович еще думает. Наконец, решение находит:

— Я Виталия-Аэрофлота два раза в ночь погоню.

— Ну, вот видишь, а говоришь — посылать некого.

Куда ты, Навигатор, гонишь нас? Можно ли так котлы перегревать? Не лопнули бы? Не лопнут! Тренированные. Из Спецназа. В обеспечение! Всех! Александр Александрович, в обеспечение! А твое обеспечение обеспечивает новый военный атташе. На зеленом «мерседесе».

Замотались. Закрутились. Ошибешься — тюрьма. На каждую операцию план написать. О каждой операции — отчет. Это чтобы следователям 9-го направления ГРУ легче виновных потом найти было.

В большом рабочем зале свет не гасят. Старший дежурный по Забою сейчас не назначается: все равно полно офицеров добывающих в любое время суток в Забое.

Слева от меня за рабочим столом Слава из торгпредства. Молоденький капитан совсем. Отчет пишет. Рукой от меня закрывает. Правильно, никому не положено чужих секретов знать. Откуда ему, Славе, знать, что это я ему операцию придумал. Что все ее детали мы с Навигатором и с Николаем Тарасовичем неделю назад всю ночь обсуждали. Откуда тебе, Слава, знать, что это ты меня обеспечивал. И когда ты на лесную просеку выходил, я тебя видел. Хорошо видел. А ты меня не видел. И не мог видеть. И не имел права видеть! Ну пиши, пиши.

6

У Виктора Андреевича голова болит. И глаза тоже. Виктор Андреевич в кабинете Николая Тарасовича сидит. Мы книги регистрационные проверяем. Много их. Из разных отелей. Из тех, что нам и не принадлежат. Но у нас копии регистрационных книг. Десятки отелей и десятки тысяч имен. Это уже история. Но тот, кто знает историю, может прогноз на будущее составить. Точный или неточный — это другой вопрос. Но нет возможности познать будущее, не познав настоящего и прошлого.

Тысячи отелей в Австрии. Миллионы туристов. Если обеспечивающие добудут больше регистрационных книг, можно будет и электронную машину использовать для расчета прогнозов. А пока это мы вручную делаем.

Группа японских туристов. Шестнадцать человек. Интересные люди? Может быть. Только у нас к ним никакого ключика нет. Не знаем мы, интересные они или

неинтересные. Жаль. Но их мы сразу в число неинтересных зачисляем. Мы их просто пропускаем. Вдобавок японский турист никогда не возвращается на одно и то же место, точно как диверсант в Спецназе никогда назад не возвращается. Японский турист спешит осмотреть всю планету. Японского туриста мы пропускаем.

Английская пара из Лондона. Интересно? Не знаю. Пропускаем.

— Николай Тарасович, посмотрите, что я нашел!

Он смотрит. Он качает головой. Он цокает языком. Одиноким американец из маленького итальянского порта Гаета. Что это название сказало вам? Что это название может сказать любому? Что это название скажет офицеру КГБ? Совершенно ничего. Маленькая рыбацья деревушка. В ней почему-то оказался американец. Почему? Да кому это интересно? Любой, кто узнал бы, что в маленьком австрийском горном отеле остановился американец из Гаеты, не обратил бы на это ни малейшего внимания.

Но мы — военные разведчики. Каждый из нас начал службу в информационной группе или отделе. Каждый из нас учил наизусть тысячи цифр и названий. Для каждого из нас Пирмазенс, Пенмарш, Обен, Холи-Лох, Вудбридж, Цвайбрюккен — звенят райской музыкой. Какое наслаждение слышать название Гаета! В этой деревушке базируется всего один военный корабль. На его борту — огромная цифра «10». Теперь вспомнили? Нет? Это американский крейсер «Олбани»! Это флагман 6-го флота. Это концентрация всех секретов и всех нитей управления. О моя деревянная голова! Почему идея о горных отелях не пришла тебе год назад? Совсем недавно в горном отеле отдыхал американец из небольшой итальянской деревушки. Он обязательно был связан с крейсером «Олбани». Мы не знаем, кто он. Но не может американец в этом забытом селении не знать других американцев с крейсера. Пусть он не капитан, не офи-

цер и даже не матрос крейсера. Пусть он даже не военный. Может, он пастор, может быть, продавец порнографии. Но он имеет контакты с моряками крейсера, и это самое главное. Если бы наша мышеловка была поставлена год назад, то мы обязательно обрушились бы на бедного американца всей мощью нашей своры.

Массовый загон! Десятки шпионов против одной жертвы. Жертва чувствует, что акулы со всех сторон, что путей отхода нет. Иногда, когда осуществляется массовый загон всей сворой, стеной, македонской фалангой — жертва не выдерживает и кончает самоубийством. Но чаще соглашается работать с нами. Если бы знали о нем, когда он появился в Австрии, на него обрушилась бы вся несокрушимая мощь ГРУ. А если бы Навигатор помощи попросил, то по приказу Аквариума на одну вербовку могли бы быть брошены силы нескольких резидентур. В таких случаях жертва кричит и мечется, всюду нарываясь на варягов и борзых. Он бы звонил в полицию. Что ж, своих ребят мы и в полицейскую форму иногда нарядить можем. Полиция спасла бы его и посоветовала или кончать с собой или соглашаться на предложение ГРУ. Когда гонят одного целой ордой, несчастный может звонить во все мыслимые адреса, но везде получит один ответ. В угол его! В тупик! Углы всякие бывают: физические и нравственные, бывают финансовые тупики и пропасти безнадежности. А можно и просто в угол загнать. Голого человека в угол ванны. Голый среди одетых всегда ощущает непреодолимое чувство стыда и бессилия. Мы умеем загонять в угол! Мы умеем унижать и возвеличивать. Мы умеем заставить броситься в пропасть и умеем вовремя протянуть руку помощи.

— Замечтался?

— Замечтался, Николай Тарасович.

— Смотри, что я нашел.

Я читаю запись. Британская чета из небольшого городка Фаслейн — база британских подводных лодок.

Если пара живет в Фаслейне, то вероятность того, что она связана с лодками, очень велика. Может быть, он командир лодки, а может быть, простой охранник на базе. Может быть, он мусорщик на военной базе или вблизи нее, поставщик молока, владелец пивной. Может быть, он работает в библиотеке, или в столовой, или в госпитале. Любое из этих положений — великолепно: он имеет контакты с экипажами, с ремонтными бригадами, со штабными офицерами.

Если в Фаслейне есть проститутки, то смело можно утверждать, что и они с базой связаны. Да еще как! И через них можно добывать секреты, о которых, может быть, и капитаны лодок не знают.

Фаслейн слишком мал. Поэтому любой его обитатель как-то связан с базой.

Во Франции тоже есть база атомных подводных лодок. Но это Брест. Большой город. Совсем не каждый с лодками связан. Поэтому мы и выискиваем очень маленькие городки, в которых находятся военные объекты чрезвычайной важности. Тот же Фаслейн, например. Дипломатической резидентуре ГРУ в Лондоне очень неудобно своих ребят в Фаслейн посылать. В Великобритании ловят часто и выгоняют безжалостно. Не разгонишься. Да и появление постороннего в маленьком городкестораживает. Вот поэтому мы охотимся тут, в Австрии, на обитателей этих маленьких городков, название каждого из которых так сладко звучит в ушах военного разведчика.

Ночи напролет мы листаем регистрационные книги. Чем черт не шутит, решится кто-нибудь из этих людей второй раз в то же самое место вернуться? А если и нет, мы других найдем.

Регистрационные книги — это прошлое. Жаль, но его не вернешь. Но, листая книги о прошлом, мы ясно видим контуры наших будущих операций.

Командир серьезен. Командир строг.

— Приказом начальника ГШ назначен мой первый заместитель.

Мы все молчим.

— Александр Иванович, зачитай шифровку.

Александр Иванович, первый шифровальщик, осматривает нас ничего не выражающим взглядом и опускает глаза на небольшой ярко-желтый плотный листок:

«Совершенно секретно. Приказываю назначить первым заместителем командира дипломатической резидентуры ГРУ 173-В полковника Мороза Николая Тарасовича. Начальник Генерального штаба, маршал Советского Союза Огарков. Начальник ГРУ генерал армии Ивашутин».

Командир улыбается. Первый шифровальщик улыбается. Улыбается Николай Тарасович. Он снова Младший лидер. Улыбаюсь я. Улыбаются мои товарищи. Не все.

У нас в ГРУ, а также во всей Советской Армии, в КГБ, во всем Советском Союзе возвышение после опалы — вещь редкая. Это — вроде как из могилы назад вернуться, — немногие возвращаются. Срыв означает падение. А падение — всегда на самое дно, на камушки.

Мы подходим к Младшему лидеру и по очереди поздравляем его. Ему больше не надо использовать формулу «именем Резидента», он теперь всемогущ и юридически. Он жмет руки всем. Но мне кажется, что он не совсем забыл, кто потешался над ним, когда падение началось. Не забыл. И те, кто потешался, тоже знают, что не забыл он. Вспомнит. Не сейчас, подождет. Все знают, что ожидание мести хуже самой мести. Младший лидер не спешит.

— Поздравляю вас, Николай Тарасович. — Это моя очередь подошла. Он жмет мне руку, смотрит в глаза.

Он тихо говорит мне «спасибо».

Кроме нас, только Лидер да первый шифровальщик понимают истинное значение этого «спасибо». Месяц назад агент 173-В-41-299, ставший теперь совладельцем маленького отеля и подчиненный мне, вызвал меня на экстренную встречу и сообщил о постояльце из маленького бельгийского города, название которого снится любому офицеру ГРУ. На вербовку должен был выходить я — немедленно. Я связался с Навигатором и отказался. Не могу, опыта недостаточно. За эту вербовку я бы получил красную звезду на грудь или серебряную на плечи. И опыта у меня достаточно. Но... я отказался. Навигатор послал Николая Тарасовича. Вот он сегодня и именинник.

— Спасибо, Витя. — Это Навигатор мне руку жмет.

Все вокруг смотрят на нас. Никто ничего не понимает. Отчего мне вдруг Навигатор руку жмет? За что благодарит? Вроде не я сегодня именинник. А Навигатор мне руку на плечо положил, по спине хлопает — будет и на твоей улице праздник. Не знаю почему, но я глаза вниз опустил. Не жалко мне той вербовки, ничуть не жалко. Пусть вам повезет, Николай Тарасович.

8

Болеют только ленивые. Неужели трудно раз в месяц в лес выбраться и положить конец всем болезням? Предотвратить все грядущие недуги? Я такое время всегда нахожу, даже в периоды самого беспросветного обеспечения. А сейчас и подавно.

Я далеко в горах. Я знаю, что тут никого нет. Я умею это проверять. Нет, ни тайники, ни встречи меня не ждут. Муравьи. Большие рыжие лесные муравьи. Вот их царство, город-государство. На солнечной поляне меж сосен. Я раздеваюсь и бросаюсь в муравейник, как в холодную воду. Их тысячи. Толпа. Муравьиный Шанхай. По-

бежали по рукам и ногам. Вот один больно укусил, и тут же вся муравьиная свора вцепилась в меня. Если посидеть подольше — съедят всего. Но если выдержать только минуту — лечение. Это — как яд змеиный. Много — смерть. Немного — лекарство. Недаром змея символом медицины считается. Но я змеиным ядом не лечусь. Не знаю почему. Просто времени никогда не было. А на муравьев времени много не надо. Нашел огромный муравейник, да и прыгай в него!

Жидкость, выделяемая железами муравья, консервирует и сохраняет все что угодно. Укусит муравей гусеницу и в свое муравьиное хранилище тащит. От одного укуса мертвое тело не сгниет ни за год, ни за два. Так и будет лежать, как в холодильнике.

А с живым телом и подавно чудеса происходят. Ни морщин, ни желтизны на лице никогда не будет. Зубы все целые останутся. Мой дед в девяносто три года умер без морщин и почти со всеми зубами. Потерял только три — красные выбили. Сбежал он от них, а иначе все бы зубы потерял вместе с головой. Всю жизнь прожил, махновское свое прошлое скрыть ухитрился. Иначе меня никто бы в Красную Армию не взял. Да, наверное, мне и родиться не суждено было б.

Секретами муравьиными не один мой дед пользовался. Вся Русь. А до нее Византия. А еще раньше Египет. Муравей в Египте первым доктором почитался. Увидели египтяне много тысяч лет назад, как муравей свою пищу консервирует, и ну в муравейники ноги свои совать да руки. А потом и фараонов мертвых стали муравьиным собраниям на две ночи выставлять. Тысячи лет после этого их тела разрушению не подвержены.

Все знают, что рыжий лесной муравей — чародей. Да ведь лениво человечество! В аптеках муравьиную кислоту покупают люди. Не настоящую, на фабриках произведенную. Руки, ноги растирают. Глупые. Муравей-то знает, куда кусать. А это важно очень, чтобы кусать имен-

но туда, куда положено. Вроде как в китайской медицине иголочками колотья. Не абы куда, а куда положено.

Взревел я, как лось. Галопом скачу. Муравьев с себя стяхиваю. Спасибо, братцы, достаточно на сегодня.

9

Друг Народа исчез. Друг Народа — это резидент КГБ. Главный Сосед. Все соседи из чекистского гнездышка пасмурные. У них что-то происходит. Наверное, они сами толком не понимают — что. Но резиденты КГБ из Вены, Женевы, Бонна и Кельна были вызваны в Москву и почему-то не вернулись. Временно заместители правят.

Эвакуация — дело жестокое и неотвратимое. Получаешь шифровку, мол, ваш папаша не в себе. Перед смертью попрощаться желает. Летишь в самолете, а рядом конвой. Чтоб не сбежал. Прибываешь в город-герой Москву и сразу на следствие. А кто у нас ни в чем не виновен? Все виновны. Был бы человек, а дело сострять всегда можно. Правда, не стреляют сейчас, как в тридцать седьмом. Вернее, стреляют, но не так интенсивно.

На чем Друг Народа погорел? Откуда нам знать. Можно, конечно, слухи послушать. Да ведь слухи специальной службой распускаются, чтобы правду затемнить...

...Так часто бывает. Открываешь бизнес и имеешь головокружительный успех. Ненадолго. То же самое с нашими коммерческими предприятиями происходит. Только начали работать — небывалая удача: вербовка, за которую Младшему лидеру простили провал.

Младший лидер с группой обеспечивающих добывает секреты, на которые генерал-полковник Зотов, начальник информации ГРУ, шлет восторженные шифровки.

Но термин «достаточно» в службе информации применяется только тогда, когда качество добытой информации очень высокое. Во всех остальных случаях при-

меняется термин «недостаточно». Это точно так же, как миллиардеру еще недостаточно денег, и никогда не будет достаточно. Как женщине не хватает нарядов. Как коллекционеру всегда недостает одного ржавого пятака. И всегда будет недостаточно. А Генеральному штабу всегда не хватает вражеских секретов. Сколько бы мы их ни добыли. Всегда остается что-то не до конца понятное в положении противника, в его планах, в его вооружении.

Но наши горные отели пока не дают желанного результата. Да ведь это и нелегко. Не каждый день в маленький отель попадают люди из маленьких городков с такими звонкими именами, как Майнот или Оффут. Наша агентура в туристическом бизнесе получила тоненькие листочки с названиями мест, где практически каждый житель должен быть связан с объектами экстраординарной важности. Но результатов пока нет. Попалась рыбка в сети, и все. Попалась одна рыбка, и я ее добровольно Младшему лидеру отдал. Ему важнее иметь успех сейчас. А на мою долю не выпадает ничего.

Шифровки из Аквариума — с легким раздражением: почему Сорок Первого в обеспечение не ставите? Он же сам признался, что еще не готов работать самостоятельно?

10

У наших соседей, у «друзей народа» — большой праздник. Несколько лет назад с советского боевого корабля бежал офицер. За ним многие резидентуры КГБ охотились, но повезло венской дипломатической резидентуре.

Она провела головокружительную провокацию. Заместитель резидента КГБ связался с американской разведкой и подбрасывал ей вполне правдоподобные секреты. А потом и в США бежать собрался. Но перед побегом попросил гарантий: хочу поговорить с беглым советским офицером, правда ли хорошо ему живется. Американ-

ская разведка прислала несчастного беглеца на встречу с КГБ. Потому в КГБ и праздник.

Что ж, «друзья народа», успехов вам. Воровать людей вы здорово научились. Но почему вам не удалось украсть американские атомные секреты, отчего вы никогда не приносили советской промышленности ни чертежей французских противотанковых ракет, ни британских торпед, ни германских танковых двигателей? А?

— Виктор Андреевич, вам сигнал.

Чашку кофейную в сторону. Документы в портфель. Портфель — в сейф. Ключ — в малый сейф. Закрывающая комбинация сегодня сменена. Это помнить надо.

— Пошли!

Четвертый шифровальщик впереди. Я следом. По бетонной лестнице вниз. В бункер. Он на кнопку сигнала жмет. Дверь щелкнула — можно открывать. Мы в небольшой бетонной комнате. Стены ее белые, шершавые. Хранят на века отпечатки поверхностей досок, из которых опалубка была выполнена, когда бункер строили. Двери закрыты. Любопытные телекамеры осматривают нас. Четвертый шифровальщик входную дверь плотно задраивает. Изнутри она на герметичный люк подводной лодки похожа. Шифровальщик опускает руку под занавеску и набирает номер. Руку его я видеть не могу и не имею права. И не знаю, что он там своей рукой делает. Говорят, что, если ошибешься в наборе комбинации, капкан руку прищемит. Не знаю, правда это или шифровальщики шутят. Добывающему офицеру не положено знать их тайн.

Внутренняя охрана бункера наконец убедилась, что мы — свои. Главная дверь плавно, без всяких щелчков, медленно уплывает в сторону. За дверью Петя-Спецназ: заходите. КГБ свою внутреннюю охрану из офицеров пограничных войск комплектует. А ГРУ — из офицеров диверсионных батальонов и бригад. Одним выстрелом двух зайцев ГРУ убивает. И охрана надежная, и диверсантов

иногда по стране на автобусе повозить можно: вот наши площадки десантирования, тут тайники, тут укрытия, тут полицейские посты.

Дипломатическую резидентуру ГРУ в Вене охраняют диверсанты из 6-й гвардейской танковой Армии. Это горная армия с особыми традициями. Она через Большой Хинган прорвалась на пути к Тихому океану. Она 800 километров без остановки прошла по местам, которые любимыми теоретиками считались недоступными для танков. Теперь 6-я гвардейская танковая Армия готовится к проведению молниеносного броска через Австрию по левому незащищенному берегу Рейна к Северному морю. В сравнении с Хинганом Австрийские Альпы, конечно, просто холмы. Но и их надо умело преодолевать. Вот поэтому в Вене только из этой Армии диверсанты постоянно находятся. Им впереди идти. Им дорогу очищать своими острыми ножами.

— Здравствуйте, Виктор Андреевич, — Петя меня приветствует.

— Здравствуй, здравствуй, головорез. Обленился в бункере?

— Не обленился, а озверел, — смеется Петя. — Юбку женскую шесть месяцев уже не видел. Даже издалека.

— Крепись. На подводных лодках хуже бывает.

По коридору — вдоль стальных дверей. Коридор десятками тяжелых портьер завешан. Так что не скажешь, длинный он или нет. Может, за следующей занавеской коридор раздваивается или уходит в сторону. Нам этого знать не положено. Дверь комнаты сигнализаторов первая слева.

В комнате с низкими потолками тоже все в занавесках серых. Говорят, это на случай пожара. Может быть, и так. Но, опять же, бываю я в этой комнате, а сколько в ней сигнализаторов стоит — понятия не имею.

В ожидании меня одна занавеска сдвинута. За ней серый ящик с аккуратной надписью «Передал 299. При-

нял 41». Шифровальщик вставляет свой ключ в скважину, поворачивает его и выходит из комнаты. Я вставляю свой ключ, поворачиваю его и открываю стальную дверку. За ней ряды маленьких зеленых лампочек. Одна — с номером 28 — горит. Я нажимаю кнопку сброса. Сигнальная лампочка гаснет. Одновременно гаснет сигнальная лампочка над моим сигнализатором. Она говорит шифровальщику, что какой-то сигнал получен. Но он не имеет права знать, какой именно сигнал. Это знаю только я. Это сигнал «28». Но если бы шифровальщик и узнал, что я получил сигнал «28» от агента 173-В-41-299, как он может узнать, что означает сигнал «28»?

Сигнал «28» означает, что агент 173-В-41-299 вызывает меня на связь. «28» означает, что безличная встреча состоится в первую субботу после получения сигнала. Время между 4.30 и 4.45 утра. Место — Аттерзее, район Зальцбурга.

299-й имеет целую систему сигналов и может вызывать нас на личную или безличную связь в любой момент.

Каждый вариант связи разработан до мельчайших деталей и каждый вариант имеет свой номер. Под номером «28» кроется целый план с вариантами и запасными комбинациями.

Неуязвимость ГРУ обеспечивается прежде всего тем, что количество встреч с ценной агентурой сводится к минимуму и, если возможно, — к нулю. Я работаю десять месяцев с 299-м агентом, но никогда не видел его и не увижу. Безличные встречи с ним проводятся по два-три раза в месяц, но за двадцать один год работы в ГРУ он имел только шесть личных встреч и видел в лицо только двух офицеров ГРУ. Это правильная тактика. Отсутствие личных встреч защищает нашу агентуру от наших же ошибок, а наших офицеров от скандальных провалов и сенсационных фотографий на первых полосах.

При безличной встрече офицер ГРУ и его агент могут находиться в десятках километров один от другого. Каждый не знает, где находится его собеседник. Для передачи сообщения или для обмена сообщениями мы не используем радио или телефон. Мы используем водопроводные или канализационные трубы. Иногда два телефонных аппарата могут быть подключены к металлическому забору или к ограде из колючей проволоки. Эти «участки связи» заранее подбираются и проверяются обеспечивающими офицерами.

Но чаще всего для связи с ценными агентами ГРУ использует воду. Пусть полиция прослушивает эфир. Вода — лучший проводник сигналов, и гораздо менее контролируемый. Когда полиция начнет контролировать все водоемы, все реки, озера, моря и океаны, тогда мы перейдем на другие способы агентурной связи. Институт связи ГРУ что-нибудь к тому времени придумает.

11

Капли росы на сапогах. Я бреду по высокой мокрой траве к озеру. Березы да ели вокруг. Клинья еловых вершин сплошным частоколом вокруг воды стоят. Стенкой. Тишина звенящая. На сучок не наступить. Зачем шум? Шум оскорбляет эту чистую воду, эту хрустальную прозрачность неба и розовые вершины гор. Тут всегда будет тишина. И когда сюда придет Спецназ, грохот солдатского сапога не нарушит тишины: мягкая обувь диверсанта не стучит, как кованый сапог пехотинца. Потом тут пройдет 6-я гвардейская танковая Армия. Это будет грохот и рев. Но совсем ненадолго. Вновь воцарится звенящая тишина, и маленький уютный концлагерь на берегу озера ее не нарушит. Может, я буду начальником лагеря, а может быть, обыкновенным зеком вместе с местными социалистами и борцами за мир. Так всегда было: кто

Красную Армию первым приветствует или с ней о мире договориться желает — первым под ее ударами падает.

Земля зарей объята. Земля восторженно приветствует восход светила. Жизнь ликует. Жизнь торжествует, готовясь встретить брызжущий водопад света, который обрушится из-за вершин гор. Вот сейчас, вот еще немного. Оглушительный щебет загремит гимном, приветствуя свет. А сейчас еще тишина. Еще не засверкали капли бриллиантами, еще не потекло червонное золото по склонам гор, еще не принес легкий ветер аромат диких цветов. Природа утихла в самое последнее мгновение перед взрывом восторга, радости и жизни.

Кто любит этим? Один я. Витя-шпион. А еще мой агент под 299-м номером. Он пробирается к озеру совсем с другой стороны. Интересно, понимает ли он поэзию природы? Может ли он часами вслушиваться в ее шорохи? Понимает ли он, что сейчас мы с ним вдвоем ведем подготовку к строительству маленького концлагеря на отлогом берегу? Понимает ли этот старый дурак, что и я и он можем стать обитателями этого самого живописного в мире лагерька? Соображает ли он, что те, кто очень близко у жерла мясорубки работает, попадают в нее чаще обычных смертных? Думает ли он своей деревянной головой, что волей случая его лагерный номер может быть очень похож на его агентурный индекс? Ни черта он не думает. Мне деваться некуда, я родился и вырос в этой системе. И от нее не убежишь. А он добровольно нам помогает, собака. Если меня не поставят коммунисты к стенке, не сожгут в крематории и не утопят в переполненной барже, а поставят концлагерем командовать, то таким добровольным помощникам я особый сектор отгорожу и кормить их не буду. Пусть по очереди друг друга пожирают. Как крысы в железной бочке сжирают самую слабую первой, чуть более сильную второй... Пусть каждый день они выясняют, кто из них самый слабый. Пусть каждый заснуть боится, чтобы его

сонного не удушили и не съели. Вот, может, тогда поймут они, что нет на земле гармонии и быть не может. Что каждый сам себя защищать обязан. Эх, черт. Поставили бы меня начальником лагеря!

Время.

Я забрасываю удочку в озеро. Моя удочка на обычные очень похожа. Разница только в том, что из ручки можно вытянуть небольшой проводок и присоединить его к часам. Часы, в свою очередь, соединены кабелем с маленькой серой коробочкой. От часов кабель идет по рукаву и опускается во внутренний карман. Циферблат моих слегка необычных часов засветился, а через минуту погас. Это значит: передача принята и записана на тонкую проволоку моего магнитофона. Волны, несущие сообщения, не распространяются в эфире. Наши сигналы распространяются только в пределах озера и за его берега не выходят. Заблаговременно сообщения записываются на магнитофон и передаются на предельной скорости. Перехватить агентурное сообщение очень трудно, даже если знаешь заранее время и место передачи и частоты. Без такого знания — перехватить передачу невозможно.

Я делаю вид, что завожу свои часы. Циферблат чуть засветился и погас: ответное сообщение передано. Пора и удочки сматывать.

Глава XIII

1

— Товарищ генерал, я имел связь через воду с 299-м. Он сообщает, что в ближайшие месяцы в его отеле вряд ли будут клиенты из интересующих нас мест.

— Плохо.

— Но 299-й не даром хлеб ест. Он установил дружеские отношения с владельцами соседних отелей и иногда

под разными предлогами имеет возможность просматривать записи о предварительных заявках.

— Ты думаешь, это не опасно? — Командир знает, что это не опасно, но он обязан задать мне этот вопрос.

— Нет, товарищ генерал, не опасно, 299-й хитер и опытен. Так вот, он сообщает, что в соседнем отеле... — Я придвигаю к себе лист бумаги и пишу название отеля. Я не имею права называть даты, адресов, названий или имен. Даже в защищенных комнатах мы должны писать это на бумаге, иногда при этом произнося совершенно не относящиеся к делу даты, названия, имена. — В соседнем отеле зарезервировано место для человека. — Я пишу имя на бумаге. — Он работает в Испании. В городе...

Я положил перед собой лист бумаги и торжествуя начертил огромными буквами название РОТА.

Он смотрит на меня, не желая верить. И тогда я на листе вновь пишу это короткое очаровательное название, которое каждому разведчику снится ночами, которое звучит как хрустальный звон для каждого из нас: РОТА.

Он смеется, я смеюсь. В мире сотни мест, которые очень интересны для нас, любое из них — находка, любое — улыбка фортуны для разведчика. Мне выпало настоящее счастье — РОТА!

— Тебя проверить? — смеется он. Это шутка, конечно. Ибо нельзя быть офицером ГРУ, не зная характеристики этой базы. При слове РОТА в мозгу каждого офицера ГРУ, как в электронной машине, отражаются короткие фразы и четкие цифры: площадь акватории — 25 квадратных километров; гавань защищена волнодромом — 1500 метров, три пирса — 350 метров каждый, глубина у пирсов 12 метров, склад боеприпасов — 8000 тонн, хранилище нефтепродуктов — 300000 тонн; аэродром, взлетная полоса одна — 4000 метров. А то, что тут базируются американские атомные ракетные подводные лодки, — это все знают.

Навигатор ходит по кабинету. Навигатор трет руки.

— Пиши запрос.

— Есть!

2

Человек из маленького испанского местечка Рота. Об этом человеке я не знаю ничего. Еще даже не ясно: ты американец или испанец. Но я заполняю «запрос». Завтра этот запрос пропустят через большой компьютер ГРУ. Большой компьютер сообщит все, что он знает о тебе.

Большой компьютер ГРУ создан творческим гением американских инженеров и продан Советскому Союзу близорукими американскими политиками. За большой компьютер Америка получила миллионы, потеряла миллиарды. Большой компьютер знает всех. Он очень умный. Он поглощает колоссальное количество данных о населении Земли. Он прожорлив. Он заглатывает телефонные книги, списки выпускников университетов, списки сотрудников астрономического количества фирм. Он ненасытен. Он поглощает миллионы газетных объявлений о рождениях и смертях. Но он питается не только этой макулатурой. Ему доступны секретные документы, притом — в огромных количествах. Каждый из нас заботится о том, чтобы этот прожорливый американский ребенок не голодал.

Может быть, информация о человеке из Роты будет совсем отрывочной и недостаточной. Может быть, большой компьютер сообщит нам дату рождения, может быть, дату, когда это имя впервые появилось в секретном телефонном справочнике, может быть, название банка, в котором этот человек держит деньги. Но и этих отрывочных данных вполне достаточно, чтобы немедленно командный пункт ГРУ направил несколько шифровок в

места, где возможно добыть что-то еще. Какие-то борзые, может быть, найдут твоих родителей, твоих школьных друзей, твой родной город, твою фотографию. И когда я встречу тебя в небольшом отеле на берегу горного озера, я буду знать о тебе больше, чем ты думаешь. Дорогой друг, до скорой встречи. Кстати, для удобства тебе уже присвоен номер 713. А если не сокращать — 173-В-41-713. Чтобы все, кому положено, сразу знали, что работает с тобой Сорок Первый офицер добывания венской дипломатической резидентуры ГРУ.

3

Время летит, как стучащий экспресс, оглушая и упругим потоком отбрасывая от насыпи. Снова день и ночь смешались в черно-белом водовороте: транзит из Ливана, прием на связь людей, завербованных в Южной Африке, тайниковая связь с каким-то призрачным «другом», завербованным неизвестно кем, обеспечение нелегалов и опять транзит в Ирландию. И Командир и Младший лидер запрещают меня отвлекать по пустякам. Но слишком часто идет обеспечение особой важности, то есть обеспечение нелегалов или массовое обеспечение, когда в прикрытии работают все, включая и заместителей резидента. И никому нет поблажек. В обеспечении все! Где людей взять? Дважды в ночь пойдешь! Прием транзита из Франции. Прием транзита из Гондураса. Понимать надо!

И вдруг колесо остановилось. Я листаю свою рабочую тетрадь, исписанную вдоль и поперек, и вдруг внезапно открываю совершенно белую страницу. На ней только одна запись: «Работа с 713». И этот белый лист означает сегодняшний день. День, когда я сижу в своем кресле, а в моей голове галопом несутся встречи, тайниковые операции, безличная связь.

Я долго смотрю на короткую фразу, затем поднимаю белую телефонную трубку и, не набирая никаких цифр, спрашиваю:

— Товарищ генерал, вы не могли бы принять меня?

— До завтра подождет?

— Я уже несколько дней пытаюсь попасть к вам на прием, — это я вру, зная, что сейчас у него нет времени проверять, — но сегодня последний день.

— Как последний?

— Даже не последний, товарищ генерал, а первый.

— Ах ты, черт. Слушай, я сейчас не могу. Через тридцать минут зайдешь ко мне. Если кто-то будет в приемной, пошли на хрен от моего имени. Понял?

— Понял.

Я доложил ехму маршрут следования, приемы и уловки, которыми я намеревался сбить полицию со следа. Я доложил все, что мне теперь известно о нем — человеке из Роты.

— Ну что ж, неплохо. Желаю удачи.

Он встал. Улыбнулся мне. И пожал руку. За четыре года третий раз.

4

Дороги забиты туристами. Я тороплюсь. Я рассчитываю попасть в гостиницу к вечеру, чтобы и этот вечер использовать для выполнения задачи. Пять часов я гоню по большой автостраде. Иногда приходится подолгу стоять, когда образуются гигантские пробки на дорогах, но как только путь освобождается, я снова гоню свою машину, не жалея ни мотора, ни шин, обгоняя всех. Когда солнце стало склоняться к западу, я сошел с большой дороги на узкую и, не снижая скорости, погнал по ней. Из-за поворота-белый «мерседес». Тормоза надрывно визжат. Над ним облако пыли: его на обочину вынесло. Водитель меня по глазам фарами своими хлещет и зыч-

ным ревом сигнала — по ушам моим. Женщина на заднем сиденье «мерседеса» пальцем у виска крутит, внушает мне, что я ненормальный. Зря стараетесь, мадам, я это знаю и без вас. Я чуть педали тормоза коснулся на повороте, отчего тормоза взвыли, протестуя, вынося мою машину на встречную полосу, тут же я тормоза отпускаю, а педаль газа — в пол жму, до упора, пока нога не упрется. Голову наотрез — моего номера запомнить они не могли и даже рассмотреть времени не имели. Я уже за поворотом. Я руль ухватил и не отпущу его. Если в пропасть лететь — так и тогда не отпущу. А машина моя ревет. Не нравятся машине повадки мои. На первом же перекрестке я ухожу на совсем узкую дорогу в темном лесу. По ней, по этой дороге, я долго вверх карабкаюсь, а потом вниз, вниз, в горную долину. Более широкой дорога стала. По ней и пойду. Картой не пользуюсь. Местность эту я хорошо представляю да по багровому солнцу ориентируюсь. А оно уж своим раскаленным краем поросшей лесом скалистой гряды коснулось.

В гостиницу я попал, когда уж совсем стемнело. Гостиница та на берегу лесного озера у отлогого горного склона. Зимой тут, наверное, все пестрит яркими лыжными костюмами. А сейчас, летом, тишина, покой. С гор прохладой тянет, а над некошеным лугом кто-то раскинул упругую перину белого тумана. А мне некогда на красоты любоваться. Я в номер. На второй этаж. А ключ в дверь не попадает. Я сам себя успокаиваю. Дверь открываю. Чемодан в угол бросаю, и — в душ. Грязный я совсем. Целый день за рулем.

Вот уж и чистенький. Полотенцем по коже сильнее, сильнее. Костюм свеженький на себя, глаженный. Платок яркий — на шею. А теперь в зеркало. Нет, так, конечно, не пойдет. Глаза свинцовые, губы сжаты. На лице беззаботное счастье светиться должно. Вот так. Так-то лучше. А теперь вниз. Да не спеша. Смотрят люди на меня, и никто не подумает, что сегодня в моей очень трудной жиз-

ни, лишенной выходных и праздников, — один из наиболее утомительных дней. И не думайте, что мой рабочий день уже кончился, нет, он продолжается.

А в зале музыка грохочет. А в зале по темным стенам яркие огни мечутся, по потолку тоже и по лицам счастливых людей, распыляющих уйму энергии в угоду своему наслаждению. В бурном водовороте звуков вдруг яростно доминирует труба, заглушая все своим ревом, и ритм торжествует над толпой, подчиняя себе каждого. И по властному велению ритма звенит хрусталь, вторя пьянящему шуму танцующей толпы.

Моя рука чувствует режущий холод запотевшего хрусталя, я поднимаю перед собой сверкающий, искрящийся сосуд, наполненный обжигающей влагой, и в то же мгновение в нем отражается весь бушующий ураган звука и цвета. Улыбаясь брызжущему огню и закрывая им лицо, я медленно обвожу зал глазами, стараясь не выдать своего напряжения. Вот уголком глаза я увидел того, кто в зеленой блестящей папке числится под номером 713. Я видел его только раз, только на маленькой фотографии. Но я узнаю его. Это он. Я медленно подношу бокал к губам, гашу улыбку, пригубливаю спиртное и так же медленно поворачиваю лицо. Вот он медленно поднимает глаза на меня. Вот наши взгляды встретились. Я изображаю радостное удивление на лице и салютую широким приветственным жестом. Он изумленно оборачивается, но сзади — никого. Он вновь смотрит на меня с неким вопросом: ты это кому?! Тебе! — молча отвечаю я. Кому же еще? Расталкивая танцующих, с бокалом в руке я пробиваюсь к нему.

— Здравствуй! Никогда не думал тебя встретить тут! Ты помнишь тот великолепный вечер в Ванкувере?

— Я никогда не был в Канаде.

— Извините, — смущенно говорю я, всматриваясь в его лицо. — Тут так мало света, а вы так похожи на моего знакомого... Извините, пожалуйста...

Я вновь пробился к бару. Минут двадцать я наблюдаю за танцующими. Я стараюсь уловить наиболее характерные движения: в моей жизни никогда не было времени для танцев. Когда приятное тепло разливается по всему телу, я вступаю в круг танцующих, и толпа радушно расступилась, открывая ворота в королевство веселья и счастья.

Танцую я долго и иступленно. Постепенно мои движения приобретают необходимую гибкость и вольность. А может, это только мне кажется. Во всяком случае, на меня никто не обращает внимания. Веселая толпа принимает в свои ряды всех и прощает всем.

Когда он ушел, я не знаю, Я уходил поздней ночью в числе самых последних...

5

Звонок будильника разбудил меня рано утром. Я долго лежу, уткнувшись лицом в подушку. Меня мучает хроническая нехватка сна. И пять часов никак не могут компенсировать многомесячного недосыпа.

Потом я заставляю себя резко вскочить. Пятнадцать минут я мучаю себя гимнастикой, а потом душ жгуче-холодный, беспощадно горячий, снова холодный и снова нестерпимо горячий. Тот, кто так делает регулярно, выглядит на пятнадцать лет моложе своего возраста. Но не это мне важно. Я должен выглядеть бодрым и веселым, каким подобает быть праздному бездельнику.

Вниз я спускаюсь самым первым и погружаюсь в утренние газеты, изображая равнодушие.

Вот к завтраку спустилась пожилая чета. Вот прошла женщина неопределенного возраста, неопределенной национальности со вздорной, не в меру агрессивной собачкой. Вот группа улыбающихся японцев, обвешанных фотоаппаратами. А вот и он. Я улыбнулся и кивнул. Он узнал меня и кивнул...

После завтрака я иду в свой номер. Уборка еще не началась. Я вешаю на двери табличку «Не беспокоить», запираю дверь на ключ, опускаю жалюзи на окнах и, оказавшись в темноте, с удовольствием вытягиваюсь на кровати.

О таком дне, когда никуда не надо спешить, я мечтал давно. Я пытаюсь вспомнить все детали вчерашнего дня, но из этого получается только блаженная улыбка на лице. С этой улыбкой я, наверное, и засыпаю.

Вечером я иступленно танцую в толпе. Он все на том же месте, что и вчера. Один. Увидев его, я улыбаюсь. Я подмигиваю и жестом приглашаю в толпу безумствующих. Он улыбается и отрицательно качает головой.

Следующим утром я первым спустился в холл. Он был вторым.

— Доброе утро, — говорю я, протягивая свежие газеты.

— Доброе утро, — улыбается он.

На первых страницах всех газет президент Уганды Амин Дада. Мы перебросились фразами и пошли завтракать.

Самое главное сейчас — не испугать его. Можно, конечно, быка взять за рога, но у меня есть несколько дней, и потому я использую «плавный контакт». Много об этом человеке нам не известно. Но даже наблюдение в течение нескольких дней дает очень много полезной информации: он один, на женщин не бросается, деньгами не сорит, но и не жалеет каждый доллар, весел. Последний факт очень важен — хуже всего вербовать угрюмого. Не напивается, но пьет регулярно. Книжки читает много. Последние известия смотрит и слушает. Юмор понимает и ценит, одевается аккуратно, но без роскоши. Никаких ювелирных украшений не носит. Волосы на голове не всегда гладко причесаны — уже этого достаточно для того, чтобы что-то знать о внутреннем мире человека. Часто челюсти сжаты — это верный

признай внутренней подтянутости, собранности и воли. Такого трудно вербовать, зато потом легко с таким работать. Очень долго украдкой я наблюдаю за выражением его лица. Особенно мне важны все детали о его глазах; глаза расположены широко, веки не нависают, небольшие мешки под глазами. Зрачки с одного положения на другое переходят очень медленно и задерживаются в одном положении долго. Веки опускает медленно и так же медленно их поднимает. Взгляд долгий, но не всегда внимательный. Чаще взгляд отсутствующий, чем изучающий. При изучении человека особое внимание уделяется мышцам рта в разных ситуациях: в улыбке, в гневе, в раздражении, в расслаблении. Но и улыбка бывает снисходительной, презрительной, брезгливой, счастливой, иронической, саркастической, бывает улыбка победителя и улыбка проигравшего, улыбка попавшего в неловкое положение или улыбка угрожающая, близкая к оскалу. И во всех этих ситуациях принимают участие мышцы лица. Работа этих мышц — зеркало души. И детали эти гораздо более важны, чем знание его финансовых и служебных затруднений, хотя и это неплохо знать.

Ночью я бросаю в машину рюкзак, длинные сапоги, удочки и еду на дальнее озеро ловить рыбу. На рассвете из камышей появляется Младший лидер. Он садится рядом со мной и забрасывает удочку в воду. Кругом никого. Вода теплая к рассвету, парит слегка. Розовая от восхода, солнца еще не видно.

Заместитель командира рыбалку терпеть не может. Особенно его раздражает то, что находятся на свете люди, которые добровольно руками берут червяков. Он к ним притронуться боится, если бы приказали — другое дело. Но тут старшим был он. Нужды брать их в руки не было, и потому он забрасывает удочки с пустым крючком. Он очень устал. Глаза у него совсем красные, а лицо серое. Ради короткой встречи со мной он явно всю ночь провел за рулем. А у него множество своих ответствен-

ных дел. Он неудержимо зевает, слушая меня, правда, в конце рассказа он зевать перестал, слегка даже заулыбался.

— Все хорошо, Виктор.

— Вы думаете, можно вербовать?

Третий раз в жизни я удостоился взгляда, который усталый учитель дарит на редкость бестолковому ученику. Учитель трет свои красные от недосыпа глаза:

— Слушай, Суворов, ты чего-то не понимаешь. В таком деле ты просто не имеешь права спрашивать разрешения. Если ты спросишь, я тебе дам отказ. Когда-нибудь ты станешь Младшим лидером и даже Навигатором, но запомни: и тогда ты не должен никого спрашивать. Ты пошлешь запрос в Аквариум, а ответ по техническим причинам обязательно опоздает. Я могу знать очень многое о твоём человеке, но я не могу его чувствовать. Ты разговариваешь с ним, и только твоя собственная интуиция может тут помочь. В этой ситуации ни я, ни Навигатор, ни Аквариум — брать на себя ответственность не желаем. Если ты человека не завербуешь, это твоя ошибка, которую тебе не скоро простят. Если ты ошибешься и тебя арестуют на вербовке, тебе и этого не простят. Все зависит только от тебя. Хочешь вербовать — это твой будет орден, это тебя будут хвалить, это твой успех и твоя карьера. Мы тебя все тогда поддержим. Запомни, что Аквариум всегда прав. Запомни, что Аквариум всегда на стороне тех, у кого успех.

Если ты будешь нарушать правила и провалишься — попадешь под трибунал ГРУ. Если будешь действовать точно по правилам, но провалишься — опять ты же и будешь виноват: догматично использовал устав. Но если ты будешь иметь успех, то тебя поддержат все и простят все, включая нарушение самых главных наших правил. «Творчески и гибко использовал устав, отмечая устаревшие и отжившие правила». Уверен в успехе — иди и вербуй. Не уверен — откажись сейчас. Я другого по-

шлю, о такой возможности любой разведчик мечтает.
Дело твое,

— Я буду вербовать.

— Это другой разговор. И запомни: ни я, ни Навигатор, ни Аквариум твоих намерений не одобряем. Мы просто их не знаем. Ошибешься — мы скажем, что ты глупый мальчишка, который превысил свои полномочия, за что тебя нужно выгнать на космодром Плесецк.

— Я понимаю.

— Тогда желаю успеха.

Чтобы быть похожим на рыбака, он взял несколько пойманных мной рыбешек и скрылся в камышах.

6

Вечером мы пьем с 713-м. Он и не подозревает о том, что у него давно есть номер, что большой компьютер уделил ему особое внимание, что вокруг горного отеля собраны немалые силы ГРУ, что из Аквариума прибыл один из ведущих психологов ГРУ полковник Стрелнев, который проводил анализ короткого фильма, снятого мной. 713-й не знает: работу его лицевых мышц анализировали, может быть, самые успешные психиатры тайного мира разведки.

Мы пьем и смеемся. Мы говорим обо всем. Я начинаю говорить о погоде, о деньгах, о женщинах, об успехе, о власти, о сохранении мира и предотвращении мировой ядерной катастрофы. Должна быть какая-то тема, которую он поддержит и начнет говорить. Главное, чтобы он говорил больше меня. Для этого нужен ключик. Для этого нужна тема, которая его интересует. Мы снова пьем и снова смеемся. Ключик найден. Его интересуют акулы. Смотрел ли я фильм «Челюсти»? Нет, еще не смотрел. Ах, какой фильм! Акуля пасть появляется, когда зал, полный зрителей, ее не ждет. Какой эффект! Мы снова смеемся. Он рассказывает мне о повадках акул.

Удивительные существа... Мы снова смеемся. Он старается угадать, какой я национальности. Грек? Югослав? Смесь чеха и итальянца? Смесь турка с немцем? Да нет же, я русский. Мы оба хохочем. Что же ты тут, русский, делаешь? Я — шпион! Ты хочешь меня завербовать?! Да! Мы хохочем до упаду.

Потом он вдруг перестал смеяться.

— Ты правда русский?

— Правда.

— Ты шпион?

— Шпион.

— Ты пришел вербовать меня?

— Тебя.

— Ты все обо мне знаешь?

— Не все. Но кое-что.

Он долго молчит.

— Наша встреча заснята на пленку, и ты будешь теперь меня шантажировать?

— Наша встреча заснята на пленку, но шантажировать я не буду. Может быть, это не совпадает со шпионскими романами, но шантаж никогда не давал положительных результатов, и потому не используется. По крайней мере, моей службой.

— Твоя служба — КГБ?

— Нет. ГРУ.

— Никогда не слышал.

— Тем лучше.

— Слушай, русский. Я давал клятву не передавать никаких секретов иностранным державам.

— Никаких секретов никому передавать не надо.

— Чего же ты от меня хочешь? — Он явно никогда не встречал живого шпиона, и ему просто очень интересно со мной поговорить.

— Ты напишешь книгу.

— Про что?

— Про подводные лодки на базе Рота.

— Ты знаешь, что я с этой базы?

— Потому я и вербую тебя, а не тех за соседним столом.

Мы снова смеемся.

— Мне кажется, что все как в кино.

— Это всегда так бывает. Я тоже никогда не думал, что попаду в разведку. Ну, спокойной ночи. Эй, девочка, счет.

— Слушай, русский, я напишу книгу, и что дальше?

— Я опубликую эту книгу в Советском Союзе.

— Миллион копий?

— Нет. Только сорок три копии.

— Немного.

— Мы платим семнадцать тысяч долларов за каждую копию. Контракт мы не подписываем. 10% мы платим немедленно. Остальные сразу по получении рукописи, если, конечно, в ней освещены вопросы, интересующие наших читателей. Потом книгу можно опубликовать и по-английски. Если западному читателю что-то может быть не интересно, это можно в американском издании упустить. Так что никакой передачи секретов нет. Есть только свобода печати, и ничего больше. Люди пишут не только про подводные лодки, но и про кое-что пострашней, и их никто за это не судит.

— И всем им вы тоже платите?

— Некоторым.

Я оплатил счет и пошел спать в свой номер.

Глава XIV

1

Чувство глубокое и неповторимое: возвращаться в родные бетонные казематы после самостоятельной вербовки.

Неделя отсутствия замечена всей нашей ордой, всей сворой. Если добывающий офицер отсутствует три дня — ясно, в обеспечении работал. А если больше недели? Где был? Всем ясно, на вербовке.

И вот иду я по коридору. Вся наша шпионская братия расступается и при моем приближении умолкает. А я губы кусаю, чтобы не улыбнуться. Не положено мне улыбаться до командирского поздравления, неприлично.

А они тоже традиции уважают. Никто вопроса нескромного не задаст. Никто не улыбнется. Никто не поздравит. Не положено никого поздравлять до командирского поздравления. Никто, конечно, не знает, с чем меня поздравлять, но каждый понимает, что есть такая причина. Каждый каким-то внутренним чувством понимает, что я триумфатор сейчас. И серый мой помятый костюм — это мантия пурпурная. И каждый сейчас на моей голове сияющий венец в бриллиантах видит.

Приятно думать, что нет ни в ком сейчас зависти, но — понимание, уважение есть, радость. И есть гордость и за меня и за всех нас: вот идешь ты, Витька, по красному ковру прямо к генеральскому кабинету, и рады мы за тебя, и мы вот так же по этому ковру хаживали, а если нет, то обязательно вот так же гордо и сдержанно пойдем по нему.

Смотрит на меня шпионская братия, дорогу уступает. И как-то радостно всем и смешно, что вот вернулся я, и не попался, и не скрутили меня, не повязали, не обложили, как медведя в берлоге, не гнали собаками, как раненого волка.

Дверь командирского кабинета передо мной открывается. Сам Навигатор меня на пороге встречает. Просто все. Посторонился, пропуская в дверь: заходи, Виктор Андреевич. Вроде ничего и не случилось, да только такое обращение совсем необычно. И оттого кто-то в глухой тишине так глубоко вздохнул, что командир в дверях обернулся и засмеялся.

И за командиром все засмеялись этому простодушному вздоху.

Устав ГРУ категорически запрещает объявлять одним офицерам что-либо о работе других, будь то успехи или провалы. Навигаторы устав свято соблюдают. Понимают, что никто не должен знать больше, чем положено для выполнения своих функций. Но как же тогда поддерживать атмосферу жестокой конкуренции внутри тайной организации? И потому выдумывают командиры всяческие хитрости, чтобы устав обойти и продемонстрировать всей своре свое персональное расположение к одним и неудовольствие к другим. Находят командиры эти пути.

В моем случае — сразу вслед за мной по коридору продефилировал шестой шифровальщик в белых перчатках с серебряным запотевшим ведерком и бутылкой шампанского в нем.

Ведерко со льдом да накрахмаленные салфетки братия дружным гулом одобрения встретила: лихо Батя устав обходит! А Витька Суворов, прохвост, эвон на какие высоты взлетел. На форсаже вверх идет. Молодые борзят о моем взлете с блеском в глазах говорят. Старые мудрые варяги головами качают. Они знают, что в жизни добывающего офицера успех — самое тяжелое время. Успеху предшествует дикое напряжение сил, нечеловеческая концентрация внимания на каждом слове, на каждом шаге, на каждом дыхании. Вербующий разведчик собирает в кулак всю свою волю, свой характер, все знания и наносит удар по своей жертве, и в этот момент величайшего напряжения и концентрации воли против объекта вербовки он еще и обязан следить за всем происходящим вокруг него.

Успех — это расслабление. Внезапная разрядка может кончиться катастрофой, срывом, истерикой, глубочайшей депрессией, преступлением, самоубийством. Мудрые варяги знают это.

И Навигатор знает. И оттого он и радостен и строг. Навигатор мне на какие-то несуществующие мои промахи указывает: дабы не взорвался я от ликования. А как не ликовать? Он согласен. Он взял деньги. Он взял список вопросов, которые должны быть отражены в книге (в английском издании многие из этих деталей могут быть опущены). Получив 10%, он в наших лапах. 73 тысячи он растратит быстро, и ему захочется получить остальные. Опыт ГРУ говорит, что было множество людей, желавших получить 10% и ничего потом не делать. Но каждый из них, почувствовав вкус денег, за которые не надо много работать и не надо много рисковать, делал работу на совесть и получал остальное. Это правило без исключений.

2

Не знаю почему, но успех не радует меня. Правы, наверное, люди, которые говорят, что счастье можно испытывать, лишь карабкаясь к успеху. А как только успеха достигнешь, то уже не ощущаешь себя счастливым. Среди тех, кто добился успеха, мало счастливых людей. Среди оборванных, грязных, голодных бродяг гораздо больше счастливых, чем среди звезд экрана или министров. И самоубийства среди всемирно признанных писателей и поэтов случаются гораздо чаще, чем среди дворников и мусорщиков.

Мне плохо. Я не знаю почему. Сейчас я готов на все. Почему, интересно, нас никто не вербует? Вот если бы сейчас подошел ко мне американский дипломат и сказал: «Эй, ты, давай завербую!»

Не вру, согласился бы. Он бы удивлялся, зная повадки ГРУ. Эх ты, дурак, сказал бы мой американский коллега, ты соображаешь, что тебя ждет в случае провала? Соображаю, радостно ответил бы я. Ну, вербуй меня, проклятый капиталист! Я на тебя без денег работать буду. То, что американская разведка мне передавать будет,

клади в свой карман! Я просто так хочу головой рисковать. Разве не упоительно по краю пропасти походить? Разве не интересно со смертью поиграть? Ведь находятся же идиоты, которые на мустангах скачут диких или перед бычьими рогами танцуют. Не ради денег. Удовольствия ради.

Ну, вербуйте меня, враги, я согласен!

Что же молчите?

Проверки, проверки, снова проверки. Совсем замучили проверки, надоели.

Завербованных нами друзей проверять легко. Всех их постоянно контролирует Служба информации, конечно, не зная ни их имен, ни их биографий, ни занимаемых постов. Один и тот же вопрос можно освещать, находясь в тысячах километров от интересующего ГРУ объекта: планы германского Генштаба освещались из Женевы, но и из Токио, но и из Никосии. И ни один источник не подозревает о существовании других, ни их возможностей.

Если данные одного источника резко отличаются от других, то, значит, что-то неладно с этим источником. Но может быть и наоборот: что-то неладно со всеми другими источниками — они заглатывают дэзу, и лишь один глаголет истину. Во всяком случае, если с разных концов света поступает один и тот же аппарат, который вдобавок ко всему при копировании дает положительные результаты и разрешает проблемы армии, то можно пока не беспокоиться. Пусть даже друг перевербован. Пусть он двойник. Не беда. Давал бы материальчик. Если полиция думает так дорого платить только за то, чтобы поиграть с нами, пусть платит. Мы и такие подарки принимаем. А как только подарки окажутся негодного качества, с гнильцой, информация нам быстро об этом просигнализирует.

Но Аквариум не только друзей проверяет, но и нас. Проверяет часто, утомительно, придирчиво. Против нас

другой метод придуман — провокация. За время учебы и работы много я таких штучек от Аквариума получал. Все они беспокоятся — как я реагировать буду. А я правильно всегда реагировал: немедленно обо всем, что со мной приключится, что с друзьями моими случается, все и точно своему командиру докладываю. Увидел в лесу своего друга — командиру доложи. С другом ничего не случилось, значит, он на операции в том лесу был, а может, он там просто находился, чтобы командир проверить мог: увижу ли я его, доложу ли вовремя. Меня все время проверить пытаются: кто для меня дороже — Аквариум или друг. Конечно, Аквариум! А попробуй не доложи! А если это только проверка? Вот и конец всему, вот ты уже и на конвейере.

Впрочем, последнее время мне доверять больше стали. Я теперь сам постоянно в проверках участвую. Вот и сейчас, темной ночью, бросив далеко машину, я шлепаю по лужам в темноте. Ногам холодно и мокро. Когда вернусь домой, обязательно в ванну залезу на целый час, попарюсь.

В кармане у меня пакет, в котором — Библия. Книжечка маленькая совсем, на тоненькой бумаге отпечатана. Это их всякие религиозные общества так специально выпускают, чтобы удобнее в Союз провозить можно было. Библию эту я в почтовый ящик брошу. Почтовый же ящик Вовке Фомичеву принадлежит — он капитан, помощник военного атташе — наш то есть парень, из Аквариума, недавно прибыл. Догадывается он или нет, но ему сейчас Аквариум серию гадостей подбрасывает. Вот я и иду к его дому.

Библию он завтра утром из своего почтового ящика достанет — их всякие религиозные общины и организации нам постоянно подбрасывают. Вряд ли он знает будет, что это мы на этот раз в его ящик пакет опускаем. Может, книжечка заинтересует его, может, он ее ради бизнеса сохранить попытается: в Союзе народ с ума по-

сходил, за такие книжечки уйму денег платит, не скупится. Завтра — выходной, на работу идти не надо. Вот мы и полюбуемся — прибежит он утром с докладом или тайно выбросит, чтоб лишних неприятностей не было. Но любой из этих вариантов, кроме первого, кроме немедленного рапорта — для него конец означает. Конвейер то есть.

Холодно, мокро. Листья ветер по тротуару гонит. А как попадет листок в лужу, вот и все. Влип. Больше не летает. Его теперь мусорная метла подхватит. Заметет.

Никого на улицах. Лишь я — одинокий шпион великой системы. Я своего собрата сейчас проверяю. Впрочем, трудно сказать, кто кого проверяет. Вовка Фомичев — мне друг. Мы с ним уже дважды на операции совместные выходили. Работает он мастерски и уверенно. Но, черт его знает, прибыл он недавно, а может быть, со спецзаданием. Может быть, с его помощью меня сейчас проверяют? То-то он ко мне в друзья мостится. Опыта желает набраться! Может быть, это меня вновь проверяют. Брошу я пакет в его ящик, а сам его по-дружески предупредить попытаюсь, чтоб бегом докладывать бежал. Тут мне и конец. Тут уж меня на конвейер поставят: друг тебе дороже доблестной советской военной разведки?

Дом Вовки Фомичева — большой, нарядный, в нем множество дипломатов живет всяких наций и стран. Дом, конечно же, под контролем полиции, парадные двери во всяком случае. Может быть, и нет, но лучше предполагать, что да, и на основе такого предположения строить свои планы. Поэтому я не через парадный вход иду. Я темными задними дворами мимо аккуратных мусорных ящиков — в подземный гараж. Ключи у нас есть от очень многих гаражей и подъездов домов, в которых обычно дипломаты живут. В любой отель Вены я тоже без труда пройду. У нас громадный шкаф с ключами. И где наши собратья из Аквариума ни пройдут, они везде копии ключей снимают. Главное — установить точный

порядок учета и хранения, чтоб вовремя нужный ключик найти. Сегодня у меня в кармане три ключа. Если надо, я к Вовке и в квартиру залезть могу. Откуда ему знать, что три года назад в этой квартире его неудачливый предшественник жил, который и сделал для ГРУ копии ключей? К сожалению, ни на что более героическое у него сил не хватило, и он был с позором эвакуирован и изгнан из Генерального штаба.

От мусорного ящика коты в разные стороны метнулись с воем душераздирающим. Это хорошая примета: значит, тут поблизости других людей нет. Может, телекамера скрытая? Света нет — экономят. Зачем на заднем дворе свет? Но телекамера может работать и в инфракрасных лучах. Поэтому пальто у меня расстегнуто так, чтобы скрепка галстука была видна. На вид она совсем обычная, но покрыта особой краской, и если в темноте меня облучат инфракрасными лучами, то она будет светиться. Ибо она — индикатор ИК-излучений. Повернувшись вокруг, я и направление скрытой камеры могу определить. Если за мной следят, я малую нужду меж мусорных ящиков справлю да и побреду дальше. Но застежка не блестит, наблюдения нет. Я достаю ключ и осторожно вставляю в скважину. Дверь гаража тихо скользит в сторону. Я в громадном гараже с сотнями машин.

Ступаю осторожно. Но моя походка не должна быть крадущейся, а взгляд вороватым. Пусть думают, что я только что приехал, оставил в парке свою машину и иду домой. Стальную дверь открываю другим ключом. На лифте из подземного гаража я поднимаюсь на самый верхний этаж и жду там несколько минут, внимательно прислушиваясь. Дом спит. Ни дверь не стучит, ни лифт не скользит по шахте. Я смотрю на часы. Если за мной и следят, мое посещение должно остаться непонятным. Может, я к американскому дипломату на встречу пришел, может, меня женщина ждет. Если за мной следят, то даже истинная моя цель — бросить Библию в почтовый

ящик — может им показаться маскировкой, а над истинной целью они будут долго думать: слишком долго я оставался наверху.

Впрочем, лифты так и замерли в шахтах, и по лестницам никто не ходит, полная тишина.

Теперь я осторожно спускаюсь вниз по лестнице. Ступаю не на носки и не на всю площадь подошвы. Нет.

Я касаюсь пола только внешними рантами ботинок, как клоун, искривив ноги колесом. Подошвы у меня мягкие. Не скрипят. Но все же лучше идти так, как учили. Так никогда не слышно шагов. Вот нижний этаж. В мраморном вестибюле десятки дверок почтовых ящиков. Я знаю, какой нужен мне, но останавливаюсь у многих, разглядывая надписи с именами владельцев. Всем телом прилегаю к блоку ящиков и незаметно бросаю пакет в нужную щель. Если бы мне в спину смотрели, то вряд ли точно определили, какой ящик интересовал меня и что я с ним сделал.

Со скучающим видом, не обнаружив ничего интересного, я дальше спускаюсь по лестнице вниз, в подземный гараж.

Тот, кто использует один и тот же путь для входа и для выхода, демонстрирует отсутствие вкуса к конспиративной работе. Я вкус этот чувствую. Он не похож ни на вкус вина, ни на вкус любви, ни на вкус борьбы. Вкус конспиративной жизни не похож ни на какие другие, я его понимаю и ценю. У меня он есть. И не отсутствие вкуса вновь гонит меня в темный гараж. Просто нет у меня лучшего пути.

3

У меня вновь недосып. А когда выспишься? Глаза воспалены. Я рано утром в Забое появляюсь, хоть сегодня и выходной. Я Вовку жду. Если бы он появился еще раньше меня, это было бы великолепно. Но только

Саша-Аэрофлот в углу зевает. У него глаза тоже красные. Он, наверное, тоже каверзы кому-то ставил, может быть, даже мне. Он тоже, наверное, ждет кого-то, кто должен прибежать запыхавшись. Он передо мной оправдывается: нужно срочно финансовый отчет закончить. Я, конечно, понимаю, что это правда, но не вся. В 6 утра в воскресенье его в Забой другая нужда пригнала. Я ему говорю, что у меня к следующей почте три отчета об операциях еще не отпечатаны. Это действительно так. Но только и он понимает, что это не единственная причина, пригнавшая меня сюда. Он вид делает, что работает, а сам на часы поглядывает. Я тоже вид демонстрирую. Сам тоже на часы поглядываю, но украдкой. Документы я на своем рабочем столе разместил, а сам в стенку смотрю. Жаль, окошек нам не положено иметь в рабочих помещениях.

В 10 утра Младший лидер приглашает Сашку-Аэрофлота в свой кабинет. Теперь в большом рабочем зале я один.

В 11.32 появляется Навигатор.

— Ну что?

— Товарищ генерал, я подарок вложил без происшествий. Но он еще не отреагировал.

По выражению лица Навигатора я понимаю, что это не меня проверяли, а Вовку Фомичева. Элементарная провокация. Он клюнул. По какой-то причине, найдя Библию в почтовом ящике, он немедленно не доложил руководству. А если с ним что-то серьезное случится, доложит ли он тогда или нет? Ясно, что он опасен всей нашей тайной организации и всей советской системе.

— Виктор Андреевич, иди домой, отдыхай. Вернешься в 6 вечера.

— Есть.

Весь мир имеет выходные дни. Дни, когда никто на работу не ходит. Советские дипломаты по два таких дня в неделю имеют. Суббота и воскресенье.

Но ГРУ не имеет выходных дней. И КГБ тоже. Но вот представим себе картину, что в каждый выходной часть дипломатов в посольство не ходит. А другая, большая часть — ходит. Все сразу ясно станет, кто чистый дипломат, а кто не очень.

Чтобы этого не случилось, много всяких хитростей придумано, чтобы чистого дипломата в выходной день в посольство завлечь, чтобы его широкой дружеской улыбкой загородиться, чтобы активность резидентур скрыть. Посольство в выходной день — муравейник, и — неспроста. В выходные, и только в выходные, почту из Союза выдают. Письма да газеты. Всем «Известия» нужны. Там курс валют печатается. Каждый вычислениями занят: сейчас менять валюту на сертификаты или подождать, курс валют скачет. Какова позиция советского Госбанка через неделю будет, одному только Богу известно, но никому другому, даже и председателю Госбанка.

А еще по выходным дням в посольствах советских по всему миру особые магазины работают — с ценами удивительными; вся советская колония в магазин валом валит. А еще в воскресенье лекции читают. Все тоже валом валят. Но не потому, что лекции любят. Там на лекциях всем крестики ставят: был, не был. Вообще-то никого не заставляют на лекции ходить, дело твое. Но если вдруг покажется кому-то, что Иван Никанорович, к примеру, апатию проявляет и политикой особенно не интересуется, то ему эвакуация. Внезапно ночью ему в дверь позвонят: папаша ваш не в себе, проститься желает.

И конвой Ивану Никаноровичу приставят. Хочешь прощаться с родителем, не хочешь, а пошли — к самолету.

А еще по воскресеньям в советских посольствах фильмы показывают. Новые и не очень новые. Тоже народ валом валит. Массовость посещения — признак высокой сознательности, нерасторжимой связи с социалистической родиной.

Много народа по выходным в посольстве. Машину поставить негде. Но я поставил. У меня на этот случай место особое зарезервировано.

Мы с Навигатором по парку гуляем. Парк огромный. Беседуем. Мы на ворота издали поглядываем. Тут же — Петр Егорович Дунаец, вице-консул, да Николай Тарасович Мороз, первый секретарь посольства — прогуливаются. Нас они вроде не замечают. Но не зря они тут гуляют. Готовится эвакуация. Помощник советского военного атташе в Вене капитан ГРУ Владимир Дмитриевич Фомичев — ненадежен. Самолет уже вызван. В эвакуации участвует очень ограниченное число людей: Навигатор — это его решение, я — потому что в проверке участвовал и знаю о ненадежности Фомичева, полковники Дунаец и Мороз — заместитель и первый заместитель резидента.

Вот серый «форд» Фомичева плавно проплыл через ворота. В кино помощник военного атташе приехал с супругой. Отчего же ты, Володя, утром не прибежал, высунув язык? Отчего ты Библию с собой не принес? Зачем ее спрятал? Ну зачем она тебе нужна? Бога нет, усвоить пора. Выдумки про Бога — гнусная антисоветская стряпня. Рай не после смерти. Рай на земле нужно строить. Если ты думаешь, что рай после смерти наступит, то этим самым самоустраняешься от активного строительстварая на земле. Это бабкам неграмотным простят. Тебе — нет. На конвейер пойдешь. Из тебя правду сумеют вырвать. Зачем Библию прятал? Может, ты ее и не прятал совсем. Может, ты боялся неприятностей и поэтому взял и выбросил ее в мусорный ящик, думал, никто не узнает. А мы все знаем: обо всем, что с тобой случается, ты обязан докладывать. Молчания тебе ГРУ не простит.

Заместитель командира медленно (гуляет!) побрел к воротам. Войти в посольство можно только одним путем, но и выйти можно только им. Путь этот уже отрезан

для помощника военного атташе. У ворот охрана. Она ничего не знает. Охрана так ничего и не узнает, если помощник военного атташе не попытается бежать. А если попытается, то мышеловка захлопнется перед самым его носом. Командир и Младший лидер к библиотеке бредут. Не спешат. Они тоже гуляют. Там, возле библиотеки, запасной вход в бункер.

Я немного еще тут подожду.

Вот Боря, третий шифровальщик, на парковку спешит. Боря в эту тайну не посвящен. Его задача — подойти, поздороваться и сказать: «Владимир Дмитриевич, вам шифровка».

Я издалека наблюдаю.

Вот Боря около машины. Вот Фомичев выходит. Выражения лица не видно. Вот он что-то жене говорит. Вот он ее целует слегка. Вот она одна пошла к кинозалу. Эх, не знаешь ты, капитан, что тебя ждет! Преступник ты. Не доложил командиру, что буржуазный мир тебя совратить пытается, сбить с правильного пути. За это, капитан, тебя, конечно, не расстреляют, но в тюрьму посадят — за попытку обмануть резидента. А в тюрьме еще тебе срок добавят. Там таким, как ты, добавляют обязательно. Если ты когда-нибудь из тюрьмы выйдешь (у нас особая тюрьма есть), то жена с тобой вряд ли встретиться пожелает. Она бросит тебя. Я ее лицо видел однажды на дипломатическом приеме близко совсем. Бросит наверняка.

Пора и мне.

Стальная дверь. Коридор. Лестница вниз. Еще дверь. Это та дверь, что с черепом улыбающимся. Снова вниз. В бункер. В Забой. Большой рабочий зал. Коридор. Малый рабочий зал. Еще коридор. Двери направо и налево. Он сейчас в комнате Младшего лидера. Жму на звонок. Лицо Младшего лидера появляется из-за двери. Дверью он, как щитом, прикрывается. Что внутри кабинета — не разглядишь.

— Чего тебе?

— Помощь нужна?

— Да нет. Иди, Виктор Андреевич, кино смотри. Сами справимся.

— До свидания, Николай Тарасович.

— До свидания.

По коридору. По лестницам вверх. Малый рабочий зал...

— Витя! — Младший лидер за мной спешит.

— Слушаю вас.

— Витя, совсем забыл. Дождешься конца фильма. Встретишь его жену Валентину, скажешь, что муж ее на срочном задании на два дня. Пусть не волнуется. Секретное задание, скажешь. Сообразишь так, чтобы она не заподозрила. И домой ее отвезешь. А пока машину его с парковки убери. В подземный гараж спрячь, вот ключи. Все. До завтра.

— До свидания, Николай Тарасович.

Валя Фомичева — женщина особая. На таких оборачиваются, таким вслед смотрят. Она небольшая совсем, стрижена, как мальчишка. Глаза огромные, чарующие. Улыбка чуть капризная. В уголках рта что-то блудливое витает. Но это только если присмотреться внимательно. Что-то в ней дьявольское есть, несомненно. Но не скажешь — что. Может быть, вся красота ее дьявольская. Зачем ты, Володя, себе такую жену выбрал? Красивая жена — чужая жена. Кто на нее в посольстве только не смотрит? Все смотрят. И в городе тоже. Особенно южные мужчины, французы да итальянцы, высокие, плотные, с легкою сединой. Им эта стройная фигурка покоя не дает. Едем в машине, останавливаемся на перекрестке, взгляды упрекающие меня сверлят: зачем тебе, плюгавый, такая красивая женщина?

А она вовсе и не моя. Я ее домой везу, ибо муж ее уже на конвейере, уже показания дает. Из него еще тут,

в Вене, вырвут нужные признания. А потом он в Аквариум попадет, в огромное стеклянное здание на Хорошевском шоссе.

Валя, его жена, об этом пока не догадывается. Ушел в ночь, в обеспечение. Ее это не волнует, привыкла. Она мне о новых блестящих плащах рассказывает, вся Вена такие сейчас носит. Плащи золотом отливают, и вправду красивые. Ей такой плащ очень пойдет. Как Снежная королева, будешь ломать наш покой своим холодным надменным взглядом. Сколько власти в ее сжатых узких ладонях. Несомненно, она повелевает любим, кто встретится на ее пути. Если сжать ее, раздавишь, как хрустальную вазу. С такой женщиной можно провести только одну ночь, а после этого бросать и уходить, пусть будет огорчена. В противном случае — закабалит, подчинит, согнет, поставит на колени, я знаю таких, в моей жизни была точно такая женщина. Тоже совсем маленькая и хрупкая. На нее тоже оборачивались. Я ушел от нее сам. Не ждал, когда прогонит, когда обманет, когда поставит на колени.

Глуп ты, капитан, что за такой пошел. Наверняка знаю, что она смеялась тебе в лицо, а ты, ревнивец, следил за ней из-за угла. А потом, повинувшись мимолетному капризу, она согласилась стать твоей женой. Ты и сейчас на конвейере только о ней думаешь. Тебе один вопрос покоя не дает: кто ее сейчас домой везет. Успокойся, капитан, это я, Витя Суворов. Не нужна она мне, обхожу таких стороной. Да и не в Вене этими вещами заниматься. Слишком строго мы друг друга судим, слишком пристально друг за другом следим.

— Суворов, ты почему никогда мне не улыбаешься?

— Разве я один?

— Да. Мне все улыбаются. Боишься меня?

— Нет.

— Боишься, Суворов. Но я заставлю тебя улыбаться.

— Угрожаешь?

— Обещаю.

Остаток пути мы молчим. Я знаю, что это не провокация ГРУ. Такие женщины только так и говорят. Да и не может сейчас ГРУ следить за мной. Операции ГРУ отточены и изящны. Операции ГРУ отличаются от операций любых других разведок простотой.

ГРУ никогда не гоняется за двумя зайцами одновременно. И оттого ГРУ столь успешно.

— Надеюсь, Суворов, ты не бросишь меня возле дома. Я красивая женщина, меня на лестнице изнасиловать могут, отвечать ты будешь.

— В Вене этого не бывает.

— Все равно я боюсь одна.

В этой жизни она ничего не боится, я знаю таких женщин: зверь в юбке.

В лифте мы одни, она смеется:

— Ты уверен, что Володя ночью не вернется?

— Он на задании.

— А ты не боишься меня одну ночью оставлять, меня украсть могут.

Лифт плавно остановился, я открываю перед ней дверь. Она квартирную ключом отпирает.

— Ты что сегодня ночью делаешь?

— Сплю.

— С кем же ты спишь, Суворов?

— Один.

— И я одна, — вздыхает она.

Она переступает порог и вдруг оборачивается ко мне. Глаза жгучие. Лицо чистенькой девочки-отличницы. Это самая коварная порода женщин. Ненавижу таких.

Эвакуация всегда производится только самолетом, быстро. И полицейский контроль только один раз.

Эвакуация всегда производится днем: ночью полиция более подозрительна, утром новая смена — свежие силы.

Вечером самолеты в основном в дальние рейсы не уходят — поэтому эвакуация днем.

Расписания рейсов Аэрофлота в направлении Москвы из большинства стран составлены так, чтобы самолет уходил днем. Не везде это возможно, но где возможно, сделано именно так. Не каждым рейсом Аэрофлота людей эвакуируют. Но если потребуется, все предусмотрено заранее.

Бывший капитан ГРУ, бывший помощник военного атташе сидит на табуретке. Голова на груди. Он не связан. Он просто сидит. Но у него больше нет желания кричать и буянить. Он уже прошел первую стадию конвейера. Он признался: да, была Библия в почтовом ящике. Нет, религией не интересовался. Да, проявил халатность, Да, бросил в мусорный ящик. Третий слева. Библия уже на столе лежит. Нашли ее. Доказательство! Библия в целлофановом пакете.

Пока я твою жену возил, из тебя, капитан, в это время первый слой показаний извлекали. Да, обманывал Навигатора и раньше. Посещал проститутку четыре раза. Нет, с западными разведками не связан. Вербовочных предложений от них не получал. Нет, секретных сведений им не передавал.

Эвакуация.

— Спирт.

Вместо медицинского спирта мы обычно джин «Гордон» используем. Из командирского бара.

— Шприц.

Шприц одноразовый. Точно как в Спецназе. Но это не «Блаженная смерть», это просто «Блаженство».

Место укола надо тщательно протереть проспиртованной ваткой, чтобы не было заражения.

Аэропорт. Грохот двигателей. Блестящий пол. Сувениры. Много сувениров. Куклы в национальных нарядах. Зажигалки «Ронсон». Контроль билетов.

— Багаж?

— Нет багажа. Краткосрочная командировка.

— Предъявите паспорта!

Наши паспорта зеленого цвета. «Именем Союза Советских Социалистических Республик, Министр иностранных дел Союза ССР...»

Проходим.

Нас трое. Бывший капитан. Я. Вице-консул. Бывший капитан путешествует. Мы — провожающие лица. Якобы. На самом деле мы — прямое обеспечение. А вон там, у киоска с бутылками — Генеральный консул СССР.

Общее обеспечение. Оградить! Предотвратить! Отмазать!

Теперь к самолету. «Дипломатическая почта» — это про нас.

Проходим.

Через поле — к самолету. Совсем недалеко, даже автобуса не надо. ТУ-134. Два трапа. Задний для всех. Передний — для особо важных персон и для дипломатической почты, для нас то есть. У трапа еще одна стюардесса. Чего зубы скалишь, радуешься? Но откуда ей, стюардессе, знать, что бывший капитан уже не особо важная персона? Откуда ей знать, что улыбается он просто потому, что его «Блаженством» кольнули.

У трапа — дипломатические курьеры. Двое. Крупные. Они знают, что за груз у них сегодня. Они вооружены и не скрывают этого. Такова международная дипломатическая практика. Таковы правила, установленные еще Венским конгрессом 1815 года...

Они помогают бывшему капитану подняться по трапу. У бывшего капитана почему-то ноги на ступени трапа не попадают. Тащатся ноги. Ну, это ничего. Поможем. У двери два больших человека чуть развернули бывше-

го капитана боком: втроем в дверь не войдешь. Я вновь вижу их лица. Бывший советский военный дипломат улыбается тихой доброй улыбкой. Кому улыбается? Может быть, даже мне.

И я улыбаюсь ему.

Глава XV

1

— Надевай, — приказывает Навигатор. Я надеваю на голову прозрачный шлем. Он делает то же самое. Теперь мы на космонавтов похожи. Наши шлемы соединены гибкими прозрачными трубами.

Подслушать то, что говорят в командирском кабинете, невозможно. Даже теоретически. Но если в дополнение ко всем системам защиты он приказывает еще воспользоваться и переговорным устройством, то, значит, речь пойдет о чем-то совсем интересном.

— Ты делаешь успехи. Не только в добывании. Недавно ты прошел серию проверок, организованных Аквариумом и мной лично. Ты не догадывался о проверках, но прошел их блестяще. Сейчас ты в доверии нулевой категории...

Если это правда, то ГРУ меня слегка переоценивает. За мной грешки числятся. Я не святой. А может быть, Навигатор мне всей правды не говорит. Не зря его Лукавым зовут.

— ГРУ доверяет тебе проведение операции чрезвычайной важности. В Вену в ближайшее время прибывает Друг. Он важен для нас. Насколько важен, можешь судить сам: им руководит генерал-полковник Мещеряков лично. Кто этот Друг, я не знаю и не имею права знать. А тебе и тем более этого знать не полагается. Понятно, что с таким человеком мы не встречаемся лично. Нико-

гда. Он работает через систему тайников и сигналов. Однако ГРУ готово провести встречу с ним в любой момент. Мы должны быть уверены, что контакт может быть установлен в любых обстоятельствах, в любое время. Поэтому раз в несколько лет проводятся контрольные встречи. Он получает боевой вызов и идет на связь. Но мы в контакт не вступаем. Только смотрим издали за ним. Его выход — это подтверждение ГРУ, что связь работает нормально. Кроме того, мы проверяем безопасность вокруг него. Сейчас будет проведена такая операция. Приказом начальника ГРУ контрольную операцию приказано проводить тебе. Для тебя будет снят номер в отеле. Проверять будешь двое суток с мощным обеспечением. Исколесишь всю страну. Машину свою бросишь в Инсбруке. Исчезнешь. Растворишься. В Вене появишься, как призрак. Проведешь окончательную проверку. Войдешь в отель через ресторан. Незаметно вверх. Все будет подготовлено. У тебя будет «Минокс» с телеобъективом. Аппарат заряжен пленкой «Микрат 93 Щит». Пленка имеет два слоя: отвлекающий и боевой. На отвлекающем слое сделаны снимки австрийских военных аэродромов. Боевой слой ты будешь использовать для работы. Если тебя арестуют — попытайся пленку вырвать из камеры и засветить ее. Если это не удастся, они проявят ее. Они получат изображение аэродромов, но проявителем уничтожат боевой слой. Пусть они примут тебя за мелкого шпиона. Все понял?

— Да.

— Тогда слушай дальше. Друг в точно определенное время выйдет к витрине обувного магазина. Ты будешь находиться в ста метрах от него и на восемнадцать метров выше. Отснимешь на пленку появление Друга. Я не знаю, кто это будет. Может быть, женщина, переодетая мужчиной. Может быть, мужчина, переодетый женщиной. Не смущайся, если даже одежда грязная, а волосы не расчесаны, так лучше для дела. В течение получаса до

появления Друга фиксируй на пленку любое движение, которое тебе покажется подозрительным. Как узнать его? Он появится в точно определенное время в точно определенном месте. Свернутая газета в правой руке — опознавательный знак и одновременно сигнал благополучия. Та же газета в левой руке — сигнал опасности. Друг идет на встречу. Он не знает, встретим мы его или нет. Но если он под контролем, он может предотвратить встречу. Этим он спасает нашего офицера и одновременно свою шкуру. Если он под контролем полиции, в его интересах сократить количество контактов с нами. Если через пять минут никто не вступит в контакт с ним, он уйдет и будет вновь выходить на связь, когда мы этого потребуем. Возможно, через десять лет и на другой стороне планеты. И, возможно, вновь мы только проверим его, не вступая в контакт. Что не ясно?

— Все ясно.

— Последнее. Время и место проведения операции я тебе сообщу внезапно, прямо перед самым началом. В оставшееся до операции время ты не имеешь права иметь никаких контактов с иностранцами. О любом вынужденном контакте докладывать мне лично. О деле не знает никто, даже первый шифровальщик. Телеграмма моим личным шифром была закрыта. В номере гостиницы с тобой не должен оказаться никакой другой фотоаппарат, кроме того, что я тебе дам перед операцией. Лишний фотоаппарат может стоить тебе головы. Будь осторожен с «Миноксом». Он заряжен в Аквариуме и опечатан. Печати почти не видно. Смотри, не повреди ее. О том, как выглядит Друг, ты не имеешь права рассказывать никому, даже мне. Опечатанный «Минокс» дипломатической почтой уйдет в Аквариум, и там пленку проявят особым способом. Все понял?

— Все.

— Тогда повтори все с самого начала.

Номер отеля подобран со знанием дела. Моя комната угловая. Я могу обозревать сразу три тихие улочки. Вон там обувной магазин. На прилегающих улицах почти никакого движения. До появления Друга три часа десять минут.

Заботливая рука приготовила все, что может мне потребоваться: телеобъектив к «Миноксу» — величиной с батарейку электрического фонарика, большой бинокль «Карл Цейс. Иена», хронометр «Омега», набор светофильтров, карта города, термос с горячим кофе. А «Минокс» я с собой принес.

Вот он, в ладони. Маленький хромированный прямоугольник с кнопками и окошечками. «Миноксом» работают все разведки уже полвека. «Миноксом» работал Филби против британской разведки в интересах советской разведки. «Миноксом» работал полковник Пеньковский против советской разведки в интересах британской разведки. Вот он, на моей ладони. Маленький аккуратный «Минокс». Я присоединяю телеобъектив и пробую снимать. Я только примеряюсь. Для такого маленького аппарата сто метров — большая дистанция. Дрогнет рука — все смажется. «Минокс» не для этого придуман. «Минокс» — снимать документы, разложенные на столе.

Время, лениво переваливаясь, нехотя плетется мимо. Крышка термоса, которая мне чашкой служит, дымит тонкой струйкой, как Везувий над Неаполем. Толстая женщина выходит из дома и идет по улице. Ничего интересного. Проехал почтальон на велосипеде. Опять все замерло. По улице черный «мерседес» проехал. На заднем сиденье утопает в подушках человек, одетый в белые простыни. Это представитель бедной страны поехал на совещание требовать денег от богатых стран.

Дипломаты богатых стран тоже на совещание едут. Но у богатых машины поскромнее. Говорят, что в будущем разрыв между богатыми и бедными странами будет увеличиваться. Так специалисты говорят, им виднее. Большой разрыв будет означать, что дипломаты бедных стран только на «роллс-ройсах» ездить будут, а дипломаты богатых стран, наверное, на велосипеды пересядут для экономии.

Тоненькая стрелка маленького аккуратного хронометра утомительно идет круг за кругом. Опять толстая женщина прошла. Опять прошелестели шины огромного черного автомобиля с дымчатыми стеклами: беднейший опять за помощью едет. Я вновь «Цейсом» улицы шупаю. Не пропустить ничего, запомнить номера. Запомнить лица. Их немного. Запомнить любое движение. Любое изменение. «Минокс» — на боевом взводе, как зенитный пулемет в танке. К бою всегда готов. Все подозрительное — на пленку. Кадры в «Миноксе» крошечные. Поэтому на короткой пленке их очень много умещается. А это что?

Что?!.. Всего я еще не осознал, меня просто переполнило сознание чего-то ужасного и непоправимого. На улице остановился красавец «ситроен». Я его среди тысяч других узнаю — это «ситроен» Младшего лидера. Из машины выходит женщина, быстро наклоняется к Младшему лидеру и целует его. Именно этот момент снимает мой беленький аккуратный «Минокс». Женщина садится в спортивный «фиат» и уезжает. А Младшего лидера давно нет на улице.

Я в кресле сижу, Я кусаю губы. Женщина, конечно, не жена Младшего лидера. Его жену я знаю. Женщина эта — не секретный агент. Навигатор знает время и место любой операции и сейчас в моем районе он наверняка запретил любые операции. Значит, ГРУ вновь проверяет меня. Они посадили меня в эту дурацкую комнату и разыграли комедию. Теперь они ждут, доложу я о проступке обожаемого мной человека или скрою это. Для

того и аппарат дали, чтобы узнать, колебался ли я хоть мгновение или воспользовался им немедленно. А еще по снимку они увидят, дрожали у меня руки или нет.

Но губы я кусаю неспроста. Еще одна возможность остается. Тихая улочка по всем статьям для тайных встреч подходит. О том, что я на шестом этаже сижу за плотными шторами, мало кому известно. Ему могло быть это и неизвестно, если он в операцию лично не вовлечен. Младший лидер и любовница. Американка? Англичанка? Ясно, что иностранка. Советской женщине за рубежом машину иметь не полагается. Тем более спортивную. Зачем ей спортивная? Все машины советскому государству принадлежат, и ими пользуются только те, кто мощь государства бережет и умножает. Если все это не комедия и не проверка, то Младшему лидеру — конец. Капут. Кранты. Конвейер. Полный конвейер с очень неприятным финишем. Однако все это может быть проверкой. Мало ли как каждого из нас проверяли? Именно так я и должен был действовать. Быстро и решительно. Мои пустые глаза смотрят на пустынную улицу. Никто не нарушает ее спокойствия. Только неприятная сутулая фигура с газетой в руке у витрины обувного магазина прозябает. Что ты там, человеке, интересного мог увидеть?

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю в потолок. И вдруг я вскакиваю, опрокинув термос. Я хватаю «Минокс». Я судорожно жму на спуск. Это же ОН! Так, его мать, это ДРУГ! Затвором щелк, щелк. И еще раз. Черт бы побрал всех друзей вместе с генералом-полковником Мещеряковым, вместе с Младшим лидером и его б...дьё. Время истекло. Друг нехотя бросает газету в урну и исчезает за углом.

Качество кадров может оказаться неудовлетворительным, и это выдаст мое душевное состояние. Это прольет свет на факт, что Младшего лидера я выдавать не хотел, что я колебался.

Я встаю. Отсоединяю телеобъектив. Термос, объектив, бинокль я укладываю в пакет и опускаю в урну. Кто-

то после меня все это заберет. «Минокс» в левой руке зажат. Так удобнее вырывать из него пленку при аресте. Ах, если бы меня арестовали. А может, симулировать нападение полиции? Нет, это не пройдет. Генеральный консул в полицию позвонит и узнает, что никто на меня не нападал. Тогда меня на конвейер поставят.

Я выхожу на улицу, и яркое солнце ослепляет меня. Нет. В этом радостном мире все не может быть так плохо. Это была обычная проверка. Обычная провокация ГРУ. И я не клюнул. В академии нам и не такие проверки устраивали. Похлеще. Жизнь самых близких нам людей на карте стояла. А потом выяснялось, что это просто комедии наши начальники разыгрывали. Многие этого не выдерживали.

Я выдержал. А минуты сомнений нам прощали. Мы все-таки тоже люди.

3

— Откуда Друг появился?

Я мгновение размышляю, соврать или нет.

— Я не видел, товарищ генерал.

— У тебя был хронометр. Разве Друг вышел не точно вовремя?

Я молчу.

— Тебя что-то сбilo с толку? Что-то было подозрительным? Непонятным? Необъяснимым? Что-то смутило тебя?

— Ваш Первый заместитель...

Нестерпимая тревога в глазах его.

— ...Ваш Первый заместитель был на месте встречи за двенадцать минут до появления Друга... с женщиной.

Острые косточки на его кулаках белые-белые. И лицо белое. Он молчит. Он смотрит в стену сквозь меня. Потом он тихо и спокойно спрашивает:

— Ты его, конечно, не успел заснять...

Трудно понять, он спрашивает или утверждает. А может, угрожает.

— Успел...

В глаза я ему боюсь смотреть. Я под ноги себе смотрю. Время тоскливо тянется. Нехотя. Часы на его стенке тикают — тик, тик, тик.

— Что делать будем?

— Не знаю, — жму я плечами.

— Что делать будем?! — бьет он по столу кулаком и тут же, брызжа слюной, шипит мне в лицо: «ЧТО ДЕЛАТЬ БУДЕМ?!»

— Эвакуацию готовить! — обозлившись, вдруг огрызаюсь я.

Мой крик успокаивает его. Он утихает. Он просто старик-горемыка, на которого свалилось тяжелое горе. Он сильный человек. Но система сильнее каждого из нас.

Система сильнее всех нас. Система могущественна. Под ее неумолимый топор любой из нас попасть может. Он смотрит в пустоту.

— Знаешь, Витя, полковник Мороз в шестьдесят четвертом году меня от высшей меры отмазал. Я его после этого по всему свету вел за собой. Он вербовал женщин. Но каких женщин! Эх, жизнь. Любил он их. И они его любили. Я знал, что он налево ударяет. Я знал, что у него в каждом городе — любовница. Я прощал ему. И знал я, что попадется он. Знал. Как ты в этой Австрии спрячешься? Ладно. Вдвоем мы эвакуацию сумеем провести?

— Сумеем.

— Шприц в шкафу возьми.

— Взял.

Он нажимает кнопку переговорного устройства.

— Первый шифровальщик.

— Я, товарищ генерал, — отвечает аппарат.

— Первого заместителя ко мне.

— Есть, — отвечает аппарат.

— Садись, — устало говорит Командир. Сам он сидит за столом. Левая рука на столе. Правая в ящике стола. Так там и застыла. Я сзади кресла, на котором теперь Младший лидер сидит. Рука Навигатора в ящике стола уже все сказала Младшему лидеру. А мое присутствие сказало ему, что это я его как-то проверял и на чем-то застукал. Он тянется всем телом до хруста в костях. Затем спокойно заводит руки за спинку кресла. Он знает правила игры. Я щелкаю наручниками. Я осторожно поднимаю рукав его пиджака, расстегиваю золотую запонку и открываю его руку. Тонкую белую салфетку (для чистки оптики) я смачиваю джином из зеленой бутылки. Салфеткой я протираю кожу, куда сейчас войдет игла. Тонким штырьком я пробиваю мембрану шприц-тюбика, не касаясь пальцами иглы. Затем, подняв шприц на уровень глаз, нежно двумя пальцами жму на прозрачные стенки флакончика с прозрачной, чуть мутной жидкостью. Иглу под кожу нужно вводить аккуратно, а содержимое тюбика выдавливать плавно. Затем, не разжимая пальцев (тюбик, как насос, может втянуть всю жидкость в себя снова), я извлекаю иглу и вновь растираю кожу салфеткой с джином.

Кивком Лукавый дает мне знак выйти. Я выхожу из кабинета и, закрывая дверь, слышу его лишенный всяких переживаний голос:

— Рассказывай...

4

Мне плохо.

Мне совсем плохо.

Со мной подобного никогда не случалось. Плохо себя чувствуют только слабые люди. Это они придумали себе тысячи болезней и предаются им, попусту теряя время. Это слабые люди придумали для себя головную боль, приступы слабости, обмороки, угрызения совес-

ти. Ничего этого нет. Все эти беды — только в воображении слабых. Я себя к сильным не отношу. Я — нормальный. А нормальный человек не имеет ни головных болей, ни сердечных приступов, ни нервных расстройств. Я никогда не болел, никогда не скулил и никогда не просил ничьей помощи.

Но сегодня мне плохо. Тоска невыносимая. Смертная тоска. Человечка бы зарезать!

Я сижу в маленькой пивной. В углу. Как волк затравленный. Скатерть, на которой лежат мои локти, клетчатая, красная с белым. Чистая скатерть. Кружка пивная — большая. Точеная. Пиво по цвету коньяку сродни. Наверное, и вкуса несравненного. Но не чувствую я вкуса. На граненом боку пивной кружки два льва на задних лапках стоят, передними — щит держат. Красивый щит и львы красивые. Язычки розовые — наружу. Я всяких кошек люблю, и леопардов, и пантер, и домашних котов, черных и сереньких. И тех львов, что на пивных кружках, я тоже люблю. Красивый зверь кот. Даже домашний. Чистый. Сильный. От собаки кот независимостью отличается. А сколько в котах гибкости! Отчего люди котам не поклоняются?

Люди в зале веселые. Они, наверное, все друг друга знают. Все друг другу улыбаются. Напротив меня четверо здоровенных мужиков: шляпы с перышками, штаны кожаные по колено на ляпочках. Мужики зело здоровы. Бороды рыжие. Кружкам пустым на их столе уже и места нет. Смеются. Чего зубы скалите? Так бы кружкой и запустил в смеющееся рыло. Хрен с ним, что четверо вас, что кулачищи у вас почти как у моего командира полка — как пивные кружки кулачищи.

Может, броситься на них? Да пусть они меня тут и убьют. Пусть проломают мне череп табуреткой дубовой или австрийской кружкой резной. Так ведь не убьют же. Выкинут из зала и полицию вызовут. А может, на полицейского броситься? Или Брежнев скоро в Вену приез-

жает с Картером наивным встречаться. Может, на Брежнев броситься? Тут уж точно убьют.

Только разве интересно умирать от руки полицейского или от рук тайных брежневских охранников? Другое дело, когда тебя убивают добрые и сильные люди, как эти напротив.

А они все смеются.

Никогда никому не завидовал. А тут вдруг зависть черная гадюкой подколодной в душу тихонько заползла. Ах, мне бы такие штаны по колено да шляпу с пером. А кружка с пивом у меня уже есть. Что еще человеку для полного счастья надо?

А они хохочут, закатываются. Один закашлялся, а хохот его так и душит. Другой встает, кружка полная в руке, пена через край. Тоже хохочет. А я ему в глаза смотрю.

Что в моих глазах — не знаю, только, встретившись взглядом со мной, здоровенный австрияк, всей компании голова, смолк сразу, улыбку погасил. Мне тоже в глаза смотрит. Пристально и внимательно. Глаза у него ясные. Чистые глаза. Смотрит на меня. Губы сжал. Голову набок наклонил.

То ли от моего взгляда холодом смертельным веяло, то ли сообразил он, что я хороню себя сейчас. Что он про меня думал, не знаю. Но, встретившись взглядом со мной, этот матерый мужичище потускнел как-то. Хохохот все вокруг него. Хмель в счастливых головах играет, а он угрюмый сидит, в пол смотрит. Мне его даже жалко стало. Зачем я человеку своим взглядом весь вечер испортил?

Долго ли, коротко ли, встали они, к выходу идут. Тот, который самый большой, последним. У самой двери останавливается, исподлобья на меня смотрит, а потом вдруг всей тушей своей гигантской к моему столу двинулся. Грозный, как разгневанный танк. Челюсть моя так и заныла в предчувствии зубодробительного удара. Страха во мне никакого. Бей, австрияк, вечер я тебе крепко

испортил. У нас за это неизменно по морде бьют. Традиция такая. Подходит. Весь свет мне исполинским своим животом загородил. Бей, австрияк! Я сопротивляться не буду. Бей, не милуй! Рука его тяжелая, пудовая, на мое плечо левое легла и слегка сжала его. И по той руке вроде как человеческое участие потекло. Своей правой рукой стиснул я руку его. Сжал благодарно. В глаза ему не смотрю. Не знаю почему. Я голову над столом склонил. А он к выходу пошел, неуклюжий, не оборачиваясь. Чужой человек. Другой планеты существо.

А ведь тоже человек. Добрый. Добрее меня. Стократ добрее.

5

Что происходит со мной? Что за перемены? Что за скачки? Лучше мне. От пива, наверное. А может, от широкой мозолистой лапы, что меня по плечу потрепала, на краю пропасти удержала. Однако что же со мной было? Отчего свет белый для меня померк? Может, это было то, что слабые люди угрызениями совести называют? Нет, конечно. Нет во мне совести, не мучает она меня. И чего мучить? С какой стати? Младшего лидера я предал? Хороший он человек. Но не я его, так он бы меня на конвейер поставил. Работа у нас такая. Выдав Младшего лидера, я ГРУ от всяких случайностей оградил. За такие вещи в Центральном Комитете Кир спасибо говорит. Увезут Младшего лидера, нового пришлют. Стоит ли из-за этого расстраиваться? Если бы каждый волю своим чувствам давал, система давно бы рухнула. А так она стоит и крепнет. И сильна она тем, что избавляется немедленно от любого расслабившегося. От любого, кто своим чувствам волю дает.

Однако расслабился ли я? Несомненно. А видел ли кто меня? Возможно. Можно ли было со стороны мои переживания увидеть? Конечно. Если поза горемыки, если

руки плетями, если взгляд погас, это могли обнаружить. Если австрияк понял, что плохо мне, то опытный разведчик, который мог следить за мной, и подавно понял.

После эвакуации Младшего лидера Навигатор вполне мог за мной слежку поставить: как Сорок Первый себя ведет? Не расслабился ли?

Что-то случилось со мной, и на несколько часов я потерял контроль над собой. Если Навигатор об этом узнает, то ночью меня ждет эвакуация. Очередной самолет будет только через три дня. Эти дни я в фотолаборатории в темноте проведу. Но сегодня ночью меня обязательно в эту темноту уволочут. Даже обыкновенный самолет, у которого иногда приборы управления отключаются, к полетам не допускают. А разведчика и подавно. Разведчик, теряющий контроль над собой, опасен. Его убирают немедленно.

Из пивной я к своей машине бреду. Если хочешь обнаружить слежку — побольше равнодушия. Почаще под ноги смотри. Успокой следящих. Тогда их и увидишь. Ибо, успокоившись, они ошибаются. Уже много лет я, как летчик-истребитель, все в заднее стекло машины смотрю. Назад смотрю больше, чем вперед. Профессия такая. Но не сейчас. Сейчас я даю возможность тем, кто, возможно, следит за мной, успокоиться и потерять бдительность. Машина моя идет ровно. Никаких фокусов. Никаких попыток уйти в переулки.

По берегу Дуная, через мост, опять вдоль берега. Я не спешу, не делаю рывков, не стараюсь уйти куда-нибудь к железнодорожному полотну. (Хорошо проверяться у железнодорожного полотна.) Я обхожу центр города. Я иду по широким улицам в потоке машин. Хорошо для тех, кто следит. И совершенно плохо для того, кто под слежкой. От Schwedenplats я иду в направлении Aspernplats. Но вот резко ухожу в первый переулок налево к Hauptpost и вновь резко вправо. Тут меня светофор остановит. Это я знаю. А знает ли про этот светофор тот, кто следит за мной?

Если кто-то следит, то он должен выскочить следом или потерять меня. А обойти меня тут невозможно по параллельным улицам. Тут я все знаю. Я все тротуары тут истоптал.

Я под светофором. Один. Улочка узкая да извилистая. А ну-ка, кто из-за поворота выскочит? Еще секунда, и будет зеленый свет. Из-за поворота вылетает серый побитый «форд». Тормозами скрипит, молод водитель. Не знал, что светофор за углом. Не думал, что я под светофором стоять могу, его поджидая, А я уже плавно трогаясь. Зеленый свет. Его лицо очкастое я одним взглядом накрываю — в автомобильное зеркальце. Да, брат. Знаю я твою очкастую рожу. Номер на твоей машине не дипломатический. Но ты — советский дипломат. Я тебя видел в делегации по сокращению вооружений в Европе. Не думал, что ты из нашей своры. Я думал, что ты чистый. Но зачем чистому дипломату в рабочее время по городу шнырять? Зачем из-за поворота на бешеной скорости выскакивать, штрафуют же!

Теперь я не спешу. Лицо свое я равнодушием умыл. Не замечаю ничего, не реагирую ни на что. «Форд» больше не появляется. А может, и появлялся, да я не пытаюсь его обнаружить вновь. Для меня и одного раза достаточно. Мне ясно, за мной следят. Ни капли сомнения в этом.

Водитель «форда» сейчас мучается, наверное: увидел я его или нет, узнал ли? Он, конечно, успокаивает себя, что рассеянный я, что совсем назад не смотрю, что не мог я его заметить.

Интересно, сколько за мной машин Лукавый поставил следить? Ясно, что не одну. Если бы только одна машина в слежке была, то в машине по меньшей мере два человека сидели. Если один человек в машине, значит, машин несколько. Это каждому ясно. Слежка может завершиться только эвакуацией.

И нужно понять командование ГРУ. Если человек теряет контроль над собой после пустякового происшествия, значит, он и в будущем может потерять контроль над собой. В самый ответственный момент. А может, он в прошлом уже терял над собой контроль? Может, враждебные организации воспользовались этим?

Заберут меня сегодня ночью. И если бы я был на месте Навигатора, то поступил бы точно так же: во-первых, немедленно после случившегося поставил слежку, во-вторых, убедившись в неблагополучии, — отдал приказ об эвакуации.

Я не еду в посольство. Посольство — это наручники и укол. Я еду домой. Мне нужно подготовиться к неизбежному. И встретить удар судьбы с достоинством.

6

Дверь своей квартиры я запер изнутри, а окно чуть приоткрыл. Если мне не хватит мужества встретить их лицом к лицу, я прыгну в окно. Ниже меня — семь этажей. Хватит вполне. Путь через окно — это легкий путь, но и его я обдумываю. Это путь для малодушных. Для тех, кто боится конвейера. Если в последний момент я испугаюсь, то воспользуюсь этим путем. Недавно гордый варяг из ГРУ ушел от конвейера именно так — прямо в центре Парижа бросился из окна на камни. Другой варяг ГРУ, из Лондона, работал в очень важном обеспечении в Швейцарии. Ошибся. На конвейер не захотел. Вскрыл вены. А вот борзой майор Анатолий Филатов конвейера не побоялся. И я не побоюсь.

А вообще-то, черт его знает. Хорошо зарекаюсь сейчас. И все же я не пойду через окно. Я встаю и решительно его закрываю. Это не для меня.

На конвейер я не пойду и через окно тоже. Когда постучат, я открою дверь и вцеплюсь кому-то в глотку зубами.

Глянул на часы. Похолодел. Уже за полночь! Тактику Аквариума я знаю. Эвакуация обычно начинается в 4.00. Аквариум свои удары на рассвете наносит. Самое время сонное. Могут, конечно, и раньше начать, и для этого расстановку людей они должны начать еще раньше. Так что я уже, наверное, опоздал. Вполне возможно, что двое уже ждут своего часа на лестничной площадке этажом выше. Еще пара где-то у входа. Кто-то, конечно, и в гараже. Основная группа ждет где-то рядом.

Сейчас у меня только одна возможность — осторожно выйти из квартиры, спуститься на два-три этажа вниз и только тут вызвать лифт, а лифтом прямо в подземный гараж, а из гаража выезжать не через выходные ворота, а через входные, если, конечно, их удастся открыть изнутри...

Замок я открыл неслышно.

Тихо жму на ручку двери, главное, чтоб не скрипнула. Я вздыхаю глубоко и тяну дверь на себя. Полоса света из коридора на полу моей комнаты становится все шире. Затаив дыхание, я потянул ее сильнее, а она заскрипела тихо, тоскливо и протяжно.

Моя машина на солидном расстоянии от дома. Моя машина в тени, в гуще других машин на большой стоянке. Но свой дом я вижу отчетливо. Пока ничего подозрительного вокруг не происходит. Все спит. Все спят.

Вдруг в 3.40 во всех окнах моей квартиры вспыхнул свет. Что ж, это именно то, что я предвидел.

Я в лесу. Холодный серый рассвет. Ключья тумана. Ледяная роса. Я еще никуда не бегу. Я тут только для того, чтобы подумать. Я не люблю, когда мои мысли прерывают внезапным настойчивым стуком или звонком в дверь.

Прежде всего мне предстоит выбор: вернуться, сдать, добровольно пойти на конвейер или... В самый последний момент, оказавшись один на один с системой, миллионы людей такой вопрос себе задавали. Мне со-

всем не интересно, что подумают обо мне другие сейчас и позже. Посторонние меня все равно осудят, как осудили миллионы моих предшественников. В самом деле, если люди шли под коммунистический топор, не протестуя, — то их сейчас осуждают: рабские души, не способные протестовать, туда вам и дорога. Но если люди не шли добровольно на убой, они должны были или убежать или драться. Этим тоже осуждают: изменники, предатели, пособники врага! Если я добровольно сдамся — дурак, холуй, раб. Если не сдамся — предатель.

Считайте меня, братцы, преступником, холуем не считайте. Но и преступником меня считайте не очень большим. Все, кто окружал Ленина, оказались изменниками, предателями и шпионами иностранных разведок, включая Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина и прочих. Кто же тогда Ленин? Ленин — главарь шайки изменников, шпионов и террористов. Как же назвать всех тех, кто верой и правдой Ленину служил? Кто ему сейчас поклоняется? Со Сталиным то же самое получилось. И он был окружен врагами, шпионами, развратниками, антипартийцами. И сам оказался уркой. Как же назвать тех, кто выполнял приказы этого урки? Рано или поздно все наши лидеры войдут в число предателей, волюнтаристов, проходимцев, болтунов и развратников. Убежать от них — конечно, преступление. А оставаться и выполнять их приказы?

Холодно в лесу, зябко. Не привык я долго думать. И философия — не моя область. Но на один вопрос я обязан ответить сам себе: бегу я потому, что ненавижу систему, или потому, что система наступила мне на хвост? На этот вопрос я даю самому себе совершенно четкий ответ: я ненавижу систему давно, я всегда был против нее, я готов был рисковать своей головой ради того, чтобы заменить существующую систему чем угодно, даже военной диктатурой. Но. Если бы система мне на хвост не наступила, я бы не убежал. Я бы продолжал

ей служить верой и правдой и достиг бы больших результатов. Не знаю, начал бы я протестовать позже или нет, но в данный момент я просто спасаю свою шкуру.

Ответ на главный вопрос получился четким и для меня неутешительным. Надо было, Витя, раньше начинать! Надо было бежать при первой возможности. А еще лучше, встретить западную разведку и передавать ей материалы об Аквариуме, как делали Пеньковский, Константинов, Филатов. Не очень хорошо, Витя, получилось. Можно ли ситуацию исправить? Нет. Поздно. А может быть, и не поздно. Если мне удастся вырваться из Аквариума, я буду жить тихо, не рыпаясь, или я могу... Что же я могу?

Я сижу неподвижно несколько минут, а затем формулирую сам для себя вывод: я предатель и изменник. Я заслуживаю высшей меры за то, что самовольно покидаю систему. Я заслуживаю той же высшей меры за то, что не боролся против нее. Сейчас я спасаю свою шкуру, но если я вывернусь из этого переплета, я начну борьбу против нее, рискуя спасенной шкурой. Если мне удастся бежать, я не буду сидеть молча. Я буду упорно работать. По многу часов в день. Если мне не удастся сделать что-либо серьезное, я хотя бы напишу несколько книг. По 15 часов в день буду писать. По одной книге в год. Но это второстепенное. Кроме этого я попытаюсь нанести им настоящий серьезный урон. Я знаю как. Они меня учили — как. Я буду смелым. Я буду рисковать. И шкурой своей я не очень дорожу.

Остается последний вопрос: куда бежать? Вопрос легкий: в Британию. Британия выгнала однажды 105 советских дипломатов. Резидентуры КГБ и ГРУ в полном составе. На такое никто, кроме Британии, не отважился. Раз они свои интересы могут защищать, может, они и мои смогут защитить. 105/1. Статистика в пользу Британии.

Теперь нужно решить, как связаться с правительством Великобритании. Путь один — через представите-

лей этого правительства. Чем меньше бюрократических ступеней, тем решение будет принято быстрее. Но к послу меня не пустят. Итак, я иду к любому высокопоставленному английскому дипломату. У британского, американского, французского посольств меня наверняка ждут ребята из Аквариума. Значит, надо идти в частный дом. Лукавый, конечно, и это предусмотрел, но контролировать подходы к домам всех западных дипломатов высокого ранга он не сможет. Кроме того, я пойду пешком, спрятав машину в лесу.

7

Дом у английского дипломата большой, белый, с колоннами. Дорожки мелкими камешками усыпаны. Сад роскошный. Я небрит. Я в черной кожаной куртке. Я без машины. Я совсем не похож на дипломата. А вообще-то я уже и не дипломат. Я больше не представляю своей страны. Наоборот, моя страна сейчас ищет меня везде, где только возможно.

В доме английского дипломата все не так, как в обычных домах. У него звонка нет. Вместо звонка на двери — блестящая бронзовая лисья мордочка. Этой мордочкой нужно об дверь стучать. Мне очень важно, чтобы появился хозяин, а не кто-то из его слуг. Мне везет. Сегодня суббота, он не на работе и слуг его в доме тоже нет.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Я протягиваю свой дипломатический паспорт. Он полистал его и вернул мне.

— Заходите.

— У меня послание к правительству Ее Величества.

— В посольство, пожалуйста.

— Я не могу в посольство. Я передаю это письмо через вас.

— Я его не принимаю. — Он встал и открыл дверь передо мной. — Я не шпион, и в эти шпионские трюки меня, пожалуйста, не ввязывайте.

— Это не шпионаж... больше. Это письмо правительству Ее Величества. Вы можете его принять или нет, но сейчас я буду звонить в британское посольство и скажу, что письмо правительству находится у вас... Я оставляю его тут, а вы делайте с ним что хотите.

Он смотрит на меня взглядом, в котором нет ничего для меня хорошего.

— Давайте ваше письмо.

— Дайте мне конверт, пожалуйста.

— У вас даже нет конверта, — возмущается он.

— К сожалению...

Он кладет передо мной пачку бумаги, конверты, ручку. Бумагу я отодвигаю в сторону, из кармана достаю пачку карточек с адресами кафе и ресторанов. Каждый шпион всегда имеет в запасе десятка два таких карточек. Чтобы не объяснять новому другу место встречи, проще дать ему карточку: я приглашаю вас сюда.

Я быстро просматриваю все. Выбираю одну. И несколько секунд думаю над тем, что же мне писать. Потом беру ручку и пишу три буквы: GRU.

Карточку вкладываю в конверт. Конверт заклеиваю. Пишу адресат — «Правительству Ее Величества». На конверте ставлю свою персональную печать «173-B-41».

— Это все?

— Все. До свидания.

Я снова в лесу. Вот моя машина. Я гоню ее дальше и дальше. Теперь встреча с местной полицией тоже может быть опасной. Советское посольство могло сообщить в полицию, что один советский дипломат сошел с ума и носится по стране. Могут сообщить в Интерпол, что я украл миллион и убежал. Могут заявить протест правительству и сказать, что власти Австрии меня захватили силой и что меня нужно немедленно вернуть — иначе...

Они умеют делать громкие заявления. Теперь мне нужна телефонная связь с британским посольством. Я должен объяснить ситуацию, пока какой-нибудь деревенский полицейский пост не остановил меня и не вызвал советского консула. Тогда будет поздно объяснять что-нибудь. Тогда после первой встречи с консулом у меня вдруг пойдет обильная слюна, я начну смеяться или плакать и за мной пришлют специальный самолет. Пока слюна еще не пошла, я буду пытаться... Укрытые телефоны у меня на примете есть.

— Алло, британское посольство, я направил послание... Я знаю, что меня не соединят с послом, но мне нужен кто-то ответственный... Мне не надо его имя, вы сами там решайте... Я направил послание...

Наконец они кого-то нашли.

— Слушаю... кто говорит?

— Я направил послание. Тот, с кем я его направил, знает мое имя...

— Правда?

— Да. Спросите его.

Трубка молчит некоторое время. Потом оживает.

— Вы представляете свою страну?

— Нет. Я представляю только себя.

Трубка снова молчит.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу, чтобы вы сейчас вскрыли пакет и послание передали британскому правительству.

Трубка молчит. В трубке какое-то сопение.

— Я не могу вскрыть конверт, так как он адресован не мне, а правительству...

— Пожалуйста, вскройте пакет. Это я его подписывал. Я так подписал, чтобы его содержание не стало известно многим. Но вам я даю право его вскрыть...

Далеко в телефонных глубинах какое-то шептание.

— Это очень странное послание. Тут какой-то ресторан...

— Да не это... Посмотрите на обороте...

— Но и тут странное послание. Тут только какие-то буквы.

— Вот их и передайте...

— Вы с ума сошли. Послание из трех букв не может быть важным.

— Это будет решать правительство Ее Величества: важное послание или нет...

Трубка молчит. Какое-то потрескивание, не то шипение... Потом она оживает:

— Я нашел компромисс. Я не буду посылать радио-сообщение, я перешлю ваше сообщение дипломатической почтой! в его голосе радость школьника, который решил трудную задачу.

— Черт побери вас с вашими британскими компромиссами. Сообщение может быть важное или нет, не мне решать, но оно срочное. Через час, а может, и раньше — будет уже слишком поздно. Но знайте, что я настойчивый, и если начал дело, то его не брошу. Я буду вам звонить еще. Через пятнадцать минут. Пожалуйста, покажите послу мое послание.

— Посла сегодня нет.

— Тогда покажите его кому угодно. Своей секретарше, к примеру. Может, она газеты читает. Может, она подскажет вам решение...

Я бросаю трубку.

Я меняю место. Я обхожу деревню. Я обхожу людей. Во мне звучит жутким ритмом страшная песня «Охота на волков». Совсем недавно я чувствовал себя затравленным зверем, но силы вернулись ко мне. Мертвой хваткой я вцепился в рулевое колесо, как летчик-смертник в штурвал своего самолета. Живым они меня не возьмут. Эх, расшибу любого, кто поперек пути встанет. А на крайний случай у меня отвертка огромная в запасе. Эх, кому-то я ее в горло всажу по самую рукоятку. Жизнь продаю! Подходи, налетай! Но дорого уступлю!

Звоню в британское правительство. Попытка вторая и последняя. Я редко кого дважды просил. А трижды никогда. И никогда впредь. Впрочем, немного мне осталось...

Я обещал позвонить через пятнадцать минут. Но вышло только через сорок три: у намеченного мной телефона людно было.

— Британское посольство?

— Да. — Но изменилось решительно все. Короткий ответ звучит резко и четко, как военная кохманда. Тот же мужской голос: — У вас все хорошо? Мы волновались. Вы так долго не звонили...

— Мое послание...

— Мы передали ваше послание в Лондон. Это очень важное сообщение. Мы уже получили ответ. Вас ждут. Вы готовы?

— Да.

— Адрес на карточке — это место, где вас надо встретить?

— Да.

— На карточке не указано время. Это означает, что вас надо встретить как можно быстрее?

— Да.

— Мы так и думали. Наши официальные представители уже там.

— Спасибо. — Это слово я почему-то произнес по-русски. Не знаю, понял ли он меня.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Суворов. Предисловие</i>	5
ВИКТОР СУВОРОВ. ИСПОВЕДЬ ПЕРЕБЕЖЧИКА	14
<i>Приложение. Отрывок из романа Виктора Суворова «Аквариум»</i>	141

Массово-политическое издание

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПРОМАТ

Гордон Дмитрий

ВИКТОР СУВОРОВ
Исповедь перебежчика

Редактор *Е. Ю. Бузев*
Художник *Б. Б. Протопопов*
Верстка *А. А. Кувшинников*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 13.01.2014. Формат 84x108¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж 2 000 экз. Заказ 4809.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0590-0

9 785443 805900 >

Виктор Суворов. Он самый популярный автор «нон-фикшн» в России и одновременно самый известный перебежчик из ГРУ на Запад. Смертный приговор ему до сих пор не отменен. Ему нечего скрывать, прямо и откровенно он рассказывает Дмитрию Гордону о том, как работает наша разведка на Западе.

«...Вербовка не наука, а искусство — как рыбная ловля где-нибудь на Днепре: сидишь, удочку с червячком закинул... Подсек, а он такой большой, толстый карась: вытаскиваешь его и — раз! — на сковородку!»

ISBN 978-5-4438-0590-0

9 785443 805900 >